

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (14)

Academic Journal

Series:
Psychology. Pedagogics. Education

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (14)

Научный журнал

Серия
«Психология. Педагогика. Образование»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭРАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шакаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Редакционная коллегия серии

Т.Д. Марцинковская, гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.Р. Орестова, зам. гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), О.В. Гавриченко, отв. секретарь, канд. психол. н., доц. (РГГУ), Т.М. Марютина, д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.К. Шабельников, д-р психол. н., проф. (РГГУ), Т.П. Скрипкина, д-р психол. н., проф. (РГГУ), Т.Д. Шевеленкова, канд. психол. н., доц. (РГГУ), М.К. Акимова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), Е.Э. Кригер, д-р психол. н., доц. (РГГУ), А.Г. Асмолов, д-р психол. н., проф. (МГУ), В.Т. Кудрявцев, д-р психол. н., проф. (МГППУ), Т.В. Рябова, выпускающий ред., канд. психол. н., доц. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), А.Г. Катаева, канд. ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т, Сан-Диего, США), Д. Верч (Вашингтонский ун-т, Сент-Луис, США), П. Штайнер (Ун-т Пенсильвании, Филадельфия, США), А. Вио (Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция), М. Денн (Ун-т им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция), Г. Тиханов (Ун-т королевы Марии, Лондон, Великобритания).

Ответственный за выпуск: О.В. Гавриченко, канд. психол. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
--------------------	---

Тематические сообщения

<i>Т.Д. Марцинковская</i> Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве	11
<i>Е.А. Киселева</i> Влияние лингвистической идентичности на процесс информационной социализации	21
<i>Е.Э. Кригер</i> Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем	29
<i>М.О. Соболева</i> Психологические характеристики современных девиантных подростков	40
<i>М.М. Мишина</i> Интеллектуальная деятельность актеров как психологическая детерминанта процесса создания художественного образа	50

Эмпирические исследования

<i>Е.В. Улыбина, О.Г. Кравцов, С.Э. Аббасова</i> Оценка виновности агрессора и жертвы в ситуации семейного насилия студентами-юристами	59
<i>Е.П. Белинская, С.Н. Илюхина</i> Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии	81
<i>О.В. Гавриченко</i> Особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий	96

<i>В.В. Солодников, И.В. Солодникова</i> Цифровое пространство и россияне «среднего возраста»	115
--	-----

Работы молодых ученых

<i>Д.П. Ткаченко</i> Развитие субъектности современных подростков	138
--	-----

<i>А.А. Колда</i> Некоторые аспекты идентичности современного подростка	145
--	-----

CONTENTS

From the editor	9
-----------------------	---

Thematic reports

<i>Tatyanya D. Martsinkovskaya</i> Identity in transitive and virtual space	11
--	----

<i>Ekaterina A. Kiseleva</i> Influence of linguistic identity on process of information socialization	21
---	----

<i>Evgeniya E. Kriger</i> Characteristics of the digital society and the principles of education in it	29
--	----

<i>Mariya O. Soboleva</i> Psychological characteristics of modern deviant teenagers	40
--	----

<i>Marina M. Mishina</i> Intellectual activity of actors as a psychological determinant of the process of creating an artistic image	50
--	----

Empirical research

<i>Elena V. Ulybina, Oleg G. Kravtsov, Sara E. Abbasova</i> Evaluation of the Guilt of the Aggressor and the Victim in a Situation of Domestic Violence by Law Students	59
---	----

<i>Elena P. Belinskaya, Svetlana N. Ilukhina</i> Space of social networks as a factor of conflict radicalization in virtual interaction	81
---	----

<i>Oksana V. Gavrichenko</i> Features of the self-presentation in real and virtual space of representatives of creative professions	96
---	----

Vladimir V. Solodnikov, Irina V. Solodnikova
Digital space and “middle aged” Russians 115

Works of young scientists

Darya P. Tkachenko
Development of subjectivity in modern teenagers 138

Anastasia A. Kolda
Some aspects of the modern teenager identity 145

От редактора

Дорогие коллеги, в четвертый, последний номер 2018 года вошли интересные статьи, отвечающие на наиболее важные вызовы современной психологической науки.

Прежде всего, это проблемы цифрового общества, которые в настоящее время становятся все более значимыми для разных сфер психологии. В этом номере представлены и теоретические, и эмпирические работы, раскрывающие вопросы специфики идентичности в реальном и виртуальном пространстве, показано влияние лингвистической идентичности и образования на процесс становления личности в цифровом обществе. Описывается и процесс вхождения в мультикультурное пространство молодых людей, и особенности поведения и взаимодействия в цифровом пространстве людей среднего возраста.

Не менее интересным в настоящее время является и вопрос о творчестве, в особенности вопросы, связанные с личностными качествами и самопрезентацией людей творческих профессий, что тоже нашло отражение на страницах этого номера.

Крайне важными для современности, к сожалению, становятся и вопросы семейного насилия, отклоняющегося поведения, его радикализации, в том числе и в виртуальном пространстве.

Нельзя обойти стороной и работы молодых ученых, в которых раскрываются вопросы становления личности, развития идентичности молодых людей, только входящих в современный мир.

Таким образом, можно констатировать, что содержание этого номера продолжает уже традиционную линию журнала на разнообразии подходов в единстве их новизны и значения для психологической науки настоящего.

From the editor

Dear colleagues, the fourth, last issue of 2018 includes interesting articles that respond to the most important challenges of modern psychological science.

First of all, these are the problems of the digital society, which are now becoming more and more significant for different areas of psychology. This issue presents both theoretical and empirical works, revealing

the questions of specificity of identity in real and virtual space. It is shown the influence of linguistic identity and education on the process of personal development in a digital society. It is described the process of acculturation of young people in the multicultural space, as well as the peculiarities of behavior and interaction in the digital space of middle-aged people.

No less interesting at the present time is the question of creativity, especially the question of the personality and the self-presentation of creative people, which is also reflected on the pages of this issue.

Unfortunately, problems of domestic violence, deviating behavior, its radicalization, including the virtual space, are also extremely important for the present.

You cannot ignore the works of young scientists, which reveal the formation of the personality, the development of the identity of young people just entering the modern world.

Thus, it can be stated that the content of this issue continues the already traditional line of the journal on the diversity of approaches in the unity of their novelty and significance for the contemporary psychological science.

Тематические сообщения

УДК 159.923.2

Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве

Татьяна Д. Марцинковская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Психологический институт
Российской академии образования, Москва, Россия;
Московский государственный областной университет, Москва, Россия,
marsinkovskaya@psystudy.ru*

Аннотация. В статье анализируются изменения в структуре и содержании идентичности, которые происходят в настоящее время в связи с социальными трансформациями, характерными для виртуального и транзитивного пространства. Показываются непосредственно психологические составляющие современного пространства, объективные и субъективные. Раскрываются изменения идентичности в транзитивном и виртуальном пространстве.

Ключевые слова: личное пространство, переживания, транзитивное общество

Для цитирования: Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 11–20.

Identity in transitive and virtual space

Tatyana D. Martsinkovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia;
Moscow State Regional University, Moscow, Russia,
martsinkovskaya@psystudy.ru*

Abstract. In this article the author analyzes changes in the identity structure and content, that are currently taking place in connection with the social transformations, which are characteristic for the virtual and transitive space. Psychological components of the modern space, subjective and objective, are shown. The changes which occur in identity in transitive and virtual space are revealed.

Keywords: personal space, emotional experiences, transitive society

For citation: Martsinkovskaya TD. Identity in transitive and virtual space. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics.Education" Series.* 2018;4:11-20.

В то время как понимание транзитивности, изменчивости социальной сферы в достаточной мере определены в рамках психологии, влияние этих изменений на человека, содержание и структуру его личностной идентичности, социализацию все еще остается открытым вопросом. Множественность контекстов в ходе анализа трансформаций идентичности определяется границами ее изменчивости и постоянства в ситуациях текучей и жесткой транзитивности, а также в ситуации различных вариантов взаимодействия с виртуальным пространством – как онлайн, так и офлайн. Представления людей о себе в мире, одновременно соединяющем в себе устойчивость повседневности и постоянную изменчивость разных контекстов проживания этой повседневности, – это один из важнейших факторов их совладания с конфликтами и сложностями повседневной жизни.

Можно предположить, что разные этапы развития транзитивного пространства и его различные аспекты взаимосвязаны с этапами и психологическими, социокультурными и технологическими аспектами развития виртуального пространства [1, 2]. Раскрытие

закономерностей, определяющих эту взаимосвязь и взаимовлияние позволит выявить и ключевые психологические факторы, которые влияют на социализацию и становление идентичности современных людей, живущих одновременно в обоих этих пространствах. Именно данный аспект исследования представляется наиболее значимым, особенно в контексте современных культурных, социальных и технологических изменений.

Объем и скорость современных трансформаций требуют формирования нового понимания терминов «социализация» и «идентичность» и создания новой методологии, нового инструментария, который позволит в полной мере исследовать их содержание [3, 4].

Социализация

Как уже упоминалось, на развитие актуальных концепций социализации серьезно влияет ситуация неопределенности, возникающая в связи с константной трансформацией эталонов, норм и ценностей, характерной для современного мира [5]. Даже в условно стабильных социальных группах происходит постоянное изменение «правил игры». Соответственно процесс социализации не ограничивается первыми 10–15 годами жизни, но продолжается в течение всего жизненного пути. Это позволяет говорить о непрерывном процессе социализации современного человека. Немаловажен и вопрос сути и ведущих направлений трансляции норм и ценностей, который подробнее будет рассмотрен далее.

В контексте «непрерывности процесса социализации» важно подробнее остановиться на понятии «ресоциализации» [6]. Изначальное понятие этого термина относилось ко «вторичному вхождению» индивида в социальную среду. Причиной могли быть предыдущие «дефекты» адекватной социализации – например, пребывание в местах лишения свободы. Или же смена социокультурного окружения – например, эмиграция.

В современном контексте «ресоциализация» приобрела новое значение – сознательная трансформация поведения, вызванная очевидной социальной неуспешностью.

Рассматривая «ресоциализацию» в данном аспекте, важно выделить две ключевые характеристики: способность ориентироваться в непредвиденных социальных ситуациях и реализацию в рамках постоянной изменчивости социальных ситуаций. «Жесткая культура» диктует жесткие правила и нормы, становится основой жестких институтов социализации, в рамках которых методы

воздействия взрослыми на подростков и результаты данного воздействия четко определены. Современная культура, многомерная и изменчивая, предполагает «жидкую» социализацию, в которой воздействие может быть ненаправленным, многоаспектным, а результат – латентным, отсроченным.

Рассматривая социализацию одновременно как процесс и результат активного вхождения человеком в социальный мир, можно определить понятие «социализированность» как характеристику продукта (результата) этого процесса.

Выделяют как минимум семь критериев успешности вхождения индивида в социальную группу:

- большое разнообразие различных групп идентичности;
- взаимоприятие группы и индивида;
- положительное отношение индивида к ценностям и нормам группы;
- социальная успешность, по меньшей мере в одной официальной группе идентичности (например, школьная успеваемость);
- высокий социометрический статус, как минимум в одной из групп идентичности;
- положительная временная перспектива;
- дифференцированность представлений индивида о себе.

Операционализации понятия «неопределенность» в исследованиях социализации

В рамках обсуждения транзитивности как изменчивости и неопределенности, в которой происходит современная социализация, важно подчеркнуть, что «характерной чертой неопределенности является невозможность точно предсказать поведение индивида в будущем (в том числе реакцию на знакомые раздражители), основываясь на причинно-следственных отношениях» [1].

«Конструкционистская парадигма, позволяющая говорить об изменении окружающего мира в сторону желаемых трансформаций, повышает предсказуемость будущего, так как сама уверенность людей в возможности выстроить будущее, переконструировав, перестроив ситуацию, снимает неопределенность будущего» [1]. Постмодернистская философия и полипарадигмальность методологии в той же мере созвучны современной ситуации, вариативность и непредсказуемость которой так или иначе приводят к необходимости создать некий коллаж, который отражал бы

различные аспекты как ситуации, так и нашего в ней присутствия. Конструкционизм делает будущее более предсказуемым и одновременно снимает эмоциональную напряженность, связанную с социальными, методологически и методически обусловленной проблемой неопределенности.

Индивид уверен, что может выстроить будущее, изменив ситуацию, и эта уверенность, устраняя неопределенность будущего, убирает и связанные с этим будущим опасения.

Опираясь в психологии понятием «неопределенность», можно говорить о том, что даже стабильная ситуация часто не совсем ясна. Новая же или все время меняющаяся ситуация закономерно несет еще большую нагрузку неопределенности, соответственно увеличивая неопределенность поведения, состояния и мыслей индивида. Являясь стабильным образованием с собственной, устойчивой мотивационной структурой, индивид одновременно представляет постоянно изменяющуюся величину, вынужденную встраиваться в систему постоянно изменяющихся отношений (данный парадокс по сути родственен корпускулярно-волновому дуализму, когда объект является одновременно и волной и частицей).

Таким образом, объективацию мотивов поведения индивида в рамках ситуации неопределенности уже нельзя соотносить с поступком как личностным феноменом. Поэтому в настоящее время, как и в классической психологии, требуются опосредованные способы анализа. О том, что происходит с индивидом, мы судим по другим людям. О его мотивации судим, идентифицируясь с ним. Однако знание это опосредовано переживаниями, личным опытом наблюдателя, культурой (поведением, сформированным в рамках определенных эталонов), индивидуальными атрибутивными схемами. Поэтому оно не может считаться полностью достоверным. Значимыми для постнеклассической психологии становятся результаты самонаблюдения, нарративы. Моменты рефлексии, инсайта позволяют индивиду в некоторой степени понять себя, свои переживания и мысли, причины своих действий, а затем экстраполировать эти наблюдения на других людей. Так освещение тела, движущегося в темноте, позволяет не только рассмотреть его, но и предположить, куда оно движется и откуда возникло. Однако рефлексия и инсайт – это лишь дискретные моменты, формирующие понимание причин (предшествующих событий) и следствий в достаточно субъективном, фрагментарном виде. Объективация идентичности и осознание себя возможны только здесь и сейчас. Одновременно сохраняется иллюзия понимания индивидом своего предыдущего состояния, хотя себя он оценивает немногим лучше, чем окружающих.

Следовательно, объективизация и операционализация понятия «неопределенность» для психологии актуальны в рамках методологических проблем, связанных с предметом исследований – с личностью, чей внутренний мир не определен не только для окружающих, но и для самого индивида. Еще более очевидным это положение становится в ситуации внешней определенности, которая усиливает его.

Личность

Представления о сущности и динамике становления индивида активным, социальным существом являются давним предметом психологических и философских дискуссий. Однако ключевое отличие концепций заключается не в разнице понимания терминов «субъект» и «личность», но в определении активности и степени влияния врожденных и социально заданных качеств в формировании субъекта и личности, а также степени индивидуализации и особенностях взаимоотношения индивида как с обществом в целом, так и с отдельными людьми.

В современных концепциях этот вопрос рассматривается в новом контексте идентичности, а вернее – взаимосвязи идентичности личностной и социальной.

В последние годы психология рассматривает разнообразные виды идентичности: личностную, семейную, гендерную, половую, религиозную, социальную, культурную, этническую, ролевую, гражданскую... И важнейших вопрос – их соотношение между собой, а главное, соотношение между идентичностью личностной и социальной. Как и в концепциях, существовавших ранее, в теориях идентичности есть две позиции, но, в отличие от диаметральных точек зрения Тарда и Дюркгейма, в современной науке «превалирует осознание необходимости соотношения между собой социальной и личностной идентичностей» [7].

Вызовы транзитивности для психологии многоаспектны – это и проблема уходящего времени-пространства, и связанная с ней проблема «уходящей природы» в самом широком понимании этого термина. Людям всегда было сложно примириться с «новым», которое приходит со временем, в том числе с социальными трансформациями. Но никогда прежде будущее не имело настолько высокую степень неопределенности, а разрыв между «новым» и «старым» никогда не был настолько глубоким. Важно подчеркнуть, что речь идет не только о внешних, социальных изменениях, но также о ду-

ховной, психологической транзитивности, вызывающей «большой разрыв между субъективными и объективными пространствами и временами, отношением и к ним, и к изменениям, в них происходящим» [5].

«В ситуации транзитивности можно говорить о четырех вариантах развития индивида. Для простоты представим данный процесс только в плоскости двух континуумов социального пространства. В таком случае одна ось будет показывать отношение к социуму, способность человека противостоять давлению среды и зависеть от него. Вторая ось будет показывать степень интенциональности и структурированности мотивов индивида» [8].

В первом варианте представления индивида о себе и оценка себя базируется на стремлении, невзирая на внешние изменения, сохранить консервативные, безопасные, проверенные эталоны и ценности.

Во втором – представления о себе строятся на основе ценностей искусства, науки, культуры, не подверженных внешним изменениям, несмотря на то что данные ценности в актуальной ситуации могут быть не востребованы.

В третьем варианте в основе развития находится стремление осознать свою индивидуальность, понять цель и смысл своей жизни.

В четвертом индивид стремится переконструировать окружающее пространство, изменить его, сделать гармоничным по отношению к собственному внутреннему миру.

Все четыре варианта объединяет ключевая в данном случае необходимость для индивида в конгруэнтности своего «Я» с образом окружающего мира, в сохранении/восстановлении адекватности своего образа по отношению к существующей реальности [8]. Условно предпочтительным в данном аспекте является второй вариант, поскольку эстетическая парадигма (или мир культуры) даже в периоды кардинальных трансформаций сохраняет относительную стабильность. Однако в аспекте целостного осознания жизненного пути, поддержания и развития личной активности более предпочтительными становятся третий и четвертый вариант, в рамках которых индивид стремится создать «миропроект», либо в экзистенции (то есть в сфере собственной индивидуальности при сохранении консенсуса с обществом, с окружающим миром), либо во внешней действительности [8].

«При этом традиционное для российской психологии разделение понятий субъект и личность может рассматриваться именно в континууме первой оси, в то время как по второй оси данные понятия начинают сближаться друг с другом. Видимо, именно

в точке совпадения этих понятий можно говорить о важности термина индивидуальность, поскольку именно индивидуализация процесса социального и духовного развития приводит и к высокой интенциональности, и к вариативности в выборе направления ее реализации» [8].

Идентичность

В рамках дискурса об особенностях идентичности в постоянно изменяющемся, транзитивном мире необходимо учитывать, что изменившаяся социализация, разведение ее процесса и результата, приводят к изменению баланса между персональной и социальной идентичностью. Одним из результатов становится развитие так называемой нарративной идентичности – склонности в межличностных отношениях не столько предьявлять себя в групповых и иных действиях, сколько рассказывать о себе. Данный феномен проявляется и в игре идентичностей – индивид пробует себя в различных образах, ролях, часто глубже осознавая как сами эти роли и образы, так и себя в них. Причем различные сетевые сообщества, с одной стороны, обеспечивают многообразие «игр» с идентичностью, позволяя опробовать различные варианты этих «игр», а с другой – становятся основой для позитивной, гибкой социализации индивида [5].

Создавая или находя реальные и тем более виртуальные группы идентичности, человек самоподтверждает образовавшиеся в ходе «игры» или выдуманные личностные характеристики. Классическая связка «категоризация – самокатегоризация» таким образом трансформируется в «самомониторинг – самоподтверждение».

Неопределенность и изменчивость ситуации приводит к тому, что преемственность жизненных циклов теряет свою актуальность во взаимосвязи с личностной целостностью, и на смену ей приходит взаимосвязь с культурой, актуализирующая понятия социокультурной и лингвистической идентичности.

Индивидуализация и социализация, объединяясь, становятся основой для формирования различных вариантов социального пространства с многообразными культурами и субкультурами, различными сценариями межличностных и межгрупповых отношений и новым соотношением персональной и социальной идентичностей.

Финансирование

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

Funding

The research has been executed with assistance of a grant of the Russian Federal Property Fund 16-06-00161 “Exogenous and endogenous factors of information socialization”.

Литература

1. *Марцинковская Т.Д.* Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 октября 2018).
2. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. *Кастельс М.* [Castells M.] Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. *Марцинковская Т.Д.* Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2014. № 7 (36). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 октября 2018).
5. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2015. № 8 (42). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 октября 2018).
6. *Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. Т. 6. № 20. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 октября 2018).
7. *Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.* История психологии. М.: Гардарики, 2008. 413 с.
8. *Андреева Г.М.* Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 октября 2018).

References

1. Martsinkovskaya TD. // *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2013;6(30). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 October 2018). (In Russ.)
2. Bauman Z. Fluid present. Saint-Petersburg: Piter Publ.; 2008. 240 p. (In Russ.)
3. Castells M. Information era. Economy, society, culture. Moscow: GU VShE Publ.; 2000. 608 p. (In Russ.)

4. Martsinkovskaya TD. Methodology of modern psychology. A change of paradigms?! *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2014;7(36):1 (data obrashcheniya 4 October 2018). (In Russ.)
5. Martsinkovskaya TD. Modern psychology – challenges of transitivity. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2015;8(42):1 (data obrashcheniya 4 October 2018). (In Russ.)
6. Golubeva NA., Martsinkovskaya TD. Informational socialization. The psychological approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2011;6(20). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 October 2018). (In Russ.)
7. Martsinkovskaya TD., Yurevich AV. Psychology history. Moscow: Gardariki Publ.; 2008. 413 p. (In Russ.)
8. Andreeva GM. The identity presentations in the context of interaction. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2012; 5(26). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 October 2018).

Информация об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Московский государственный областной университет, Москва, Россия; 105005 Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А; marsinkovskaya@psystudy.ru

Information about the authors

Tatyana D. Martsinkovskaya, Dr. in Psychology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9, bldg. 4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; Moscow State Regional University, Moscow, Russia; bld. 10A, Radio Street, Moscow, Russia, 105005; marsinkovskaya@psystudy.ru

Влияние лингвистической идентичности на процесс информационной социализации

Екатерина А. Киселева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vita_ek@mail.ru*

Аннотация. Анализируется роль информационной социализации в современном мультикультурном мире, раскрывается значение психологической транзитивности и возрастающая роль информационной культуры и информационной социализации для адекватного позиционирования в этом пространстве. Рассматривается влияние места проживания, языка и социокультурной идентичности на процесс информационной социализации. Выделяется несколько ведущих тенденций информационной социализации в современном мультикультурном и транзитивном мире. Доказывается, что различия между молодыми людьми и взрослыми респондентами заключаются в выборе информационных источников и степени доверия к ним. Доказывается, что в процессе информационной социализации возрастает роль русского (часто и иностранного) языка у молодежи Карелии и Коми, при этом уменьшается потребность в знании родного, карельского и коми языков. Доказывается, что смешанная лингвистическая идентичность увеличивает толерантность к неопределенности и повышает социализированность подростков в мультикультурной среде.

Ключевые слова: информационная социализация, лингвистическая идентичность, мультикультурная среда

Для цитирования: Киселева Е.А. Влияние лингвистической идентичности на процесс информационной социализации // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 21–28.

Influence of linguistic identity on process of information socialization

Ekaterina A. Kiseleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vita_ek@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the role of informational socialization within the borders of the modern multicultural world and discloses the importance of psychological transitivity and the growing influence of informational culture and socialization for adequate positioning in this space. The role of sociocultural identity, language and the place of residence in the informational socialization is considered. The major trends of informational socialization in the modern transitive and multicultural world are highlighted. It is being proved that the differences between young people and adult respondents are the choice of information sources and the degree of confidence in them. It is also being proved that among the youth of Karelia and Komi in the process of informational socialization, the role of the Russian (often foreign) language increases, while the need for knowledge of native, Karelian and Komi languages decreases. The article reveals how this mixed linguistic identity increases tolerance for uncertainty and optimizes the socialization of adolescents in a multicultural environment.

Keywords: informational socialization, linguistic identity, multicultural environment

For citation: Kiseleva EA. Influence of linguistic identity on process of information socialization. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:21-8.

Введение

В настоящий момент информационная социализация является одним из наиболее актуальных вопросов, не только представляющих научный интерес, но и играющих ключевую роль в жизни общества [1]. Подростающее поколение воспринимает само понятие «информационная культура» не как абстракцию, а как абсолютно жизненную реалию. Этому, в первую очередь, способствует принципиальная трансформация самого информационного и социаль-

ного пространства, в котором формируется личность индивида [2]. Результаты исследований в данной сфере подтверждают важность и остроту этого вопроса в контексте современного социума. Тем не менее информационное пространство, как и информационная социализация, в достаточной мере изученные в рамках социологии и культурологии, для психологии фактически являются «*terrain-cognita*». Большинство психологических исследований посвящены проблематике интернет-зависимости и онлайн-коммуникации – то есть направлению, представляющему собой только часть информационного пространства. В то же время необходимо рассматривать данную сферу целиком, поскольку отношение не только к Интернету, но и к другим источникам, и самой информации в принципе связаны с различными психологическими проблемами [3]. В том числе в рамках новых вариантов трансляции норм, идеалов и ценностей в процессе взаимодействия между группами и поколениями, а также в вопросе многообразия идентичностей, способных проявляться в различных типах взаимодействия (в том числе общения). Равно важен и вопрос лингвистической идентичности – той роли, которую играет язык в общей и информационной социализации в рамках современного мультикультурного мира [4].

Результаты исследований неопровержимо свидетельствуют о невозможности спрогнозировать выбор и воздействие СМИ, опираясь исключительно на принадлежность к определенной профессиональной/социальной группе или возрастному периоду. Очевидна необходимость проведения дальнейших исследований, которые позволят проследить зависимости выбора источников информации от профессиональных интересов (а не группы), референтности группы и групповой идентичности.

Например, существенная роль референтной группы была выявлена при выборе СМИ у людей, которые недавно приехали в Москву. Согласно результатам исследований, независимо от места проживания большинство людей, принадлежащих к данной группе в возрасте 35–50 лет, преимущественно обращались к телевидению, а не Интернету, радио или газетам [1]. Люди аналогичного возраста, но не входящие в данную группу, активно пользуются и альтернативными информационными источниками (Интернет, печатные СМИ и т. д.). Помимо преобладания телевидения как основного информационного источника, ключевым отличием данной группы является высокая степень заинтересованности в политических новостях. Для других респондентов (во всех возрастных категориях) наиболее обширной сферой интересов является не политика, а спорт, культура, профессиональные знания, светские

новости и т. д. Выявление подобных взаимосвязей позволит улучшить прогнозирование выбора информационного поля (источника), вплоть до формы СМИ, на основе референтности, этнической и социальной принадлежности группы.

Еще один феномен, который следует отметить, – трансформация информационного пространства подростков, в котором все большее значение получает музыка. Она влияет на все аспекты жизни – в том числе на одежду, поведение, выбираемые примеры. Отметим, что для подрастающего поколения музыка – это не только развлечение, но и источник информации. В качестве подтверждения можно отметить популярность русскоязычных исполнителей и рэп-направления – слова имеют для подростков преобладающее значение по сравнению с мелодией и ритмом. В связи с этим можно определить роль музыки как катарсическую, очищающую от переживаний и трудностей. Если у взрослых в подобной роли выступают книги и фильмы, с героями которыми происходит самоидентификация, подросткам данную сферу заменяет музыка, обеспечивая эмоциональное заражение и одновременно разрядку. Это частично и объясняет феномен молодежной субкультуры, наполненной музыкальным ритмом, стилями, исполнителями. Данный аспект необходимо учитывать в том числе при выборе метода подачи важной информации для данной возрастной группы [5].

Описание исследования

Данное исследование было проведено в целях изучения влияния родного/родных языков и культуры на информационную социализацию в рамках мультикультурного пространства. В исследовании принимали участие 250 человек – в том числе 80 респондентов из Москвы (18–25 лет), 58 респондентов из Карелии (учащиеся 8–10 классов, 14–6 лет), 72 респондента 15–25 лет и 40 респондентов 20–30 лет из города Сыктывкара, принадлежащих к группе «российских немцев».

Оценка лингвистической идентичности проводилась с использованием методики «Отношение к родному и иностранному языкам» [6].

Согласно результатам исследования, респонденту, который живет на стыке культур, достаточно сложно определить родной язык. Существенное влияние на это определение оказывают когнитивные и эмоциональные аспекты, формирующие его идентичность [7].

При сравнении результатов респондентов, принадлежащих к различным группам, было выявлено, что язык, определенный как родной, может не совпадать с языком, на котором респондент думает (т. е. с когнитивным компонентом) [7].

В сфере эмоционального отношения к языкам было выявлено, что русский язык позитивно принимается значительно чаще, чем второй родной. Особенно явно это различие проявилось у разных групп, говорящих на языке коми. Кроме того, было отмечено и возрастное влияние в данной сфере – чем младше был респондент, тем сильнее была разница в его отношении к языкам [7].

Важно отметить, что респонденты полностью осознавали значимость второго языка, необходимого для взаимодействия с людьми, которые принадлежат к тому же культурному социуму (родственниками, близкими и т. д.). 60% респондентов из группы «российских немцев» отметили также культурную роль языка – его влияние на осознание культурной и национальной принадлежности. Роль языка в повседневном, «массовом» общении и профессиональных целях отметили только 20% [7].

В рамках взаимосвязи второго языка и планов на будущее 88% школьников ответили, что никак не связывают свое будущее со вторым языком, «российские немцы», напротив, склонны связывать второй язык и свое будущее [7]. Диаметральная разница ответов показывает принципиальную разницу в статусном восприятии второго языка в Коми, Карелии и у «российских немцев». Если в аспекте второго языка в Коми и Карелии результаты свидетельствуют о низкостатусном, отмирающем языке (и этот низкий статус рефлексировался не только подростками, но и взрослыми респондентами), то у «российских немцев» немецкий язык, очевидно, рассматривается как престижный в перспективе будущего трудоустройства и с позиции социального окружения [7].

Однако, даже указывая русский как родной язык и плохо владея вторым родным, респонденты в графе «национальность» указывали *карел, коми и немец, а не русский* [7]. Это выявляет слабую связь между этнической и лингвистической идентичностью, что, в свою очередь, позволяет говорить о том, что язык, даже не являясь определяющим фактором в становлении идентичности этнической, в определенной мере оказывает влияние на идентичность социокультурную [7].

Большинство респондентов выделяют язык как главную культурную ценность. Вне зависимости от принадлежности к этнической группе язык был отмечен как ключевая культурная составляющая – причем часто с формулировкой «мой язык», «зву-

чание языка», «родной язык». Согласно результатам, полученным на основе методики «Отношение к языкам», язык коми полностью вытеснен русским на второй план. Тем не менее подростки коми ценят свой язык и уважают его [7]. Это свидетельствует об амбивалентной роли лингвистической идентичности в отношении идентичности социокультурной и этнической. Несмотря на плохое владение родным языком (немецким, коми, карельским), несмотря на то, что респонденты думают и говорят на русском, их этническую идентичность определяет именно родной язык [7]. Однако приоритетным выступает русский язык, имеющий большую социальную значимость, и в отношении к нему у респондентов также присутствует лингвистическая идентичность [7].

Следует также отметить, что эмоциональное отношение к этнической культуре проявляется у большинства респондентов подросткового и юношеского возраста в том, что они хорошо знают сказки и мифы своих народов и ценят это культурное наследие, которое у многих респондентов связано именно с языком, на котором создавались народные предания, сказания и мифы [7].

Выводы

С изменением статусного положения языка национальных меньшинств и малых народов меняется и отношение к этому языку. Причем данная трансформация более всего проявляется у респондентов подросткового и юношеского возраста. Молодежь четко определяет немецкий язык как имеющий высокий социальный статус и языки коми и карельский – как имеющие статус достаточно низкий. В небольших городах с многонациональным населением это приводит к формированию стигматизированной лингвистической идентичности.

Даже не являясь приоритетным (в рамках статуса, дальнейших планов на будущее и т. д.), родной язык остается ключевым фактором этнической идентичности на эмоциональном уровне. Однако он часто не имеет соотношения с культурой народа и индивидуальной социокультурной идентичностью

Смешанная лингвистическая идентичность способствует повышению толерантности к неопределенности и социализированность молодежи в рамках мультикультурного пространства, что можно отнести к позитивному влиянию.

Социокультурная идентичность, в свою очередь, подпадает под воздействие лингвистических и этнических культурных аспектов,

которые могут позиционироваться в качестве интолерантных факторов.

Культурное воздействие на этническую идентичность амбивалентно и в качестве позитивной части социокультурной идентичности имеет преобладающую роль в больших городах.

Сама же культура, внося большой вклад в формирование социокультурной идентичности, играет лишь незначительную роль в определении идентичности этнической, затрудняя позиционирование индивида и его социализацию в рамках мультикультурного пространства.

Литература

1. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 248 с.
2. *Белинская Е.П., Дубовская Е.М.* Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2009. № 5 (7). С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 ноября 2018).
3. *Андреева Г.М.* Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2012. Т. 5. № 26. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 ноября 2018).
4. *Донцов А.И., Уталиева Ж.Т., Стефаненко Т.Г.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
5. *Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 ноября 2018).
6. Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 111 с.
7. *Марцинковская Т.Д., Киселёва Е.А.* Социализация в мультикультурном пространстве // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2017. № 10 (53). С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 ноября 2018).

References

1. Marcinkovskaya TD. Socialization problem in a historical and genetic paradigm Moscow: Smysl Publ.; 2015. 248 p. (In Russ.)
2. Belinskaya EP., Dubovskaya EM. Variability and constancy as factors in socialization of the personality. *Psihologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2009; 5 (7):2. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 Nov. 2018). (In Russ.)

3. Andreeva GM. The identity presentations in the context of interaction. *Psihologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2012;5 (26):1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 Nov. 2018). (In Russ.)
4. Doncov AI., Stefanenko TG., Utalieva ZhT. Language as factor of ethnic identity. *Voprosy psihologii*. 1997;4:75-86. (In Russ.)
5. Marcinkovskaya TD. Information socialization in the changing information space. *Psihologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2012;5(26):7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 Nov. 2018). (In Russ.)
6. Identity and socialization in the modern world. Collected Methodologies. TD. Marcinkovskaya (ed.). Moscow: MPGU Publ.; 2015. (In Russ.)
7. Marcinkovskaya TD., Kiselyova EA. Socialization in multicultural space. *Psihologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2017;10(53):2. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 4 Nov. 2018). (In Russ.)

Информация об авторе

Екатерина А. Киселева, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vita_ek@mail.ru

Information about the author

Ekaterina A. Kiseleva, PhD in Education, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vita_ek@mail.ru.

Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем

Евгения Э. Кригер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ekrig@yandex.ru*

Аннотация. В статье речь идет о цифровом обществе, возникающем на современном этапе развития человечества и цифровом образовании, призванном подготовить будущее поколение к жизни. Названы основные характеристики цифрового общества, показаны сложности и возможности, к которым они приводят. В качестве основных характеристик цифрового общества называются: использование техники и технологий; наличие межличностной коммуникации в социальных сетях; использование цифровых технологий как современного средства вхождения в культуру; изменение роли субъектов образования. Именно они выступают основаниями для пересмотра устройства современного образования, обоснования принципов, на которых необходимо его сегодня выстраивать. В качестве основного ориентира пересмотра современного образования предлагается использовать психологическое здоровье личности. Кроме того, здесь называются и раскрываются основные принципы построения цифрового образования, к которым относят актуализацию личностного потенциала, позволяющего сохранять психологическое здоровье, жизнестойкость, стрессоустойчивость; развитие системного и диалектического мышления; чувствительность к динамике мира, к его движению; развитие исследовательской позиции; понимание цены и ценности жизни; формировать сопричастность к миру, соучастие в нем, готовность к со-развитию.

Ключевые слова: характеристики цифрового общества, психологические сложности цифрового общества, образование, психологическое здоровье; принципы образования в цифровом обществе

Для цитирования: Кригер Е.Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 29–39.

Characteristics of the digital society and the principles of education in it

Evgeniya E. Kriger

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ekrig@yandex.ru*

Abstract. The article deals with a digital society, originating at the present stage of human development, as well as with digital education, designed to prepare the future generation for life. The paper identifies main characteristics of the digital society, shows the difficulties and opportunities to which they lead. The paper describes the main characteristics of the digital society, showing the difficulties and opportunities to which they lead. The main characteristics of a digital society are: the use of technics and technology; presence of interpersonal communication in social networks; the use of digital technologies as a modern means of entering the culture; changing the role of subjects of education. It is they that act as a basis for the modern education revision and for substantiating the principles on which it is necessary to build it today.

To that end it is proposed to use the psychological health of an individual as the main guideline. In addition, the author names and specifies the basic principles of building digital education, what includes: an actualization of the personal potential, allowing to maintain the psychological health, vitality, stress resistance; the development of systemic and dialectical thinking; the sensitivity to the world dynamics and movement; the development of research position; understanding the price and value of life. It also allows forming the engagement with the world, the complicity in it and readiness for co-development.

Keywords: characteristics of the digital society, psychological complexities of the digital society, education, psychological health; principles of education in a digital society

For citation: Kriger EE. Characteristics of the digital society and the principles of education in it. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:29-39.

Сегодня мы находимся в таком времени, которое вводит нас в иную цивилизацию цифрового мира и как следствие цифрового общества. Это формирует новую социокультурную ситуацию развития человека и поднимает новые вопросы, связанные как

с осмыслением самого цифрового общества, так и с образованием личности в нем. В настоящее время становится важным понять специфику цифрового общества и разобраться в тех переломных контекстах образования, которые им задаются. В этой работе хотелось бы как раз остановиться на рассмотрении этих вопросов.

Сегодня очевидными становятся следующие характеристики цифрового общества: востребованность сложнейших цифровых технологий и техники; осуществление значительной части социализации в киберпространстве; построение сознания с использованием современных средств цифровой цивилизации; смена субъекта, передающего информацию. Остановимся на их раскрытии.

Множество потребностей витальных, познавательных, эстетических и других обслуживаются в настоящее время с помощью техники и современных цифровых (информационно-коммуникационных) технологий. Это освобождает значительное количество времени, позволяет решать новые задачи, расширяет сферу коммуникации в масштабах не только конкретного места, но и планеты в целом. На смену физическому труду приходит труд интеллектуальный. Использование новых средств приводит к необходимости владеть иными компетенциями, дающими возможность пользоваться современными благами цивилизации и найти свой способ самореализации. Цифровое общество – это технократическое общество, использующее цифровые девайсы для самообслуживания. Это освобождает значительное количество времени и открывает новые возможности для социализации.

В цифровом обществе возникает специфика в межличностных и межгрупповых отношениях, они обретают характер сетевых, формирующихся в условиях информационно насыщенной социализации, где происходит смещение пространства общения в социальные сети. Здесь решается одновременно огромное количество разноплановых задач: от маркетинговых до интимно-личностных. Происходит социальное утверждение личности, обретение ею популярного статуса, расширение сферы взаимодействия в масштабах планеты. При этом в социальных сетях порой становится непонятно, с кем ты общаешься, это один человек или их множество, в каком месте и времени он/они находятся, какая у них система ценностей, насколько они владеют манипулятивными стратегиями, какие задачи они решают на самом деле. Это вызывает необходимость быть более гибким и приспособленным в мире, а также иметь в виду, что современная социализация без киберпространства сегодня не обходится. Значительная часть общества, особенно молодое поколение, проводят достаточно большое количество времени в Интернете.

Новые технологии определяют картину мира субъекта, становятся средством, формирующим сознание человека, выстраивающим образ осваиваемой реальности. Цифровые технологии позволяют выделить и зафиксировать постоянно растущую и обновляющуюся информацию, а затем интериоризировать ее. Они встраиваются во внутреннее пространство личности и выступают средствами регуляции поведения и отношений с миром. Внутренняя психическая деятельность становится результатом интериоризации внешней предметной деятельности, осуществляемой с помощью цифровых технологий. А образ, созданный с применением новых технологий, выступает образом, через который мир входит в сознание человека. Кроме того, для современных подростков социальная ситуация развития становится опосредована сетевым взаимодействием.

Цифровое общество – это общество, которое М. Мид относит к постконфигуративной культуре [1]. Современные технологии позволяют объединить молодых людей и создают условия для формирования у них того опыта, которого не было у старшего поколения. И наоборот, старшее поколение не увидит трансформации своего опыта в жизни молодых людей. Этот разрыв абсолютно нов, он рождает новый тип межпоколенческих отношений, а также является всеобщим и глобальным. Образовательная функция в цифровом обществе переходит в руки детей, что делает старших более зависимыми, а следовательно, более уязвимыми. Младшее поколение оказывается значительно осведомленным в развитии технологий и начинает выступать носителями опыта. Это приводит к перестроению иерархии их отношений со взрослыми и требует иной коммуникации.

Итак, мы имеем дело сегодня совершенно с иным типом цивилизации, создающей новую культурно-историческую ситуацию развития. Мы живем в совершенно новом временном континууме, своеобразии которого обусловлено социокультурными причинами, связанными с развитием цифровых технологий, и как следствие, создающего свой особый тип существования, изменяющий весь ход социального развития человека. Здесь появляется своя система ценностей, перестраивающая сознание личности и предъявляющая новые требования к образованию и социализации.

К этому обществу необходимо не только приспосабливаться, но и находить пути самореализации в нем. Цифровое общество создает свои проблемы, связанные с социализацией и развитием личности, которые должны быть осмыслены и соответственно учтены при построении всего образования в целом. В нем надо специально учиться жить, а также видеть те противоречия, которые в нем воз-

никают и создают свои сложности. Здесь хотелось бы остановиться на их описании.

Во-первых, мир цифрового общества перестает быть человекомерным, происходит смещение ценностей с самого человека на ценности техники и технологий. С одной стороны, такая ситуация высвобождает огромное количество человеческих ресурсов, повышает значимость интеллектуальной деятельности, сокращает усилия, затраченные на выполнение физического труда, что, казалось бы, должно содействовать большей самореализации. С другой стороны, все появляющиеся инновации вытесняют самого человека, порождая безработицу, заменяя человеческие ресурсы роботами, перестраивая пространство межличностного взаимодействия, переводя его в плоскость публичного общения с широкомасштабной и неизвестной аудиторией в социальных сетях. Огромное количество людей перестают выполнять производственные функции, которые им были ранее свойственны. Это провоцирует повышенный стресс, разрушает благополучие, приводит к девиациям, лишает человека места в социальном пространстве. Техника, цифровые технологии и общение в социальных сетях выступают приоритетом в сравнении с тем, что происходит с самим человеком, его внутренней реальностью, близостью межличностных отношений.

Во-вторых, увеличивается неопределенность происходящего. Цифровое общество складывается в сверхбыстром, очень нестабильном, мерцающем, изменчивом мире, обладающем свойствами текучести, гибридности, непредсказуемости. С одной стороны, неопределенность выступает вызовом, требующим поиска новых смыслов, ответов на возникающие вопросы, определения происходящего. С другой стороны, ее необходимо выдерживать. Это заставляет быстро перестраивать систему норм и ценностей, учит договариваться о реальности, изменяться в связи с ее изменениями. Искать ответы на вопросы: как не потерять базовые представления о реальности, как контролировать происходящее, кто является субъектом ответственности и где его границы. Неопределенность делает мир подвижным и изменчивым, ожидая от личности готовности исследовать неизвестное, быть открытым к нему, оберегать эффективные традиции, находить в них опору для встречи с хаосом окружающей действительности.

В-третьих, цифровое общество является прозрачным и небезопасным. Вся наша жизнь открыта для гаджетов. С одной стороны, это увеличивает сферу коммуникации, которая приобретает планетарные масштабы, это расширяет связи и раскрывает новые образовательные, культурные, производственные возможности.

С другой стороны, делает человека более уязвимым, частная жизнь становится доступной через веб-камеру, почта может быть легко взломанной, переписка просматриваться, местоположение человека зафиксировано, а хакерские атаки могут выступить угрозой для жизни в момент хирургической операции. Здесь всегда приходится выбирать между безопасностью и прозрачностью. Это безусловно приводит к снижению доверия к миру. Мир начинает входить в сознание как угрожающий и небезопасный. Нарушает психологическую устойчивость. Требуется владеть копинг-стратегиями, способами саморегуляции, позволяющими сохранять психологическое здоровье, поддерживающими личностное развитие.

В-четвертых, в таком обществе размываются устоявшиеся авторитеты. С одной стороны, это открывает возможности для талантливых дарований, позволяя им использовать ресурсы социальных сетей для собственного продвижения и реализации. С другой стороны, здесь могут быть публично подвергнуты сомнению и обесценены уже сложившиеся авторитеты, внесшие значительный вклад в развитие мировой науки. Растет авторитет блогера, обладающего яркой харизмой, выраженными манипулятивными стратегиями влияния, ведущего за собой массы поклонников и являющегося наиболее популярной профессией среди подростков. Ориентироваться в таком мире может опосредствующее сознание, владеющее методологической культурой, обладающее необходимым уровнем критического мышления, верифицирующего подаваемую информацию. Необходима соразмерность между аффектом и интеллектом, позволяющая быть свободным от эффектов эмоционального заражения и сохранять свою позицию в восприятии мира.

В-пятых, появляется необходимость экономии эмоциональных ресурсов, ориентированная на гедонистические ценности. С одной стороны, человек чувствует, что жизнь перешла на слишком высокие обороты, он не успевает за ее темпами, испытывает эмоциональное, физическое, интеллектуальное истощение. И как следствие, переходит из высокоскоростного режима в менее энергозатратный, что приводит к дауншифтингу. Когда человек стремится минимизировать состояния и положительные, и отрицательные, уйти от бурных переживаний, перевести их в средний диапазон, чувствуя малейшие оттенки движения эмоций и тратя на них мельчайшие движения души. С другой стороны, большие скорости порождают явление прокрастинации, когда человек постоянно откладывает порой даже важные дела, не достигая намеченных планов, необходимой самореализации.

В-шестых, происходит изменение в отношениях возраст – зрелость в сетевом мире. С одной стороны, наблюдается тенденция смещения возрастных границ окончания дошкольного и подросткового возраста на 1–3 года, получившее название ретардации, как следствие у этих детей отмечают высокий рост интеллектуального развития, ранняя киберсоциализация. С другой стороны, можно наблюдать инфантилизацию личности, утрату духовности, потерю осмысленности жизни. Стремление игнорировать происходящие изменения, не пытаться их понять, подвергнуть сомнению. Часть общества устранивается от цифрового мира, старается не замечать изменения, тем самым теряет осведомленность в реальности, не замечая влияющую силу социальных сетей, оказывается беспомощным при попадании в киберпространство.

В таком сложном мире соответственно возникает необходимость переосмысления путей развития образования. Его целей и ценностей, технологий, а также отношения к человеку. Мы полагаем, что целью и ценностью современного образования является развитие психологического здоровья личности, использующей внутренние потенциальные ресурсы для изменения себя, и преобразования той ситуации, которая не устраивает ее естественный ход развития и самореализации, живущей в согласии с миром, самой собой и с другими людьми. Формирование такой личности происходит на основе эталонных моделей, созданных в культуре, среди которых, как справедливо указывают О.С. Васильева и Ф.Р. Филатов, можно назвать модели внутренней согласованности и гармоничного развития личности, приспособленности индивида к биосоциальной среде, всесторонней самореализации раскрытии творческого и духовного потенциала личности [2]. Психологически здоровая личность, по мнению авторов, имеет хорошо сформированную целостную внутренне интегрированную личность, обладающую необходимыми структурно-процессуальными характеристиками, сложившимися на основе культурных эталонов. К процессуальным характеристикам здоровой личности они относят такие процессы, как саморегуляцию, социальную адаптацию и самореализацию. А ее структурными компонентами являются: телесные ощущения и реакции; образы и представления; самосознание и рефлексия; межличностные отношения и социальные роли; социокультурные детерминанты личности; сущностные переживания и трансперсональный опыт; самоактуализация. На наш взгляд, все эти аспекты должны составлять измерения содержания современного образования в цифровом обществе. Формирование этих структур обеспечивает становление целостной интегрированной личности, позволяющей сохранить человекоцен-

трированные идеи в образовании. Что обеспечивает необходимое отношение к человеку и понимание его психологических параметров, необходимых для жизнеосуществления в мире техники и технологий, динамичных социальных процессов и социальных сетей.

В основу технологий организации образовательного процесса должны быть положены идеи, позволяющие обеспечить трансформацию приобретаемого опыта и перевод его во внутреннее пространство. Согласно идеям культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, механизмом развития личности выступает интериоризация производимых культурой ценностей [3]. Формирование психологически здоровой личности является сегодня достаточно важной ценностью современного образования. Образование здесь выступает именно той социальной основой, которая обеспечивает психическое развитие человека, позволяя интериоризировать осваиваемый опыт с учетом психологических оснований реализуемых идей его построения. Поэтому технологии образования должны обеспечивать организацию системы тех внутренних и внешних условий, которые позволяют формировать психологически здоровую личность, а следовательно, гармонично развитую, владеющую механизмами саморегуляции собственных состояний и полноценно реализующуюся в мире.

Одним из таких условий может быть рассмотрено обращение к работе с миром человека, как той психологической реальностью, которая возникает между человеком и миром и проявляет себя через отношение (В.Е. Ключко) [4]. Мир человека – это та психологическая реальность, которая конструируется через взаимоотношения с миром и складывается из ценностей и смыслов. Обращение с этой реальностью позволяет нам через категорию отношение формировать целостную интегрированную личность. В цифровой цивилизации такая реальность наполняется содержательными характеристиками цифрового общества, где происходит социализация человека. В ней возникают разные искажения восприятия мира, отражающиеся и на трансформации каждого структурного компонента психологического здоровья в самом человеке как психологической системе. Поэтому психологическое здоровье как ценность должно культивироваться в самой образовательной среде, а также необходимо соотносить искажения, которые складываются по каждому его структурному компоненту, создавая человекоориентированную психологическую систему.

В связи с учетом всех сложностей, возникающих в цифровом обществе, мы можем выделить принципы, на основе которых должно быть построено современное образование. Среди них можно отметить следующие.

1. Актуализация личностного потенциала, позволяющего сохранять психологическое здоровье, жизнестойкость, стрессоустойчивость. Современное образование должно быть ориентировано на понимание того, что источник здоровья личности находится внутри ее самой. В этой связи необходимо обеспечить такое взаимодействие с ней, где она выступает в качестве субъекта, иницилирующего и управляющего собственной активностью. Необходимо открывать в личности те ресурсы – ее задатки, способности, способы саморегуляции, ценности, которые позволяют ей сохранять гармоничное мироощущение, адаптироваться к миру и изменять саму себя и окружающую действительность.

2. Развитие системного и диалектического мышления. Ориентиром цифрового общества должен стать человек думающий, использующий свое критическое мышление для восприятия информации и решения возникающих задач. Ему необходимо видеть скрытые смыслы, стоящие за многими социальными противоречиями. Для этого важно формировать у личности метакомпетенции, позволяющие воспринимать информацию системно и неоднозначно, видя ее противоположные стороны, поднимаясь за пределы возникающих противоречий в метапозицию. Это дает возможность использовать качественную информацию, верифицированную, открывающую новые пространства для освоения мира.

3. Чувствительность к динамике мира, к его движению. Образование должно учитывать динамику мира, его изменчивость, многовариантность, непостоянство. Поэтому образовательное пространство необходимо постоянно обновляться предметной средой, использованием информационно-коммуникационных технологий, межличностной коммуникацией, функционированием субъектов образования через различные полномочия и роли, проявление себя в многообразных формах активности. Все это должно способствовать формированию готовности выдерживать неопределенность мира. Современный мир переполнен неопределенностью, в нем не заданы смыслы, он постоянно изменяется. Динамика часто сопровождается неопределенностью, повышающей хаос и бессмысленность. Нужно уметь чувствовать движение жизни и следовать ему, входя в неопределенность, выдерживая ее и выходя из нее.

4. Развитие исследовательской позиции. Исследовательская позиция представляет собой сложное психическое образование, обеспечивающее активизацию потребности в поиске неизвестного, предрасположенность человека к активному исследовательскому отношению к действительности. Неопределенность жизни предлагает вызов для развития исследовательской позиции. Исследова-

тельская позиция выполняет функцию активного реагирования на изменения, возникающие в окружающей действительности, межличностных отношениях и в самом субъекте. Она является характеристикой личности, обладающей активным исследовательским отношением к себе, к миру, саморазвитию, способной активно влиять на процесс становления нового не только внутри себя, но и вовне. В цифровом обществе при огромном росте информационного потока ее ценность повышается.

5. Понимание цены и ценности жизни. Динамика жизни цифрового общества, его повышенная стрессогенность должны формировать такую ценность, как жизнь человека. Жизнь у него одна. Любая активность человека сопровождается расходом его жизненных сил. Это та цена, которую ему приходится платить за собственные приобретения. Поэтому к жизни стоит относиться рационально, не растрачивая ее по мелочам, планируя ход ее событий, осознавая задачи, которые следует решать в том или ином периоде.

6. Формировать сопричастность к миру, соучастие в нем, готовность к со-развитию. Это позволяет увидеть в образовании две основные задачи: внутренней интеграции личности и ее социализации во внешнем плане. Человек не формируется через оценки и моральные суждения, он складывается через качество отношения с обществом, через сопричастность его ко всему человечеству, что делает его жизнь значимой и осмысленной. По мнению А. Адлера, объединение человечества в единое целое порождает социальные чувства, или общественный дух, именно он и стоит у истоков великих достижений нашей цивилизации [5].

Таким образом, мы сегодня живем в цифровом обществе, обладающем своими характеристиками, использующем цифровую технику и технологии, перестраивающем межличностную коммуникацию, значительная доля которой осуществляется в сетевом мире, изменяющем средства развития сознания, наделяющем ребенка новыми функциями трансляции культуры. Это создает свои сложности и возможности, избежать которые сегодня нельзя. Их необходимо видеть и перестраивать в соответствии с ними образовательный процесс.

Образование в цифровом обществе – это такое образование, которое создано на основе понимания психологических механизмов развития психики, оно позволяет формировать внутренне интегрированную целостную личность, а также обеспечивает ее эффективную интеграцию во внешний мир и самореализацию в нем. В данной статье мы предложили ряд принципов, на основе которых должно строиться современное образование.

Литература

1. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 430 с.
2. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья. Феномен здоровья в культуре, психологической науке и обыденном сознании. Ростов/Дон, 2005. С. 110–186.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с.
4. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: Системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 154 с.
5. Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.

References

1. Mead M. Culture and the world of childhood. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 430 p. (In Russ.)
2. Vasil'eva OS., Filatov FR. Health psychology. The phenomenon of health in culture, psychological science and everyday consciousness. Rostov/Don, 2005. P. 110–186. (In Russ.)
3. Vygotskii LS. Psychology of human development. Moscow: Smysl: Eksmo, 2005. 1136 p. (In Russ.)
4. Klochko VE., Galazhinskii EV. Self-realization of personality. A systemic view / Ed. by GV. Zalevskii. Tomsk: Tomsk Universitet Publ.; 1999. 154 p. (In Russ.)
5. Adler A. Understanding the human nature. Saint-Petersburg: Akademicheskii projekt Publ.; 1997. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ekrig@yandex.ru

Information about the author

Evgeniya E. Kriger, Dr. in Psychology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ekrig@yandex.ru

Психологические характеристики современных девиантных подростков

Мария О. Соболева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, maria.soboleva1988@gmail.com*

Аннотация. В статье поднимается проблема, связанная с пониманием отличительных характеристик тех подростков, которых традиционно принято называть «девиантными». Рассматриваются особенности самооценки, мотивация к учению, экстраверсия/интроверсия, нейротизм. Анализируются полученные различия и рассматриваются дальнейшие перспективы изучения самой категории «девиантность».

Ключевые слова: девиантные подростки, самооценка, мотивация учения, экстраверсия, интроверсия, нейротизм

Для цитирования: Соболева М.О. Психологические характеристики современных девиантных подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 40–49.

Psychological characteristics of modern deviant teenagers

Mariya O. Soboleva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. This article raises the problem associated with understanding the distinctive characteristics of those adolescents, who are traditionally called “deviant”. This study examines features of the self-esteem, motivation for learning, extroversion / introversion, neuroticism. The obtained differences are analyzed and further prospects for studying the category of “deviance” are considered.

Keywords: deviant adolescents, self-esteem, learning motivation, extroversion, introversion, neuroticism

For citation: Soboleva M.O. Psychological characteristics of modern deviant teenagers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:40-9.

Традиционно девиантное поведение (англ. deviation – отклонение) понимается как действия, не соответствующие установленными или сложившимся в обществе нормам, приводящие нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию [1]. Психологический подход классификации девиантного поведения основан на выделении социально-психологических различий отдельных видов отклоняющегося поведения личности. Психологические классификации основываются на следующих критериях: вид нарушаемой нормы; психологические цели поведения и его мотивация; результаты данного поведения и ущерб, им причиняемый; индивидуально-стилевые характеристики поведения [2].

В психологии можно встретить различные классификации девиантного поведения. Рядом авторов выделены три основные группы поведенческих девиаций: негативные (например, злоупотребление наркотиками), позитивные (например, социальное творчество) и социально-нейтральные девиации (например, попрошайничество) [3]. В работах Ц.П. Короленко и Т.А. Донских все поведенческие девиации делятся на две большие группы: нестандартное и деструктивное поведение. К нестандартному поведению, по мнению авторов, можно отнести нестандартное мышление, новые идеи, а также действия, выходящие за рамки социальных стереотипов поведения. Классификацию деструктивного поведения представляется возможным выстраивать в соответствии с его целями. В первом случае это могут быть цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных) и соответственно внешнедеструктивное поведение. Во втором случае – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс и соответственно внутридеструктивное поведение [4].

В отечественной психологии особенности подросткового возраста связывают, прежде всего, с поиском собственного места в обществе. При этом отмечается, что подростковый кризис – это настоящая ломка, в котором происходит резкое разрушение и пе-

рестройка всей системы переживаний, ценностей и т. д. подростка. В самосознании происходит настоящая революция [5]. Когда появляется чувство взрослости, появляется и желание подражать некоторым действиям, которые ассоциируются с поведением взрослых людей. Так, например, подростки начинают курить, употреблять алкоголь и т. д. Таким образом, дети именно этого возраста оказываются склонными к тому, чтобы проявлять девиантность в своем поведении. Желание подростков самоутвердиться отражается на их отношении к роли и позиции ученика и к обучению в школе. В этот период учебная деятельность отступает на второй план [6]. Ведущей деятельностью, по Д.Б. Эльконину, в это время выступает общение со сверстниками [7]. Интимно-личностное общение – деятельность, в которой происходит усвоение норм и ценностей общества, при этом особое значение в этот период приобретают цели и ценности референтной группы. При этом отношения со сверстниками у подростков выстраиваются в отличие, например, от младших школьников не только не в школьном контексте, а зачастую, напротив, только намеренно с ориентацией на другие виды деятельности, нежели в школе [8].

В данный период дети начинают брать на себя определенную ответственность, решая разные проблемы в его жизни. Но все-таки основной деятельностью подростка является обучение, где и видно влияние этого периода. Ведь все эти изменения, физические и психологические, еще непривычны для ребенка, поэтому ему приходится быстро адаптироваться, чтобы влиться в обычную размеренную жизнь. С возрастом меняются отношения с учителями и одноклассниками, меняется мотивация учения.

Важным явлением подросткового возраста является переход от оценки, транслируемой взрослыми, к самооценке. Возникает стремление к работе над собой и саморазвитию, появляется стремление к признанию себя как личности. Это во многом и обуславливает основное противоречие развития в подростковом возрасте, которое состоит, с одной стороны, в стремлении к признанию своей личности взрослыми, но, с другой стороны, в отсутствии реальных возможностей для этого (подросток материально и законодательно зависит от взрослых) [9].

Таким образом, резонно было бы предположить, что девиантные подростки должны отличаться по своим психологическим характеристикам от сверстников, которые не склонны к проявлению девиантного поведения, т. е. дети будут по-разному решать те вопросы, которые перед ними ставит общество в данный возрастной период. На основе произведенного теоретического анализа

было выдвинуто несколько предположений: мотивация учения, самооценка, экстраверсия и нейротизм связаны с успеваемостью у учащихся и средних, и старших классов; самооценка девиантных подростков будет чаще показывать заниженные или завышенные значения в отличие от подростков без выявленных девиаций; показатели нейротизма у девиантных подростков будут показывать более высокие значения, чем у «нормы», как в средних, так и старших классах.

В нашем исследовании участвовали 80 подростков среднеобразовательной школы, ученики средних и старших классов. С помощью опросника «ДАП-П» и экспертного опроса учителей выборку удалось условно разделить на «девиантных» и «недевиантных» подростков. Для диагностики самооценки подросткам предлагалось пройти тест Куна – Макпартленда «Кто я?» (модификация Т.В. Румянцевой). Для диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах использовалась методика А.Д. Андреевой, также использовался подростковый вариант личностного опросника Г. Айзенка, чтобы выявить такие личностные характеристики, как экстраверсия/интроверсия, нейротизм. Расчет значимости различий производился по U-критерию Манна–Уитни.

Стоит отметить, что группа девиантных подростков демонстрирует средний уровень девиации по методике «ДАП-П». «Норма» же имеет низкий уровень девиации. Примерно такие же данные были получены путем экспертной оценки, где экспертами выступали учителя испытуемых, а также их классный руководитель. У многих девиантных подростков было выявлено аддиктивное поведение, что также может объяснять низкую мотивацию к учебе, так как рост алкоголизма среди подростков все также по статистике находится на высоком уровне.

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что показатели самооценки демонстрируют весьма неоднородные результаты. Суммируя данные, полученные и в старших, и в средних классах, самооценка обнаруживает три вида значений: адекватная, неадекватно завышенная и неадекватно заниженная. В старших классах адекватную самооценку имеют 40%, неадекватно завышенную – 38%, неадекватно заниженную – 22%. В средних классах адекватную самооценку имеют 30%, а неадекватно завышенную – 70%. Уровень «неадекватно заниженная» никак не проявился. Однако ни в старших, ни в средних классах самооценка не показала значимых взаимосвязей ни с одним критерием, т. е. не было обнаружено никакой значимой связи между самооцен-

кой и успеваемостью. Эти данные частично опровергают первую гипотезу о том, что самооценка имеет связь с успеваемостью. Мы предполагаем, что полученный результат можно объяснить тем, что ведущей деятельностью подросткового возраста является интимно-личностное общение и становление самооценки будет происходить прежде всего исходя из общения со сверстниками. Возможно также, уровень притязания подростков не соответствует тем задачам, которые ставятся в данном учебном заведении.

Говоря о сравнении самооценки у учеников старших и средних классов, можно смело сказать, что, как и предполагалось, различия между группами значимые, и в средних классах наиболее частые значения показывает неадекватная самооценка, когда в старших классах преобладают адекватные значения, так как к этому возрасту идет стабилизация самооценки и устойчивое формирование Я-концепции, что говорит об адекватном оценивании себя и тех задач, с которыми может справиться конкретный ученик.

Изучив результаты методики, направленной на изучение мотивации учения в обоих классах, были получены четыре вида мотивации из заявленных в методике пяти (как оказалось, никто из испытуемых не обладает первым уровнем мотивации учения, то есть продуктивной мотивацией с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения). В старших классах продуктивную мотивацию учения имеют только два человека, что составляет 5% от общего числа, среднюю мотивацию учения имеют 53%, сниженную мотивацию учения имеют 22%, а отрицательное отношение к учебе – 20%. В средних – продуктивную мотивацию имеют 23%, среднюю мотивацию учения имеют 57%, сниженную мотивацию – 10%, а отрицательное отношение к учебе 10%. Обобщая полученные результаты, можно сказать, что оба класса показали сильную значимую взаимосвязь мотивации учения с успеваемостью.

Говоря же о сравнении мотивации учения в общем, стоит отметить, что средние классы показали мотивацию учения продуктивнее и выше, чем в старших классах, и эти различия были значимы, что частично подтверждает наше первое предположение. Также важно отметить, что старшие классы нацелены в основном на подготовку к экзаменам и ЕГЭ, а также на профессиональное самоопределение, когда средние классы все еще больше увлечены познавательной деятельностью и сбором различной новой информации.

Далее были рассмотрены различия между девиантными и недевиантными подростками. Девиация проявляется в средних и старших классах примерно поровну, что подтверждают данные

теста и экспертная оценка. В старших классах распределение идет в пользу контрольной группы в соотношении 57% к 43%, а в средних 55% на 45%, где большая часть также условно относится к группе недевиантных подростков. В результате обработки данных было выявлено, что значимые сильные связи с девиантностью показали почти все критерии (мотивация учения, нейротизм, экстраверсия, успеваемость), кроме самооценки, которая также не имела значимых связей.

Мотивация учения показала значимые различия между контрольной группой и девиацией как в средних, так и в старших классах и говорит о том, что у девиантных подростков преобладает пониженная мотивация к учению, что отражается в их поведении, а также в успеваемости. Самооценка же в обоих случаях не показала значимых различий. Говоря же о гипотезах, можно сказать, что вторая гипотеза не подтвердилась, так как данные сравнения групп оказались незначимы и говорят о том, что нет различий в распределении самооценки в контрольной группе и группе девиантных подростков.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение таких категорий, как «экстраверсия» и «нейротизм», их связь с различными характеристиками, а также сравнение в контрольной группе и девиации. Если говорить о связях, то экстраверсия показала значимые связи с успеваемостью только в средних классах, когда нейротизм показал сильные значимые связи с успеваемостью как в средних, так и в старших классах. В старших классах экстраверсия могла не выявлять значимых значений, так как учащиеся нацелены в себя, на формирование Я-концепции и на профессиональное самоопределение, поэтому, как и самооценка, не имеют значимой связи с успеваемостью.

Экстраверсия и нейротизм показывают значимые сильные связи с девиацией в обоих классах, чем ниже значения по экстраверсии (то есть чем выше показатель интроверсии), тем выше показатель девиантности, и такая тенденция распространяется во всех классах. Также было интересно выделить, что нейротизм показал значимые связи с мотивацией учения в обоих классах, то есть низкая эмоциональная устойчивость связана с низкой мотивацией учения в обоих классах, возможно, для детей, имеющих проблемы с поведением, трудности в заданиях или в понимании могут отпугнуть и оттолкнуть от учебы и познавательной деятельности.

В сравнении же экстраверсии и нейротизма между классами можно отметить, что в средних классах показатель экстраверсии выше, чем в старших, что вполне перекликается с завышенной

самооценкой в средних классах. По данным характеристикам в контрольной группе и девиации, можно выделить, что в обоих классах в группе девиации показатели нейротизма выше, чем у нормы, когда экстраверсия, наоборот, ниже, чем у контрольной группы. То есть в группах с девиацией присутствуют дети с низкой эмоциональной устойчивостью и более интровертированы. Говоря же о третьей гипотезе, можно с уверенностью сказать, что гипотеза полностью подтверждена, так как данные по нейротизму показывают высокие значения в обоих классах.

Нейротизм показал сильную значимую связь с успеваемостью в обоих классах, а экстраверсия только в средних, что нельзя сказать в старших классах. Мы предполагаем, что такие данные получились из-за влияния внешних факторов. Так как нейротизм в подростковом возрасте проявляет себя как динамическая характеристика, то высокий уровень ожидания от подростков, стрессы от предстоящих экзаменов, гормональные скачки (в средних классах) и давление со стороны учителей и родителей (в старших классах) могут оказывать влияние на данную личностную характеристику. Нейротизм у девиантных подростков в обоих классах действительно показал значения выше, чем в контрольной группе. А при связи с мотивацией к учению можно сказать, что девиантные подростки не нацелены на получение знаний и могут иметь определенные трудности с их получением. Возможно, с повышением мотивации к учению, помощь в трудностях с учебной, особые условия организации обучения могут помочь в повышении успеваемости девиантных подростков.

При этом экстраверсия могла не быть связана с успеваемостью в старшем подростковом возрасте, потому что в данном возрасте ведущая роль отведена самоопределению, как профессиональному, так и личностному, поэтому, как и с самооценкой, учебная деятельность не связана с социальными контактами и коммуникабельностью. Если рассматривать экстраверсию в средних классах не только как коммуникабельность, но и как активность, то активность на уроках действительно может повысить успеваемость.

Также интересными могут быть данные по сравнению девиантных подростков в средних и старших классах. Однако значимые различия получились только при сравнении мотивации учения, то есть несмотря на то что у девиантных подростков в обоих классах мотивация учения ниже, чем у контрольной группы, в старших классах показатели мотивации учения девиантных подростков опускаются еще ниже, чем в средних классах, что может подтверждать предположение о том, что в выпускных классах направлен-

ность идет не на обучение, и не на поиск знаний, а у девиантных подростков данная тенденция выражена особенно очевидно.

Интересные данные для анализа показала именно самооценка своим отсутствием значимых связей и различий. Связь между уровнями самооценки и девиантности не была значимой, и при сравнении «нормы» и девиации в старших классах не было выявлено значительных расхождений в самооценке. Это может быть связано с тем, что девиантное поведение было резко выражено у данных подростков, чтобы существенно влиять на становление самооценки, возможно, при более высоких уровнях девиации самооценка показала бы связь с данным показателем. Однако при сравнении в средних классах самооценка показывала адекватные значения намного выше в «норме», чем в девиантной группе, но корреляция не показала эту связь значимой, значит, она может быть случайной. Данные закономерности можно объяснить тем, что в этом возрасте как раз идет начало становления самооценки и она может существенно колебаться от неадекватно высокой до неадекватно низкой, а значит, трудно выявить связь с девиацией.

Таким образом, мы видим, что очень важно рассматривать девиантность, учитывая психологические характеристики возрастной группы. Представляется особенно интересным рассмотреть девиантные проявления в различных возрастах, а также динамику их изменений. Еще один интереснейший аспект изучения девиантности открывает нам поведение подростков в интернет-пространстве, так как поведение в реальной и виртуальной жизни зачастую отличается. Информационное пространство также является институтом социализации современных детей. Можно сказать, что современная социальная ситуация представляет собой новое постоянно изменяющееся и имеющее сложную структуру социальное пространство [10]. Более того, само представление о девиантности в данном контексте придется уточнять и сравнивать особенности поведения одного и того же человека в реальном и виртуальном мире, что, в свою очередь, может дать интересные данные об устойчивости девиантного поведения, самооценке и, возможно даже, мотивации учения в различных типах реальности. Ведь как отмечает Г.Г. Кравцов, этот период развития отличается тем, что подростки очень сенситивны к обучению, правда, учатся они часто сомнительному содержанию и в неформальных коллективах. При этом именно в виртуальном пространстве ребенок может учиться именно тому, что ему интересно, а не тому, что нужно пройти по школьной программе, поэтому и учебная мотивация может представляться совсем иначе, в том числе и у девиантных подростков.

Литература

1. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М.; СПб.: АСТ; Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
2. Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
3. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов. М.: Сфера, 2004. 192 с.
4. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. 224 с.
5. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 1989. 208 с.
6. Поливанова К.Н. Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–33.
7. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ред.-сост. Б.Д. Эльконин. М.: Академия, 2004. 384 с.
8. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. Кол. авт. Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1986.
9. Соболева М.О. Психологические условия изменения отношения к учению у подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
10. Дубовская Е.М. Информационное пространство как фактор социализации в транзитивном обществе // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: Тезисы докладов Междунар. конф. 15–16 октября 2018. М., 2018. С. 17–20.

References

1. Zinchenko VP, Meshcheryakov BG. Big psychological dictionary. Moscow; Saint-Petersburg: AST; Prajm-Evroznak Publ.; 2008. 868 p. (In Russ.)
2. Zmanovskaya EV. Deviant behavior of the personality and group. Saint-Petersburg: Piter Publ.; 2010. 352 p. (In Russ.)
3. Kleiberg YuA. Social psychology of deviant behavior. Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Sfera Publ.; 2004. 192 p. (In Russ.)
4. Korolenko TsP, Donskikh TA. Seven ways to disaster. Destructive behavior in the modern world. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1990. 224 p. (In Russ.)
5. Fel'dshtein DI. Personal development psychology in ontogenesis. Moscow: Pedagogika Publ.; 1989. 208 p. (In Russ.)
6. Polivanova KN. Psychological content of the teen age. Voprosy psikhologii. 1996. № 1. P. 20–33. (In Russ.)

7. El'konin DB. Children's psychology. The textbook for students of the higher education institutions. Ed. and comp. by DB. El'konin. Moscow: Akademiya Publ.; 2004. 384 p. (In Russ.)
8. Zaporozhets AV. Selected psychological works: In 2 vols. / Ed. by VV. Davydova, VP. Zinchenko. Moscow: Pedagogika Publ.; 1986. (In Russ.)
9. Soboleva MO. Psychological conditions of change of the relation to the studying at teenagers: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Moscow, 2013. (In Russ.)
10. Dubovskaya EM. Information space as a socialization factor in tranzitivnyy society // Tsifrovoye obshchestvo v kul'turno-istoricheskoy paradigme: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii. 15–16 oktyabrya 2018. Moscow, 2018. P. 17–20. (In Russ.)

Информация об авторе

Соболева Мария Олеговна, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; maria.soboleva1988@gmail.com

Information about the author

Mariya O. Soboleva, PhD in Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; maria.soboleva1988@gmail.com.

Интеллектуальная деятельность актеров как психологическая детерминанта процесса создания художественного образа

Марина М. Мишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mishinamm@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена интеллектуальной деятельности личности в профессиональной деятельности актеров. В работе рассматриваются общие и специфические его характеристики. К общим характеристикам относится анализ интеллектуальной деятельности актеров как продукта развития общественной теории и практики при активном и целенаправленном познании картины мира. Специфические характеристики заключаются в актуализации феноменологического начала и трансляции собственных знаний и опыта в процессе познания. Автором рассматривается роль целеобразования в интеллектуальной деятельности личности как процесс принятия и удержания целей, стоящих перед актером. Подчеркивается значимость исследования рефлексивности (позитивной и непозитивной) в соответствии с формированием профессиональной деятельности актеров, позволяющей раскрыть психологическую сущность индивидуального сознания личности. Дана характеристика активности личности актера в контексте интеллектуальной деятельности при создании художественных образов. Автор дает обоснование утверждению, что креативность актеров не сводится к интеллекту. Анализируются факторы, играющие значимую роль в функционировании интеллектуальной деятельности актеров, побуждающих к действию. Представлена типология интеллектуальной деятельности актеров, разработка проблемы выявления механизмов и закономерностей психического развития личности и профессиональной деятельности актеров.

Ключевые слова: профессиональная деятельность актеров, художественный образ, интеллектуальная деятельность актеров, целеобразование, рефлексивность, активность, личность актера, закономерности психического развития

Для цитирования: Мишина М.М. Интеллектуальная деятельность актеров как психологическая детерминанта процесса создания художественного образа // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 50–58.

Intellectual activity of actors as a psychological determinant of the process of creating an artistic image

Marina M. Mishina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mishinamm@yandex.ru*

Abstract. Article is devoted to a research in a phenomenon of the personality intellectual activity in professional work of actors. The author considers its general and specific characteristics. The general characteristics include an analysis of the intellectual activity of actors as a product of the development of social theory and practice with an active and purposeful understanding of the World picture. Specific characteristics consist in the actualization of the phenomenological beginning and the translation of one's own knowledge and experience in the process of cognition.

The author considers the role of goal formation in the intellectual activity of a person as the process of accepting and retaining the goals facing an actor. She emphasizes the importance of the study of reflexivity (positive and non-positive) in accordance with the formation of the professional activity of actors, allowing to reveal the psychological essence of the individual consciousness of a personality. There is a characteristic of the actors personality performance in the context of creation of artistic images. The author gives mystification to a statement that creativity of actors doesn't come down to intelligence.

The factors playing a significant role in functioning of intellectual activity of the actors motivating to act are analyzed. The typology of intellectual activity of actors, elaboration of identification mechanisms and regularities for mental development of the personality and professional activity of actors is presented.

Keywords: professional activity of actors, artistic image, intellectual activity of actors, goal formation, reflexivity, activity, actor's personality, mental development regularities

For citation: Mishina MM. Intellectual activity of actors as a psychological determinant of the process of creating an artistic image. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2018;4:50-8.

Введение

Интеллектуальная деятельность актеров является базовой психологической детерминантой процесса создания художественного образа, основополагающей интенцией деятельностного Я личности в процессе его перевоплощения в роли. Интеллектуальная деятельность актеров носит индивидуальный характер и рассматривается через призму их личностных качеств, формирующих образ Я сценического персонажа.

Признаки интеллектуальной деятельности актеров

Перечислим существенные признаки интеллектуальной деятельности актеров [1].

Смыслообразование как интегрированное движение смыслов имеет огромное значение в исследовании интеллектуальной деятельности актеров. Смыслообразование способствует созданию актерами художественного образа в качестве процесса общественного развития и форм мировосприятия, мироощущения и культурной творческой деятельности [1].

Целеполагание позволяет актеру регенерировать реальное практическое осмысление интеллектуальной деятельности путем постановки и достижения значимого наиболее экономичными средствами.

Целеобразование в интеллектуальной деятельности является процессом принятия и удержания целей, а также задач, стоящих перед актером. Порождение новых идей происходит произвольно или произвольно [2].

Целеобразование процесса создания актерами художественного образа характеризуется временной динамикой (на период создания конкретного художественного образа), имеет ряд механизмов: превращение полученного требования (сверхзадачи спектакля) в индивидуальную цель (сверх-сверхзадачу самого актера), выбор

одного из имеющихся требований (например, создать художественный образ в определенном жанре); смена мотивов (малых задач человекороли) в мотивы-цели (в сверхзадачу роли) при их осознании (посредством осознания сверхзадачи спектакля, собственной сверх-сверхзадачи актера как профессионала); преобразование осознанных и неосознанных предвосхищений в цель («через сознательное к подсознательному» по системе К.С. Станиславского [3]); превращение побочных результатов действия в цель (сквозное действие человекороли, направленное на реализацию сверхзадачи роли, складывается из малых действий); выделение промежуточных целей (малых задач, действий того или другого куска роли); переход от предварительных целей к окончательной (в виде цепи малых действий роли от смыслового куска к куску, к сквозному действию и сверхзадаче человекороли); образование иерархии и временной последовательности целей (в экспозиции, прологе, завязке, развитии, кульминации, развязке, эпилоге текста роли) [3, 4].

Рефлексивность (позитивная; непозитивная) в соответствии с формированием профессиональной деятельности актеров позволяет раскрыть «психологический замысел» индивидуального сознания личности; способствует поиску новых опор для создания художественных образов. Интеллектуальная деятельность актеров связана с активностью личности. Интегральной характеристикой активности личности является активная жизненная позиция актера [5].

Креативность находится в прямой взаимосвязи с творческой одаренностью актера, влияет на поиск решений проблемных ситуаций в процессе создания художественного образа. Выдвинутая актером гипотеза, преломляясь через креативность позволяет ему осуществлять ее проверку, изменение, тем самым корректируя формулировку результата решения. Она дает возможность личности актера продуцировать принципиально новые идеи, имея повышенную чувствительность к дефициту (противоречивости) знаний или действий [6]. Креативность актеров не сводится к интеллекту, а зависит от комплексного проявления психологических характеристик личности.

Виды активности актеров

Рассмотрим виды активности актеров. Существует надситуативная активность, которая проявляется как способность актеров подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи постановки спектакля [7].

Надситуативная активность позволяет актерам преодолевать внешние и внутренние «барьеры» интеллектуальной деятельности в явлениях творчества при создании художественного образа.

Выраженная *сверхнормативная активность* является одной из форм проявления надситуативной активности, которая выражается в стремлении актеров к превышению предъявляемых обществом требований к различным видам деятельности, в том числе и интеллектуальной.

Поисковая активность направлена на изменение ситуации, она позволяет личности актера осуществлять четкое планирование своих действий и деятельности в процессе создания художественного образа.

Мерой интеллектуальной активности актеров может служить их интеллектуальная инициатива, которая является продолжением мыслительной деятельности за пределами ситуативной заданности спектакля, не обусловленной ни практическими нуждами, ни внешней или субъективной отрицательной оценкой работы [8].

Значение регуляции и саморегуляции

В процессе функционирования интеллектуальной деятельности актеров большое значение имеет развитие регуляции и саморегуляции.

Эмоциональная регуляция интеллектуальной деятельности актеров рассматривается как их воздействие на свои эмоции, контроль с целью достижения успеха, она побуждается эмоциями и в случае необходимости может им противостоять. Вместе с тем при эмоциональной регуляции действия, совершенные актером, эмоционально могут не иметь сознательной мотивации; цель этих действий, не сформированных сознанием, однозначно предопределяется характером самого воздействия. Положительные эмоции, постоянно сочетаясь с удовлетворением потребностей, сами становятся настоятельной потребностью в соответствии со стремлением к катарсису как конечной цели профессиональной деятельности актеров. Зеркальная ситуация происходит с отрицательными эмоциями [9].

Волевая регуляция позволяет личности актеров в течение длительного времени удерживать в поле сознания необходимую информацию, концентрируя сознание на объекте, который подвергается анализу в процессе создания художественного образа.

Саморегуляция интеллектуальной деятельности личности позволяет актеру находить и использовать способы самоуправления

в условиях содержательных средовых изменений. Разработка данной проблемы имеет прямое отношение к выявлению механизмов и закономерностей психического развития личности и профессиональной деятельности актеров, становления ее в качестве субъекта собственной активности. Саморегуляция интеллектуальной деятельности актеров устанавливает равновесие между личностью и средой, способствует соответствию изменяющимся условиям среды (предлагаемых обстоятельств роли, спектакля, собственной биографии). *Психологическая саморегуляция* выражает специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, включая рефлексивность актеров.

Категория «мотива» в интеллектуальной деятельности актеров

Важно подчеркнуть, что к атрибутам понятия «интеллектуальная деятельность актеров» относятся: мотив, цель, потребности как малые задачи человека, сущностные признаки художественного образа, движущие силы сквозного действия роли, психологические механизмы психотехники актеров, функции, структура, компоненты структуры, типы структурной организации, внешние и внутренние факторы, обеспечивающие продуктивность, высокохудожественный результат процесса перевоплощения актера в роль.

Мотивация играет значимую роль в функционировании интеллектуальной деятельности актеров, побуждает к действию. Являясь динамическим процессом физиологического и психологического плана, мотивация определяет направленность, организованность, активность и устойчивость личности актеров в процессе создания художественного образа, позволяя ей деятельно удовлетворять собственные потребности [10].

Общие и специфические характеристики интеллектуальной деятельности личности актера

Интеллектуальная деятельность личности актера имеет *общие* и *специфические* характеристики проявления. Так, к общим характеристикам относится его рассмотрение как продукта развития общественной теории и практики при активном и целенаправленном познании картины мира посредством профессиональной деятельности актеров. Эмоциональная окрашенность психических процес-

сов создания актерами художественного образа, синтез интеллектуальных и других личностных особенностей актеров, идеальное представление о предмете формируются под воздействием среды: при этом актер может «пользоваться» прошлым опытом (негативными или позитивными моментами жизни, а также произошедшими под воздействием предлагаемых обстоятельств процессами создания художественного образа). Исследование целеобразования в контексте психологии создания актерами художественного образа выявило его зависимость от мотивации профессиональной деятельности актеров (сверх-сверхзадачи) и определило роль эмоций в актах целеобразования и оценке результата.

Заключение

Специфические характеристики интеллектуальной деятельности актеров как психологической детерминанты процесса создания художественного образа заключаются в актуализации индивидуального начала и трансляции собственных знаний и опыта в процессе познания, продуцирующих интеллектуальные действия актеров в зависимости от цели, выбора средств, методов и способов осуществления актерского перевоплощения в роль. На основе познавательных мотивов вырабатываются стили регуляции и саморегуляции, способствующие успешной реализации интеллектуальной деятельности актеров в процессе их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Агапов В.С., Мишина М.М.* Психология интеллектуальной деятельности личности. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 431 с.
2. *Жемчугов М.К.* Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 4.
3. *Станиславский К.С.* Работа актера над ролью: Материалы к книге // Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4 / Сост., вступит. ст. и коммент. И.Н. Виноградской. М.: Искусство, 1991. 399 с.
4. *Дубровская А.Л.* Работа над сценическим образом в системе вахтанговской театральной школы: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 161 с.
5. *Романова М.В., Ледовских И.А.* Методы развития профессиональной рефлексии у будущих психологов в условиях вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1.

6. Еременина Л.И. Развитие креативности личности: психологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2014. № 1. С. 42–47.
7. Бердникова Д.В. Исследования активности личности в отечественной и зарубежной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 2. С. 8–20.
8. Шурухина Г.А. Основные направления исследования инициативности в современной психологии // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2013. № 4. С. 23–28.
9. Климанова С.Г., Трусова А.В. Методы оценки эмоциональной регуляции // Вестник ЮжГУ. Серия «Психология». 2017. № 1. С. 35–45.
10. Мешков Н.И., Мешков Д.Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. № 1. С. 37–43.

References

1. Agapov VS., Mishina MM. Psychology of intellectual activity of the personality. Moscow: IJU MGOU Publ.; 2015. 431 p. (In Russ.)
2. Zhemchugov MK. Purpose and goal-setting in the theory of the social organization. Issues of economy and management. 2013;4. (In Russ.)
3. Stanislavskii KS. The work of the actor on the role. Materials to the book. Stanislavskii KS. A collection of works. In 9 v. Vol. 4. Compiled, foreword and commentaries by IN. Vinogradskaya. Moscow: Iskustvo Publ.; 1991. 399 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya AL. Work on a scenic image in the system of the Vakhtangov drama school. Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 2010. 161 p.
5. Romanova MV., Ledovskih IA. Methods of development of a professional reflection with future psychologists in the conditions of higher education institution. *Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2017;1. (In Russ.)
6. Eremenina LI. Development of creativity of the personality: psychological aspect. *Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2014;1:42-47. (In Russ.)
7. Berdnikova DV. Researches of activity of the personality in Russian and foreign psychology. *Psychology. Historico-critical reviews and modern researches*. 2016;2:42-47. (In Russ.)
8. Shuruhina GA. The main directions of a research of initiative in modern psychology. RUDN Bulletin. "Psychology and pedagogics" series. 2013;4: 23-28. (In Russ.)
9. Klimanova SG., Trusova AV. Assessment methods of emotional regulation // Vestnik YUzhGU. Seriya: Psihologiya. 2017;1:35-45. (In Russ.)
10. Meshkov NI., Meshkov DN. Motivation of the personality as key problem of psychology. *Education Integration*. 2015;1:37-43. (In Russ.)

Информация об авторе

Марина М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mishinamm@yandex.ru

Information about the author

Marina M. Mishina, Dr. in Psychology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mishinamm@yandex.ru

Эмпирические исследования

УДК 159.9:316.36

Оценка виновности агрессора и жертвы в ситуации семейного насилия студентами-юристами

Елена В. Улыбина

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, eculbn@gmail.com*

Олег Г. Кравцов

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, kravtsovog@gmail.com*

Сара Э. Аббасова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, sara.abbasova09@gmail.com*

Аннотация. Исследование посвящено анализу вклада пола респондентов, веры в справедливый мир, знания о мнении окружающих и показателей гендерной идентичности в атрибуцию вины жене и мужу в ситуации семейного насилия. Выборка состояла из студентов-юристов, будущих работников правоохранительных органов. 261 респондент (161 юноша и 100 девушек) заполнили два опросника и получили описание ситуации физического насилия в семье, где варьировался пол агрессора и жертвы и варианты поддержки со стороны коллег – в одном случае женщины поддерживали жену, а мужчины мужа, в другом – наоборот. Результаты показали, что в атрибуции вины агрессору студенты и мужского и женского пола приписывают большую вину мужчине-агрессору, чем женщине-агрессору. Однако в ситуации приписывания вины жертве проявляется гендерный фаворитизм – респонденты приписывают персонажам своего пола меньшую вину, чем персонажам противоположного пола. Информация о мнении коллег персонажей не повлияла ни в одном случае на оценку вины у юношей, а у девушек оценка вины мужа зависела от мнения мужчин-коллег.

Показатели гендерной идентичности и веры в личную справедливость вносят вклад только в атрибуцию вины слабого участника (жены и жертвы): вина слабого тем больше, чем больше субъект отмечает в себе маскулинные качества и чем ниже уверенность в справедливости мира по отношению к нему лично. Также обсуждаются ограничения и направления будущих исследований в области домашнего насилия.

Ключевые слова: семейное насилие, атрибуция вины, вера в справедливый мир, защитная атрибуция, гендерная идентичность, гендерный конформизм

Для цитирования: Улыбина Е.В., Кравцов О.Г., Аббасова С.Э. Оценка виновности агрессора и жертвы в ситуации семейного насилия студентами-юристами // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 59–80.

Evaluation of the guilt of the aggressor and the victim in a situation of domestic violence by law students

Elena V. Ulybina

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, evulbn@gmail.com*

Oleg G. Kravtsov

*Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia, kravtsovog@gmail.com*

Sara E. Abbasova

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, sara.abbasova09@gmail.com*

Abstract. The study is devoted to analyzing an impact of the respondents' gender, belief in a just world, knowledge of the opinions of others and indicators of gender identification upon an attribution of guilt to a wife or husband in a situation of family violence.

The sampling consisted of law students – future law enforcement officers. A total of 261 (161 male and 100 female) respondents completed two questionnaires and read a description of a domestic dispute that ended in violence. In the scenario either the husband or the wife was the perpetrator of the physical violence and the colleagues' judgments varied – in one case women supported wife while men supported husband, in the other – the opposite. Results indicated that both female and male students tended to attribute greater guilt to the male perpetrator than to the female aggressor. However, in the situation of attributing guilt to the victim, same gender favouritism was demonstrated – the respondents blamed characters of their own sex less than those of the opposite one. Further, information about male colleagues' judgments increased ratings of husband blame only for female students. Finally, gender identification and belief in personal justice contributed only to the attribution of guilt of the physically weak participant (wife and victim). Results showed that the more students noted in themselves masculine qualities and less believed in personal justice the greater they blamed physically weak characters. The article also discusses the limitations and directions for future research on domestic violence.

Keywords: domestic violence, guilt attribution, belief in a just world, defensive attribution, gender identification, gender conformity

For citation: Ulybina EV., Kravtsov OG., Abbasova SE. Evaluation of the Guilt of the Aggressor and the Victim in a Situation of Domestic Violence by Law Students. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:59-80.

Введение

Семейное насилие представляет собой важную социальную проблему, решение которой осложняется неоднозначным отношением к жертвам общества в целом и работников правоохранительных органов в частности [1, 2]. К сожалению, жертвы домашнего насилия часто сталкиваются с недоверием, непониманием, отсутствием поддержки и оправданием преступника, что становится причиной как дополнительных страданий жертвы, так и затрудняет для жертвы возможность обратиться за помощью. И в этом контексте отношение сотрудников правоохранительных органов к жертве и агрессору приобретает особую значимость. Согласно анализу отечественных данных, три четверти пострадавших от семейного насилия не обращались в правоохранительные органы, так как не

были уверены в возможности получить помощь и защиту [3]. Более глубокое понимание не только того, как относятся к жертве и агрессору уже действующие сотрудники правоохранительных органов, но и те, кто только получает профессию, позволит определить направление усилий по улучшению ситуации [4].

Многочисленные исследования, посвященные изучению проблем атрибуции вины, показывают, что наблюдатели, решая вопрос о виновности жертвы, руководствуются не только знанием об обстоятельствах происшедшего, но и стремятся поддержать непротиворечивую и пригодную для адаптации картину мира. Одним из факторов, обеспечивающих поддержание непротиворечивой картины реальности, выступает вера в справедливый мир (ВСМ) [5], подталкивающая к приписыванию вины жертве, так как образ невинной жертвы противоречит картине справедливого устройства реальности. При этом шкала оценки справедливости мира по отношению к субъекту лично (ЛС) связана с показателями уверенности в себе и личным благополучием [6–8], а оценка справедливости мира по отношению ко всем вообще (ОС) коррелирует с негативным отношением к слабым и к жертвам неблагоприятных обстоятельств [9–11].

Однако в ситуации, когда человек ощущает сходство с жертвой, отношение к жертве опосредуется действием защитной атрибуции [12–14]. В этом случае уровень приписывания вины жертве обратно связан с ощущаемым сходством с жертвой и возможностью оказаться на месте жертвы.

Наибольшее количество исследований атрибуции вины при межгендерном взаимодействии связано с оценкой вины мужчины-агрессора и женщины-жертвы в ситуации изнасилования и насилия по отношению к интимному партнеру. Так, например, мужчины приписывают женщинам, жертвам агрессии со стороны мужчин, большую вину, чем женщины [15–23].

Однако наряду с более распространенными и более обсуждаемыми случаями агрессии мужчин по отношению к женщинам существуют и ситуации агрессии, в том числе физической, женщин по отношению к мужчинам. Изучение того, как воспринимаются эти ситуации, показало, что мужчинам-агрессорам приписывается большая вина, чем женщинам-агрессорам, а последствия агрессии в этом случае оцениваются как менее серьезные [24–30, 20]. Такое смещение может быть объяснено разницей в физических размерах и физической силе мужчин и женщин. Так, при сравнении вины агрессоров в парах мужчина-агрессор – женщина-жертва, мужчина-агрессор – мужчина-жертва, женщина-агрессор – жен-

щина-жертва и женщина-агрессор – мужчина-жертва уровень атрибуции вины агрессору был пропорционален физическому превосхождению агрессора по отношению к жертве [27].

Оценивая степень вины персонажей в ситуации семейного насилия, люди ориентируются в том числе и на информацию о том, как отнеслись к ситуации окружающие. Исследования Соломона Аша показали, что мнение людей о реальности во многом зависит от мнений окружающих [31–33]. Так, в частности, знание о том, что близкие поддержали жертву насилия, оказывает влияние на собственное отношение к жертве респондентов, в этом случае отношение оказывается более благоприятным, чем тогда, когда респондентам сообщали о негативном отношении к жертве близких, или информация об отношении близких отсутствовала [34–36]. Это позволяет предполагать, что знание о поддержке или осуждении жертвы со стороны коллег тоже окажет влияние на отношение к жертве и агрессору респондентов. А так как значимым фактором ориентации на мнение группы выступает стремление не чувствовать себя изолированными, отличающимися от других [37], то можно предположить, что мнение представителей своей гендерной группы относительно вины участников межгендерной агрессии будет вносить больший вклад в оценку вины агрессора и жертвы, чем мнение противоположной гендерной группы.

Отношение работников правоохранительных органов к ситуации семейного насилия является одним из важнейших факторов, обеспечивающих жертвам семейного насилия возможность получить поддержку и защиту, что определяет значимость изучения отношения работников полиции к жертвам [38]. Гендерный аспект является одним из значимых аспектов организации работы с жертвами насилия со стороны интимного партнера. Необходимо учитывать как отношение сотрудников правоохранительных органов к жертвам мужчинам и женщинам, так и возможные различия мужчин и женщин сотрудников к этой ситуации и к оценке виновности агрессора и жертвы в зависимости от пола агрессора и жертвы.

Данные о гендерных различиях в отношении полицейских к жертвам насилия со стороны интимных партнеров неоднозначны. Некоторые исследования показывают, что в случаях насилия в семье женщины-полицейские более отзывчивы, чем мужчины [39], в других работах различия в поведении мужчин и женщин-полицейских не обнаружены [40], но и у мужчин, и у женщин отмечаются различия в отношении к агрессорам и жертвам домашнего насилия в зависимости от пола агрессора и жертвы [24, 41, 42]. Офицеры полиции, как и другие люди, оценивают мужчин-агрессоров как

более опасных, чем женщин-агрессоров [24]. Аналогичная позиция была обнаружена и у студентов-полицейских [43], которые считали более серьезной агрессию мужчины по отношению к женщине, чем агрессию женщины по отношению к мужчине. Но гендерный фаворитизм со стороны студентов обнаружен не был.

Анализ литературы по проблеме позволил сформулировать следующие гипотезы:

- атрибуция вины агрессору осуществляется с позиций гендерного смещения, мужчине-агрессору приписывается большая вина, чем женщине-агрессору;
- в атрибуции вины жертве проявляется гендерный фаворитизм и жертве своего пола приписывается меньшая вина, чем жертве противоположного пола;
- мнение коллег своей гендерной группы вносит больший вклад в оценку вины персонажей, чем мнение коллег противоположной гендерной группы;
- показатели гендерной идентичности вносят больший вклад в атрибуцию вины жертве, чем показатели веры в справедливый мир (ВСМ).

Методы и выборка

В исследовании принимали участие 261 человек в возрасте от 17 до 23 лет, из них 100 девушек, студенты Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Для измерения выраженности веры в справедливость использовалась «Шкала веры в справедливый мир» [44], позволяющая измерить выраженность веры в справедливость для себя лично (ЛС) и веры в общую справедливость мира (ОС). Опросник состоит из 13 утверждений, 7 из которых составляют шкалу ЛС, примеры утверждений: «Как правило, жизнь ко мне справедлива», «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю»; а 6 – шкалу ОС – «Я считаю, что, по большому счету, люди получают то, что заслуживают», «Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость». Согласие с утверждениями оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта.

Для измерения гендерной идентичности и выраженности фемининности и маскулинности использовалась методика «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» [45], включающая в себя набор из 27 личностных прилагательных. Респондентов просили оценить выраженность каждого из качеств

у типичной женщины, типичного мужчины и у себя лично и желательность каждого качества для себя по шкале от 1 – «совершенно не выражено» до 7 – «выражено в максимальной степени» и, для последнего случая, 1 – «совершенно нежелательно» до 7 – «крайне желательно».

На основе ответов респондентов по этой методике рассчитывались следующие показатели: идентичность с образом типичной женщины и типичного мужчины как корреляции оценок образа Я с образом типичной женщины и типичного мужчины, самооценка – как корреляция образа Я с оценкой желательности качеств, привлекательность образов типичной женщины и типичного мужчины – как корреляции образов типичной женщины и типичного мужчины с оценкой желательности качеств, фемининность и маскулинность – как суммы фемининных и маскулинных личностных характеристик.

Участники знакомились с виньеткой:

А. и П. женаты три года. Однажды на вечеринке муж П. приревновал жену к знакомому, с которым та танцевала, и, когда они пришли домой, стал обвинять ее в легкомысленном поведении. Жена А. возражала, завязалась ссора, муж не сдержался, ударил ее, А. упала, ударилась о косяк двери и разбила лоб до крови. На следующий день, когда А. пришла на работу с синяком на лбу и рассказала о случившемся коллегам, мнения разделились. Мужчины решили, что А. сама виновата, зная вспыльчивый характер П. и его ревность, ей нужно было вести себя осмотрительнее, а дома не спорить и стараться сгладить ситуацию. Женщины же полагали, что виноват П., он в любом случае не имел права поднимать руку на жену.

В виньетках варьировался пол агрессора и жертвы и варианты поддержки со стороны коллег – в одном случае женщины поддерживали жену, а мужчины мужа, в другом – наоборот.

Респондентов просили оценить по 7-балльной шкале вину мужа и жены в происшедшем. О себе участники сообщали пол и возраст.

Изложение результатов

В таблице 1 представлена описательная статистика полученных данных. Юноши значимо старше девушек. Различия в приписывании вины агрессору, жертве, жене и мужу девушками и юношами незначимы.

Таблица 1

Описательная статистика данных

	Девушки		Юноши		t-value	p
	Mean	Std. Dev.	Mean	Std. Dev.		
Возраст	18,511	1,008	19,176	1,321	-4,031	0,000
Вина жертвы	3,800	1,518	3,981	1,675	-0,881	0,379
Вина агрессора	5,350	1,226	5,006	1,477	1,948	0,053
Вина мужа	4,990	1,494	4,590	1,701	1,933	0,054
Вина жены	4,160	1,562	4,398	1,614	-1,170	0,243
Вера в личную справедливость	35,600	7,240	37,043	7,707	-1,505	0,134
Вера в общую справедливость	28,620	6,660	27,137	7,819	1,575	0,116
Сходство с типичной женщиной	0,419	0,355	-0,274	0,229	19,119	0,000
Сходство с типичным мужчиной	0,059	0,317	0,668	0,258	-16,930	0,000
Самооценка	0,575	0,269	0,745	0,217	-5,558	0,000
Желательность фемининных качеств	0,339	0,350	-0,272	0,228	16,938	0,000
Желательность маскулинных качеств	0,152	0,273	0,611	0,259	-13,478	0,000
Маскулинность	42,420	7,332	50,267	5,798	-9,588	0,000
Фемининность	46,150	7,701	37,168	7,453	9,346	0,000

Дисперсионный анализ уровня вины персонажей в зависимости от пола персонажей показал, что в целом по выборке мужу, независимо от его позиции в конфликте, приписывается большая вина, чем жене ($F = 9,552$, $\eta = 0,018$, $p = 0,002$).

Дисперсионный анализ с повторным измерением атрибуции вины мужу и жене в зависимости от пола респондентов показал, что мужу приписывается большая вина, чем жене ($F = 8,787$, $\eta = 0,033$, $p = 0,003$), а вклад пола респондентов не достигает уровня значимости ($F = 3,415$, $\eta = 0,013$, $p = 0,065$). И девушки, и юноши приписывают мужу большую вину, чем жене, а девушки приписывают мужу большую, а жене – меньшую вину, чем юноши, но различия в оценке персонажей своего и другого пола не достигают уровня значимости.

Дисперсионный анализ вклада пола респондента и пола жертвы в атрибуцию вины жертве показал, что ни пол респондентов, ни пол жертвы не вносят вклад в атрибуцию вины жертвы, но взаимодействие факторов значимо ($F = 9$, $\eta = 0,034$, $p = 0,003$). Респонденты приписывают жертве своего пола меньшую вину, чем жертве противоположного пола. А уровень атрибуции вины агрессору зависит и от пола респондентов ($F = 7,435$, $\eta = 0,015$, $p = 0,048$), и от пола агрессора ($F = 10,998$, $\eta = 0,022$, $p = 0,017$), но взаимодействие факторов незначимо, и юноши, и девушки приписывают мужу-агрессору большую вину, чем жене-агрессору.

Дисперсионный анализ вклада пола респондента и позиции в конфликте в атрибуцию вины мужу показал, что вклад пола респондентов значим, девушки приписывают мужу большую вину, чем юноши ($F = 7,623$, $\eta = 0,029$, $p = 0,006$), а мужу в позиции агрессора респонденты тоже приписывают большую вину, чем в позиции жертвы ($F = 52,420$, $\eta = 0,169$, $p = 0,000$), взаимодействие факторов незначимо. В атрибуцию вины жене пол респондентов вклад не вносит, жене в позиции жертвы приписывают меньшую вину, чем в позиции агрессора ($F = 35,414$, $\eta = 0,121$, $p = 0,017$), и взаимодействие факторов значимо ($F = 5,223$, $\eta = 0,019$, $p = 0,023$), юноши и девушки различаются в оценке вины жены жертвы ($F = 7,031$, $\eta = 0,044$, $p = 0,009$), но не различаются в оценке вины женщины-агрессора. Девушки приписывают жене-жертве меньшую вину, чем юноши.

При оценке вины персонажей с учетом позиции в конфликте гендерный фаворитизм проявляется по отношению к мужу и по отношению к жертве. В подвыборке девушек агрессору-мужу приписывается большая вина, чем агрессору-жене ($F = 6,445$, $\eta = 0,061$, $p = 0,013$), мужу-жертве – большая вина, чем жене-жертве ($F = 7,608$, $\eta = 0,072$, $p = 0,007$). В подвыборке юношей различия атрибуции вины и агрессору, и жертве в зависимости от пола персонажей незначимы.

Дисперсионный анализ с повторным измерением в подвыборке, оценивающей вклад пола респондентов в атрибуцию вины агрессору и жертве в ситуации жены-жертвы и мужа-агрессора, показал, что пол респондентов не вносит значимого вклада в атрибуцию вины, агрессору приписывается большая вина, чем жертве ($F = 54,417$, $\eta = 0,261$, $p = 0,000$), но взаимодействие пола респондентов и позиции персонажей в конфликте тоже значимо ($F = 8,395$, $\eta = 0,052$, $p = 0,004$). Девушки приписывают жене-жертве меньшую вину, чем юноши, а агрессору-мужу – большую вину, чем юноши. А в ситуации мужа-жертвы и жены-агрессора значимо только различие между виной жертвы и агрессора ($F = 19,031$, $\eta = 0,156$, $p = 0,000$), а вклад пола респондентов и взаимодействие пола респондентов и пола персонажей в атрибуцию вины агрессору и жертве незначимы.

Гендерный фаворитизм проявляется только в ситуации оценки вины более слабой жертвы, жертвы-женщины, которой юноши приписывают большую, а женщины – меньшую вину. В ситуации оценки агрессии со стороны физически слабого персонажа по отношению к физически более сильному персонажу различия в оценках юношей и девушек незначимы.

Для оценки вклада в атрибуцию вины жертве информации о том, как на ситуацию отреагировали окружающие, был использован дисперсионный анализ, включающий факторы пола жертвы и пола респондентов, который показал, что вклад мнения коллег значим ($F = 4,645$, $\eta = 0,018$, $p = 0,032$), взаимодействие пола респондентов и пола жертвы значимо ($F = 8,726$, $\eta = 0,033$, $p = 0,003$), вклад остальных факторов и их взаимодействие незначимы. Анализ вклада перечисленных факторов в атрибуцию вины агрессора показал, что вклад пола респондентов значим ($F = 4,591$, $\eta = 0,018$, $p = 0,033$), пола жертвы значим ($F = 4,361$, $\eta = 0,017$, $p = 0,036$), вклад мнения коллег и взаимодействие факторов незначимы.

Дисперсионный анализ оценки вины жертвы девушками в зависимости от мнения коллег и пола жертвы показал, что вклад пола жертвы значим ($F = 7,068$, $\eta = 0,068$, $p = 0,009$), вклад мнения коллег значим ($F = 4,627$, $\eta = 0,045$, $p = 0,034$), взаимодействие факторов незначимо. Если мужчины считают, что виноват муж, а женщины – что виновата жена, то в этом случае девушки приписывают мужу большую вину, чем в ситуации, когда мужчины обвиняют женщин, а женщины – мужчин. Дисперсионный анализ оценки девушками вины агрессора в зависимости от мнения коллег и пола агрессора показал, что вклад пола агрессора значим ($F = 5,826$, $\eta = 0,057$, $p = 0,018$), вклад мнения коллег незначим, взаимодействие факторов незначимо. Дисперсионный анализ оценки девушками вины мужа в

зависимости от мнения коллег и роли в конфликте показал, что вклад роли в конфликте значим ($F = 28,223$, $\eta = 0,227$, $p = 0,000$), вклад мнения коллег незначим, взаимодействие факторов значимо ($F = 5,970$, $\eta = 0,059$, $p = 0,016$). В атрибуцию вины жены в зависимости от роли в конфликте и мнения коллег значимый вклад вносит только позиция в конфликте ($F = 34,040$, $\eta = 0,262$, $p = 0,000$), вклад мнения коллег незначим, взаимодействие факторов незначимо. В подвыборке юношей вклад мнения коллег в оценку вины жертвы, агрессора, жены и мужа незначим, взаимодействие факторов незначимо.

Для проверки относительного вклада пола респондентов, позиции персонажей в конфликте, мнения коллег, показателей ВSM и показателей гендерной идентичности в атрибуцию вины жертве, агрессору, мужу и жене был использован множественный регрессионный анализ с прямым пошаговым включением. Возможность использовать номинативную переменную «пол» в регрессионном анализе обеспечилась обозначением женщин-респондентов как 1, а мужчин как 0, пол жертвы – женщина – 1, мужчина – 0, коллеги поддерживают представителя своего пола – 1, коллеги поддерживают представителя противоположного пола – 0.

Множественная линейная регрессия с пошаговым включением показывает, что вина жены объясняется ролью в конфликте: ($\beta = -0,328$, $t = -5,628$, $p = 0,000$), уровнем ЛС ($\beta = -0,142$, $t = -2,382$, $p = 0,018$), фемининностью ($\beta = -0,131$, $t = -2,192$, $p = 0,029$) и маскулинностью ($\beta = 0,328$, $t = 2,068$, $p = 0,040$). Объем объясняемой дисперсии $R^2 = 0,156$. В атрибуцию вины мужу вносят вклад только позиция в конфликте ($\beta = 0,428$, $t = 7,553$, $p = 0,000$) и пол респондентов ($\beta = 0,159$, $t = 2,787$, $p = 0,006$), объем дисперсии $R^2 = 0,048$. В атрибуцию вины жертвы вклад вносит сходство с образом типичного мужчины ($\beta = 0,170$, $t = 2,451$, $p = 0,015$) и, с обратным знаком, ЛС ($\beta = -0,160$, $t = -2,156$, $p = 0,032$), объем дисперсии $R^2 = 0,049$. А атрибуция вины агрессору объясняется полом агрессора ($\beta = 0,145$, $t = 2,305$, $p = 0,022$) и полом респондентов ($\beta = -0,133$, $t = 2,139$, $p = 0,033$), объем дисперсии $R^2 = 0,041$.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов подтвердил гипотезу о существовании предвзятости по отношению к мужчинам при атрибуции вины в ситуации семейного насилия. В целом по выборке, без учета пола респондентов и позиции персонажей в конфликте, мужу приписывается большая вина, чем жене. Это соответствует ранее по-

лученным данным, согласно которым при физическом конфликте неравных по возможности обороняться участников большая вина приписывается тому, кто сильнее физически.

Гендерный фаворитизм, атрибуция меньшей вины участнику своего пола, у респондентов проявлялся по отношению к жертве – жертве своего пола респонденты приписывали значимо меньшую вину, чем жертве противоположного, а агрессору-мужчине и юноши, и девушки приписывают большую вину, чем агрессору-женщине, что воспроизводит результаты, полученные в других исследованиях.

Сравнение вины агрессора и жертвы в зависимости от пола жертвы и пола респондентов, в ситуациях мужа-агрессора и жены-агрессора, выявило, что агрессору приписывается большая вина, чем жертве, во всех случаях, но в ситуации жены-агрессора и мужа-жертвы девушки приписывают обоим персонажам несколько большую вину, чем юноши, а в ситуации мужа-агрессора юноши приписывают жене-жертве значимо большую вину, а агрессору меньшую, чем девушки. Юноши показали склонность в большей степени обвинять жену, жертву агрессии со стороны мужа, чем девушки, а агрессору приписывать меньшую вину, чем девушки.

Анализ показал, что гендерная предвзятость в отношении мужчин проявляется только по отношению к мужу-агрессору, которому и юноши, и девушки приписывают большую вину, чем женщине-агрессору, а при оценке как мужчины-жертвы, так и женщины-жертвы действует гендерный фаворитизм и жертве своего пола респонденты приписывают меньшую вину, чем жертве противоположного пола. Гендерный фаворитизм в большей степени проявляется у девушек, чем у юношей. Если юноши приписывают жене и мужу равную вину, без учета позиции в конфликте, то для девушек вина мужчины значимо выше вины жены и в роли агрессора, и в роли жертвы. Можно предположить, что девушки, будущие сотрудники правоохранительных органов, как и другие женщины, в большей степени сочувствуют женщинам, ощущая их более уязвимое положение в конфликтах с мужчинами, обладающими большей физической силой. Меньшее проявление гендерного фаворитизма у юношей связано, вероятно, с тем, что они чувствуют меньшую уязвимость и с меньшей вероятностью могут идентифицировать себя с мужем как жертвой семейного насилия.

При анализе атрибуции вины персонажам в ситуациях агрессора-мужа и жертвы-жены в одном случае и жены-агрессора и мужа-жертвы в другом было обнаружено, что гендерный фаворитизм проявляется только в ситуации более сильного агрессора. В этом случае юноши и девушки приписывают персонажам своего пола

меньшую вину, чем персонажам противоположного. А при оценке вины участников конфликта, в котором агрессор слабее жертвы, гендерные различия респондентов незначимы.

Ситуация, в которой проявляется гендерный фаворитизм, характеризуется одновременно большей силой агрессора, соответствием традиционным представлениям о гендерной иерархии и праве мужчин на насилие и большей, по распространенному мнению, частотностью. Возможно, в этом случае девушки в большей степени идентифицируют себя с жертвой, а юноши – с агрессором, что и определяет стремление снизить вину представителю группы идентичности. Можно также предположить, что более распространенная ситуация агрессии со стороны мужчины, обычно более физически сильного, чем жена, ощущается девушками как более опасная. А отсутствие различий в атрибуции вины персонажам со стороны юношей и девушек в другой, в менее распространенной и менее обсуждаемой ситуации агрессора-жены и жертвы-мужа, возможно, определяется тем, что девушки в меньшей степени идентифицировали себя с агрессором, а юноши – с жертвой. Но это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Анализ показал ограниченное влияние информации об отношении мужчин и женщин-коллег персонажей на атрибуцию вины персонажам. При этом у юношей мнение окружающих в атрибуцию вины персонажам не вносит вклад ни в одном случае, а у девушек в атрибуцию вины мужу вносит вклад мнение мужчин. Если коллеги-мужчины сочли виновным мужа, а коллеги-женщины – жену, то девушки приписывают мужу большую вину, чем в ситуации, когда женщины сочли виновным мужа, а мужчины – жену. Возможно, мнение мужчин о виновности мужа воспринимается девушками как своего рода экспертное относительно мужчин в целом. Необходимо проверить, характерен ли данный эффект только для будущих сотрудников правоохранительных органов, либо для женщин в целом. Возможно, большая ориентация у девушек, будущих сотрудников правоохранительных органов, на мнение мужчин отражает их меньшую, по сравнению с коллегами мужчинами, уверенность в себе, что было отмечено в предыдущих исследованиях [46, 47].

Анализ вкладов пола респондентов, позиции персонажей в конфликте, отношения коллег, гендерной идентичности и показателей веры в справедливый мир в атрибуцию вины агрессору, жертве, жене и мужу позволяет говорить о различиях в характере атрибуции вины более сильного и менее сильного участника конфликта. Вина мужа и вина агрессора объясняются только тем, занимает ли муж позицию агрессора или жертвы и полом респондентов. Юноши

приписывают мужу и агрессору меньшую вину, чем девушки. А вот в атрибуцию вины жене и жертве вносят вклад, кроме роли в конфликте и пола жертвы, и показатели гендерной идентичности, и вера в справедливость мира для себя. Уровень атрибуции вины жене объясняется позицией в конфликте, меньшей выраженностью фемининных и большей выраженностью маскулинных качеств у респондентов и обратно связан с верой в личную справедливость – респонденты, уверенные в том, что мир справедлив лично к ним, приписывают жене меньшую вину. Вклад пола респондентов незначим, вклад мнения коллег незначим. Вина жены тем больше, чем ниже уверенность, что мир справедлив по отношению к респондентам лично, чем меньше они отмечают в себе фемининные и чем больше маскулинные характеристики. Вина жертвы прямо связана со сходством с типичным мужчиной и обратно – с верой в справедливость мира для себя лично, жертва виновата тем больше, чем выше сходство с мужчиной и чем менее справедлив мир по отношению к субъекту. Вклад пола респондентов, пола жертвы и мнения коллег незначимы.

Гипотеза о вкладе ОС в атрибуцию вины жертве не подтвердилась. Респонденты, вопреки предсказанию на основе ранее полученных результатов о связи обвинения жертвы с верой в общую справедливость мира, приписывают более слабому участнику конфликта тем большую вину, чем меньше верят в то, что мир справедлив по отношению к ним, что они лично получают в жизни то, что заслуживают. Можно предположить, что эта связь уточняет действие защитной атрибуции по отношению к женщинам и по отношению к жертвам. В этом случае вина слабого тем больше, чем больше субъект чувствует свое сходство с группой мужчин, отмечает в себе маскулинные и не отмечает фемининные качества, и чем меньше ощущает, что мир по отношению к нему справедлив. Результаты соответствуют действию гендерного фаворитизма и веры в справедливость.

Полученные результаты позволяют говорить о значимости вклада гендерных факторов в атрибуцию вины участникам ситуации семейного насилия у будущих работников правоохранительных органов. Так, в частности, девушки-юристы проявляют больший гендерный фаворитизм по отношению к участникам семейного конфликта, чем юноши. Это может иметь как позитивные следствия и от девушек можно ожидать большего сочувствия женщине-жертве, чем от мужчины, так и негативные, так как гендерный фаворитизм может быть основой предвзятости. Необходимо дальнейшее исследование проявлений гендерного фаворитизма

в оценках вины как участников семейного насилия, так и других преступлений. Прямая связь атрибуции вины слабому участнику конфликта с выраженностью показателей маскулинной идентичности у юношей, обучающихся по юридическим специальностям, требует анализа на устойчивость и проверки выраженности этой связи как у студентов, так и у работающих профессионалов.

На данный момент можно порекомендовать более глубокое обсуждение вопросов отношения к жертвам семейного насилия на занятиях.

Выводы

Юноши и девушки различаются в атрибуции вины жертве и не различаются в атрибуции вины агрессору. Жертве своего пола приписывается меньшая вина, чем жертве противоположного, агрессору-мужчине приписывается большая вина, чем агрессору-женщине. Атрибуция вины девушками дифференцирована в зависимости от пола агрессора – мужу большая, чем жене, а атрибуция вины юношами не зависит от пола агрессора и жертвы. Мнение коллег персонажей оказывает влияние на девушек при атрибуции вины мужчине, девушки следуют мнению коллег персонажей.

Показатели гендерной идентичности и веры в личную справедливость вносят вклад в атрибуцию вины слабого участника (жены и жертвы), а в атрибуцию вины сильного участника (мужа и агрессора) не вносят. Приписывание вины слабому тем больше, чем ниже идентификация со слабым и чем ниже уверенность в справедливости мира по отношению к субъекту.

Ограничения исследований

Выборка не уравнена по возрасту, юноши значимо старше девушек. В силу относительно небольшой выборки в исследовании не было использовано условие, включающее информацию о мнении коллег без упоминания пола коллег, и условие, не включающее информацию о мнении коллег. В дальнейших исследованиях необходимо в качестве отдельной переменной учитывать и собственный опыт пережитого семейного насилия, который может вносить вклад в идентификацию с жертвой или агрессором, и атрибуцию вины жертве и агрессору.

Литература

1. Сошникова И.В., Шернаев В.И. Насилие – социальная опасность семьи // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. Т. 5. Вып. 43. С. 137–141.
2. Gracia E., García F., Lila M. Public responses to intimate partner violence against women: The influence of perceived severity and personal responsibility // The Spanish Journal of Psychology. 2009. № 12 (2). P. 648–656.
3. Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. Т. 4. С. 85–90.
4. McPhedran S., Gover A.R., Mazerolle P. A cross-national comparison of police attitudes about domestic violence: a focus on gender // Policing: An International Journal of Police Strategies & Management. 2017. № 40 (2). P. 214–227.
5. Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms // Journal of personality. 1977. № 45 (1). P. 1–52.
6. Dzuika J., Dalbert C. The belief in a just world and subjective well-being in old age // Aging and Mental Health. 2006. № 10 (5). P. 439–444.
7. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. № 12. P. 79–98.
8. Lipkusa I. M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self-versus for others: Implications for psychological well-being // Personality and Social Psychology Bulletin. 1996. № 22 (7). P. 666–677.
9. Begue L., & Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // *Journal of personality*. 2003. № 71 (3). P. 435–463.
10. Bègue L., Charoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief // The American journal of psychology. 2008. 121. P. 47–56.
11. Sutton R.M., Douglas K.M. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs // Personality and Individual Differences. 2005. № 39 (3). P. 637–645.
12. Chaikin A.L., Darley J.M. Victim or perpetrator?: Defensive attribution of responsibility and the need for order and justice // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. № 25 (2). P. 268–275.
13. Muller R.T., Caldwell R.A., Hunter J.E. Factors predicting the blaming of victims of physical child abuse or rape // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement. 1994. № 2. P. 259–279.
14. Shaver K.G. Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident // Journal of Personality and Social Psychology. 1970. № 14 (2). P. 101–113.
15. Brems C., Wagner P. Blame of victim and perpetrator in rape versus theft // The Journal of social psychology. 1994. № 134 (3). P. 363–374.

16. *Grubb A., Harrower J.* Attribution of blame in cases of rape: An analysis of participant gender, type of rape and perceived similarity to the / *Aggression and Violent Behavior*. 2008. № 13 (5). P. 396–405.
17. *Grubb A., Turner E.* Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. № 17 (5). P. 443–452.
18. *Hayes R.M., Lorenz K., Bell K.A.* Victim blaming others: Rape myth acceptance and the just world belief // *Feminist Criminology*. 2013. № 8 (3). P. 202–220.
19. *Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger R.K., Huss M.T., Kramer V.L.* Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study // *Journal of Interpersonal Violence*. 2004. № 19 (4). P. 484–498.
20. *Sylaska K.M., Walters A.S.* Testing the extent of the gender trap: college students' perceptions of and reactions to intimate partner violence // *Sex roles*. 2014. № 70 (3–4). P. 134–145.
21. *Sakalh-Uğurlu N., Glick P.* Ambivalent sexism and attitudes toward women who engage in premarital sex in Turkey // *Journal of Sex Research*. 2003. № 40 (3) P. 296–302.
22. *Bruggen, van der M., Grubb A.* A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of observer and victim characteristics on attribution of blame in rape cases // *Aggression and violent behavior*. 2014. 19 (5). P. 523–531.
23. *Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., & Swindler S.* Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser // *Journal of Interpersonal Violence*. 2012. № 27 (16). P. 3195–3212.
24. *Cormier N.S., Woodworth M.T.* Do you see what I see? The influence of gender stereotypes on student and Royal Canadian Mounted Police (RCMP) perceptions of violent same-sex and opposite-sex relationships // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2008. № 17 (4). P. 478–505.
25. *Feather N.T.* Domestic violence, gender, and perceptions of justice // *Sex Roles*. 1996. № 35 (7–8). P. 507–519.
26. *Harris R.J., Cook C.A.* Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are // *Sex Roles*. 1994. № 30 (7–8). P. 553–565.
27. *Hamby S., Jackson A.* Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence // *Sex Roles*. 2010. № 63 (5–6). P. 324–331.
28. *Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M.* Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses // *Violence and Victims*. 2003. № 18 (6). P. 659–669.
29. *Seelau S.M., Seelau E.P.* Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence // *Journal of family violence*. 2005. № 20 (6). P. 363–371.
30. *Sorenson S.B., Taylor C.A.* Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample // *Psychology of Women Quarterly*. 2005. № 29 (1). P. 78–96.

31. *Asch S.E.* Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority. Psychological monographs: General and applied. 1956. № 70 (9). P. 1–70.
32. *Bond R., Smith P.B.* Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task // Psychological bulletin. 1996. № 119 (1). P. 111–137.
33. *Deutsch M., Gerard H.B.* A study of normative and informational social influences upon individual judgment // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. № 51 (3). P. 629–636.
34. *Anderson I., Lyons A.* The effect of victims' social support on attributions of blame in female and male rape // Journal of Applied Social Psychology. 2005. № 35 (7). P. 1400–1417.
35. *Broven A.L., Testa M.* Social influences on judgments of rape victims: The role of the negative and positive social reactions of others // Sex Roles. 2008. № 58 (7–8). P. 490–500.
36. *Pinciotti C.M., Orcutt H.K.* Understanding gender differences in rape victim blaming: the power of social influence and just world beliefs // Journal of interpersonal violence. 2017. Jan.
37. *Cialdini R.B., Goldstein N.J.* Social influence: Compliance and conformity. Annu. Rev. Psychol. 2004. № 55. P. 591–621.
38. *Ballucci D., Gill C., Campbell M.A.* The power of attitude: The role of police culture and receptivity of risk assessment tools in IPV calls // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2017. № 11 (3). P. 242–257.
39. *Chu D., Sun I.Y.* Female police officers' job-related attitudes: A comparative study of Taiwan and the United States // Women & criminal justice 2007. № 18 (1–2). P. 107–130.
40. *Rabe-Hemp C.E.* Female officers and the ethic of care: Does officer gender impact police behaviors? // Journal of criminal justice. 2008. № 36 (5). P. 426–434.
41. *Finnegan H.A., Timmons Fritz, P.A., Horrobin B.* Differential Effects of Gender on Canadian Police Officers' Perceptions of Stalking // Criminal justice and behavior. 2018. № 45 (4). P. 468–482.
42. *Lockwood D., Prohaska A.* Police Officer Gender and Attitudes toward Intimate Partner Violence: How policy can eliminate stereotypes // International Journal of Criminal Justice Sciences. 2015. № 10 (1). P. 77–90.
43. *Fröberg S., Strand S.* Police Students' Perceptions of Intimate Partner Violence in Same-Sex Relationships // Partner Abuse. 2018. № 9 (2). P. 181–201.
44. *Нартова-Бочавер С.К., Подлитняк М.Б., Хохлова А.Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. Т. 3. С. 1–14.
45. *Лопухова О.Г.* Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог «VemSexRoleInventory») // Вопросы психологии. 2013. Т. 1. С. 147–154.

46. Cuadrado M. Female police officers: Gender bias and professionalism // *American Journal of Police*. 1995. № 14 (2). P 149–165.
47. Shelley T.O.C., Morabito, M.S., Tobin-Gurley J. Gendered institutions and gender roles: Understanding the experiences of women in policing // *Criminal Justice Studies*. 2011. № 24 (4). P. 351–367.

References

1. Soshnikova IV., Sherpaev VI. Violence – the social danger of the family. *Izvestia Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2012; № 1 (43). P. 137–41. (In Russ.)
2. Gracia E., García F., Lila M. Public responses to intimate partner violence against women: The influence of perceived severity and personal responsibility. *The Spanish Journal of Psychology*. 2009;12(2):648-56.
3. Iliyashenko AN. The main features of the violent crime in the family. *Sociological studies*. 2003;4:85-90. (In Russ.)
4. McPhedran S., Gover AR., Mazerolle P. A cross-national comparison of police attitudes about domestic violence: a focus on gender. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2017;40 (2):214-27.
5. Lerner MJ. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms. *Journal of personality*. 1977;45 (1):1-52.
6. Dzuka J., Dalbert C. The belief in a just world and subjective well-being in old age. *Aging and Mental Health*. 2006;10 (5):439-44.
7. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*. 1999;12:79–98.
8. Lipkusa IM., Dalbert C., Siegler IC. The importance of distinguishing the belief in a just world for self-versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996;22 (7):666-77.
9. Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of personality*. 2003;71 (3):435-63.
10. Bègue L., Charmoillaux M., Cochet J., Cury C., & De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*. 2008;121:47-56.
11. Sutton RM., Douglas KM. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences*. 2005;39 (3):637-45.
12. Chaikin AL., Darley JM. Victim or perpetrator?: Defensive attribution of responsibility and the need for order and justice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973;25(2):268-75.
13. Muller RT., Caldwell RA., Hunter JE. Factors predicting the blaming of victims of physical child abuse or rape. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement*. 1994;26(2):259-79.

14. Shaver KG. Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970;14(2):101-13.
15. Brems C., Wagner P. Blame of victim and perpetrator in rape versus theft. *The Journal of social psychology*. 1994;134(3):363-74.
16. Grubb A., Harrower J. Attribution of blame in cases of rape: An analysis of participant gender, type of rape and perceived similarity to the victim. *Aggression and Violent Behavior*. 2008;13(5):396-405.
17. Grubb A., & Turner E. Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*. 2012;17(5):443-52.
18. Hayes RM., Lorenz K., Bell KA. Victim blaming others: Rape myth acceptance and the just world belief. *Feminist Criminology*. 2013;8(3):202-20.
19. Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger RK., Huss MT., Kramer VL. Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study. *Journal of Interpersonal Violence*. 2004;19(4):484-98.
20. Sylaska KM., Walters AS. Testing the extent of the gender trap: college students' perceptions of and reactions to intimate partner violence. *Sex roles*. 2014;70(3-4): 134-45.
21. Sakalh-Uğurlu N., Glick P. Ambivalent sexism and attitudes toward women who engage in premarital sex in Turkey. *Journal of Sex Research*. 2003;40(3):296-302.
22. van der Bruggen M., Grubb A. A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of observer and victim characteristics on attribution of blame in rape cases. *Aggression and violent behavior*. 2014;19(5):523-31.
23. Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., Swindler S. Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser. *Journal of Interpersonal Violence*. 2012;27(16):3195-3212.
24. Cormier NS., Woodworth MT. Do you see what I see? The influence of gender stereotypes on student and Royal Canadian Mounted Police (RCMP) perceptions of violent same-sex and opposite-sex relationships. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2008;17(4):478-505.
25. Feather NT. Domestic violence, gender, and perceptions of justice. *Sex Roles*. 1996;35(7-8):507-19.
26. Harris RJ., Cook CA. Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are. *Sex Roles*. 1994;30(7-8):553-65.
27. Hamby S., Jackson A. Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence. *Sex Roles*. 2010;63(5-6):324-31.
28. Poorman PB., Seelau EP., Seelau SM. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses. *Violence and Victims*. 2003;18(6):659-69.
29. Seelau SM., Seelau EP. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence. *Journal of Family Violence*. 2005;20(6):363-71.

30. Sorenson SB., Taylor CA. Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample. *Psychology of Women Quarterly*. 2005;29(1):78-96.
31. Asch SE. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority. *Psychological monographs: General and applied*. 1956;70(9): 1-70.
32. Bond R., Smith PB. Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin*. 1996;119(1):111-37.
33. Deutsch M., Gerard HB. A study of normative and informational social influences upon individual judgment. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955;51(3):629-36.
34. Anderson I., Lyons A. The effect of victims' social support on attributions of blame in female and male rape. *Journal of Applied Social Psychology*. 2005;35(7):1400-17.
35. Brown AL., Testa M. Social influences on judgments of rape victims: The role of the negative and positive social reactions of others. *Sex Roles*. 2008;58(7-8): 490-500.
36. Pincioti CM., Orcutt HK. Understanding gender differences in rape victim blaming: the power of social influence and just world beliefs. *Journal of Interpersonal Violence*. 2017. Jan.
37. Cialdini RB., Goldstein NJ. Social influence: Compliance and conformity. *Annual Review of Psychology*. 2004;55:591-21.
38. Ballucci D., Gill C., Campbell MA. The power of attitude: The role of police culture and receptivity of risk assessment tools in IPV calls. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 2017;11(3):242-57.
39. Chu D., Sun IY. Female police officers' job-related attitudes: A comparative study of Taiwan and the United States. *Women & Criminal Justice*. 2007;18(1-2):107-30.
40. Rabe-Hemp CE. Female officers and the ethic of care: Does officer gender impact police behaviors? *Journal of Criminal Justice*. 2008;36(5):426-34.
41. Finnegan HA., Timmons Fritz PA., Horrobin B. Differential Effects of Gender on Canadian Police Officers' Perceptions of Stalking. *Criminal justice and behavior*. 2018;45(4):468-82.
42. Lockwood D., Prohaska A. Police Officer Gender and Attitudes toward Intimate Partner Violence: How policy can eliminate stereotypes. *International Journal of Criminal Justice Sciences*. 2015;10(1):77-90.
43. Fröberg S., Strand S. Police Students' Perceptions of Intimate Partner Violence in Same-Sex Relationships. *Partner Abuse*. 2018;9(2):181-201.
44. Nartova-Bochaver SK., Podlipnyak MB., Hohlova AU. Belief in a just world and psychological well-being among deaf and not deaf adolescent and adults. *Klinicheskaya I special'naya psichologiya*. 2013;3:1-14. (In Russ.)
45. Lopuhova OG. Questionnaire «Masculinity, femininity and gender personality type». (Russian analogue «Bem Sex Role Inventory»). *Voprosy Psikhologii*. 2013;1:147-54. (In Russ.)

46. Cuadrado M. Female police officers: Gender bias and professionalism. *American Journal of Police*. 1995;14(2):149-65.
47. Shelley TOC., Morabito MS., Tobin-Gurley J. Gendered institutions and gender roles: Understanding the experiences of women in policing. *Criminal Justice Studies*. 2011; 24(4):351-67.

Информация об авторах

Елена В. Улыбина, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; evulbn@gmail.com

Олег Г. Кравцов, кандидат психологических наук, доцент, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия; 107061, Россия, Москва, Окружной проезд, д. 4; kravtsovog@gmail.com

Сара Эльчинкызы Аббасова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; sara.abbasova09@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Dr. in Psychology, professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; evulbn@gmail.com

Oleg G. Kravtsov, PhD in Psychology, associate professor, Kikot' Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia; bld. 4, Okruzhnoi driveway, Moscow, Russia, 107061; kravtsovog@gmail.com

Sara E. Abbasova, postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; sara.abbasova09@gmail.com

Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии

Елена П. Белинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; Психологический институт Российской академии
образования, Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru*

Светлана Н. Илюхина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, Ilyuhina_SN@outlook.com*

Аннотация. Основу данного эмпирического исследования составило предположение о том, что на основании комментариев пользователей к описаниям разного вида конфликтных ситуаций возможно проанализировать влияние психологических особенностей пространства социальных сетей на конфликтное взаимодействие. Результаты поискового и основного этапов исследования свидетельствуют, что в ходе виртуального конфликтного взаимодействия происходит радикализация репрезентаций когнитивной схемы конфликтной ситуации ее участниками, что выражается в определенных когнитивных искажениях (конструировании «образа врага», поляризации мнений, атрибутивных искажениях при построении образов оппонентов). Одновременно радикализуется дискурс взаимодействия, на что указывает возрастание актов прямой и косвенной вербальной агрессии, а также модифицируются предпочитаемые участниками стратегии собственного поведения в конфликте, доминирующей из которых становится стратегия прямой конкуренции. На материале трех популярных социальных сетей (Twitter, Youtube, Instagram) показано, что данные особенности виртуального конфликтного взаимодействия практически не зависят от конкретных технических характеристик социальной сети (степени представленности пара- и невербальных средств коммуникации, допустимого текстового объема поста и степени его воспринимаемой анонимности).

Ключевые слова: конфликт, участники конфликта, социальные сети, виртуальное взаимодействие, когнитивная схема конфликта, стратегии разрешения конфликта

Для цитирования: Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 81–95.

Space of social networks as a factor of conflict radicalization in virtual interaction

Elena P. Belinskaya

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Russian Academy of Education Psychological Institute,
Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru*

Svetlana N. Ilukhina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Ilukhina_SN@outlook.com*

Abstract. The basis of the empirical study was an assumption that on the basis of users comments to the descriptions of different types of conflict situations it is possible to analyze the impact of psychological characteristics of the space of social networks on conflict interaction. The results of the search and the study main stages indicate that in course of the virtual conflict interaction there is a radicalization of representations of the cognitive scheme of the conflict situation by its participants, what is expressed in certain cognitive distortions (construction of the “image of the enemy”, polarization of opinions, attribute distortions in the construction of images of opponents). At the same time, the discourse of interaction is being radicalized, as indicated by the increase in acts of direct and indirect verbal aggression, as well as the modification of the preferred strategies of the participants’ own behavior in the conflict, the dominant of which is the strategy of direct competition. By the material of three popular social networks (Twitter, Youtube, Instagram) it is shown that those features of the virtual conflict interaction practically do not depend on the specific technical characteristics of the social network (the degree of representation of para – and non-verbal means of communication, the permissible text volume of the post and the degree of its perceived anonymity).

Keywords: conflict, conflict participants, social networks, virtual interaction, cognitive scheme of the conflict, conflict resolution strategies

For citation: Belinskaya EP, Ilukhina SN. Space of social networks as a factor of conflict radicalization in virtual interaction. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2018;4:81-95.

Введение

Отличительной особенностью современного коммуникативного пространства является все более частое использование в нем бескомпромиссных форм дискурса. Это можно считать отражением общей ситуации радикализации общественного сознания, можно объяснять актуальным доминированием своеобразных шаблонов межличностного восприятия, основанных на бинарных системах оценок, можно апеллировать к парадоксам повышенной субъектности нашего современника, которая нередко выражается в его приверженности к крайним и эмоционально нагруженным мнениям и точкам зрения. Вопрос о возможных причинах подобного – во многом открытый, несмотря на очевидный междисциплинарный интерес к феноменам радикализма в любых его проявлениях. Одним из интересных и слабо изученных аспектов проблемы является вопрос о возможной роли новых информационных технологий в процессе порождения и постоянного воспроизводства радикальных форм дискурса, тем более что наличие множественных агрессивных языковых средств в традиционных СМИ анализируется уже достаточно давно [1].

Отметим, что при всем разнообразии современной информационной среды пространство интернет-коммуникации является его формообразующим стержнем и специфической средой массового взаимодействия представителей самых разных групп. Сегодня оно все более и более представлено пространством виртуальных социальных сетей, обладающим такими характеристиками, как определенная анонимность взаимодействия, физическая непредставленность участников, возможность синхронной и асинхронной коммуникации представителей различных социальных групп, недостаточность паравербальных и невербальных средств коммуникации и их символизация, развитие специфического вида языка (net-language). Психологические следствия этих характеристик

закономерно являются предметом исследовательского интереса, изучаясь в самых разных аспектах – с точки зрения их влияния на личность пользователя [2–4], при анализе возрастных закономерностей развития [5] или же в более широком социализационном ракурсе [6]. Между тем социально-психологические закономерности построения и развития в виртуальном пространстве тех или иных дискурсивных форм в сочетании со связанными с ними конкретными типами взаимодействия представляются еще малоизученными. Очевидно, что с интересующей нас точки зрения наиболее адекватным объектом исследования будет конфликтное взаимодействие в социальных сетях, которое, отметим, также изучено крайне недостаточно [7, 8], хотя контент различных социальных сетей, очевидно, содержит текстовые репрезентации представлений пользователей о конфликте в сетевом пространстве вообще или об особенностях конкретного конфликтного взаимодействия в частности.

В основу дальнейшего исследования легло предположение о том, что на основании комментариев пользователей социальных сетей к различным описаниям разного вида конфликтов возможно проанализировать влияние психологических особенностей интернет-пространства на конфликтное взаимодействие.

На поисковом этапе эмпирически были обнаружены неслучайные закономерности во встречаемости определенных категорий и подкатегорий при контент-аналитической обработке текстов, выступающих экспликацией конфликтного взаимодействия. Так, в частности, оказалось, что пользователи, читающие пост того или иного популярного блогера, содержащий описание некоторого политического конфликта, начинают воспринимать описанную конфликтную ситуацию как важную лично для себя вне зависимости от характера собственных политических пристрастий или же отсутствия таковых. Они вступали в противостояние с другими читателями-пользователями, начиная интерпретировать формирующийся обмен мнениями как реальный конфликт, оценивая происходящее негативно и как не имеющее смысла для себя лично, несмотря на добровольность своего участия и возможность в любой момент закончить коммуникацию. Сконструированные в ходе множественных коммуникативных актов образы оппонентов обобщались и атрибутивно искажались, сводясь в итоге к крайне упрощенному «образу врага» в лице какого-либо одного конкретного комментатора (пользователя), лишённого человеческих черт. Ему атрибутировалось желание действия в соответствии со своим личным злым умыслом, что сопровождалось нарастанием вербальной агрессии. При этом постепенно, по ходу развития конфликт-

ной ситуации, пользователи начинали идентифицировать себя как представителей тех или иных «групп», отношения между которыми они оценивали как конфликтные по принципу прямой конкуренции и вынуждающие их вступить за «своих», что приводило к новым комментариям, характерной особенностью которых был частичный или полный отказ от восприятия написанного противоположной стороной [9].

Полученные данные позволили утверждать, что виртуальное пространство служит нарастанию и усилению всех негативных влияний, когнитивных и эмоциональных искажений, которые характерны для конфликта, протекающего в реальном взаимодействии. Последнее послужило основанием для выдвижения основной гипотезы для дальнейшего исследования, а именно: репрезентации компонентов когнитивной схемы конфликтной ситуации ее участниками в контексте виртуального взаимодействия имеет специфический характер, связанный с психологическими особенностями интернет-коммуникации. Для того чтобы исключить возможную провокативность постов, содержащих описание политических конфликтов, на основном этапе исследования они и комментарии к ним исключались из анализа.

Эмпирические гипотезы исследования

1. Отсроченность и асинхронность виртуальной коммуникации, а также межгрупповое виртуальное взаимодействие через случайных представителей тех или иных виртуальных сообществ будут способствовать тому, что для участников дискуссии разрешение конфликтной ситуации не будет выступать целью.

2. Вследствие ощущения собственной безопасности в конфликтной виртуальной коммуникации из-за физической непредставленности оппонента, возможности покинуть в любой момент дискуссию без последствий, а также ситуативно воспринимаемой равностатусности всех участников в текстах комментариев будут присутствовать маркеры прямой речевой агрессии в сторону оппонента(ов).

3. Вследствие редукции паралингвистических и невербальных компонентов общения, а также отсутствия истории предыдущих контактов предпочитаемой стратегией поведения в конфликтном взаимодействии будет радикальная стратегия прямой конкуренции с абсолютным проигрышем одной стороны и выигрышем другой.

Выборка

В качестве выборки выступали тексты комментариев пользователей к постам популярных журналистов, размещенным от первого лица в трех социальных сетях (Twitter, Youtube, Instagram). Общий объем проанализированных комментариев составил 19 220 слов, при этом объемы материала по социальным сетям были уравнены между собой с целью возможности дальнейшего сравнения. Рейтинги популярности журналистов брались с интернет-портала информационно-аналитической системы «Медialogия» [10]; использовались рейтинги именно журналистов, так как предполагалось, что они с большей потенциальной вероятностью будут ссылаться на какие-либо социальные конфликты в своих личных аккаунтах (итогово анализировались комментарии к постам 7 популярных журналистов, имеющих личные аккаунты в указанных социальных сетях). В целях достижения максимальной объективности в последующей оценке тексты комментариев отбирались по трем основным критериям: 1) отсутствие очевидной модерации; 2) знакомство исследователей с исходным конфликтом исключительно по посту; 3) наличие в теме поста прямого или косвенного упоминания социального или личного конфликта с указанием на несовместимость целей сторон как ключевой характеристики для его идентификации. Тексты самих постов и сопровождающие их фото- и видеоматериалы не анализировались и рассматривались только как задающие контекст конфликтного взаимодействия.

Тексты комментариев брались только из открытых источников, доступных любому пользователю социальных сетей. Затрагивая этическую сторону проведенного исследования (ведь пользователи, чьи комментарии анализировались, не знали о своем включении в него), подчеркнем, что подобный способ создания выборки являлся единственно возможным с точки зрения достоверности получаемых данных, так как обеспечивал исключение влияния присутствия исследователя, а также позволял избежать социальной желательности в текстах комментариев (более подробно о возможностях и ограничениях его применения см., например, [2]).

Метод и обработка данных

В качестве основного метода исследования использовался контент-анализ. Категории контент-анализа были выбраны на основе пилотажного исследования и существующих теоре-

тических представлений о структуре конфликтной ситуации. Категориальная сетка содержала возможность добавления подкатегорий в ходе анализа. Содержательно она включала в себя следующие категории: 1) эмоциональные и оценочные суждения относительно описанной в посте конфликтной ситуации; 2) эмоциональные и оценочные суждения относительно описанных участников конфликтной ситуации и собеседников (читателей-пользователей); 3) суждения, отражающие атрибуции причин возникновения конфликтной ситуации и атрибуции ответственности сторон конфликта; 4) суждения, содержащие интерпретации типа описанной конфликтной ситуации; 5) суждения, содержащие атрибуции личностных и физических (внешность) характеристик пользователей, дающих комментарии к посту; 6) описание своей цели включения в комментирование конфликтной ситуации; 7) описание предлагаемой стратегии разрешения конфликтной ситуации.

В ходе контент-анализа использовалось частотное кодирование единиц; подсчет осуществлялся сплошным способом; в качестве единицы контекста использовались комментарии к посту; в качестве индикатора категорий использовалось целостное смысловое высказывание, которое содержало в себе тему, которая могла быть отнесена к определенной подкатегории в предварительно разработанной категориальной сетке. Для повышения объективности получаемых данных часть материала была закодирована дважды с временным интервалом в один месяц с последующим подсчетом парных корреляций. Полученные результаты показали высокую степень согласованности и хорошую устойчивость данных во времени при кодировании одним кодировщиком-исследователем, что дало основания для дальнейшего использования данной методики. Отметим, что обращение к экспертам при проведении анализа в качестве дополнительной стратегии обеспечения достоверности получаемых данных было невозможно: высокие требования к потенциальным экспертам по смысловой включенности, а также по затрачиваемому на проводимый анализ времени не позволял воспользоваться данной стратегией валидации качественных исследований, поэтому использовалась стратегия триангуляции данных [6] – в выборку вошли разные социальные сети, которые отличаются между собой по способу организации информационного пространства, что позволило рассмотреть изучаемый предмет в различных системах координат.

Результаты и их обсуждение

По результатам контент-анализа комментариев в контексте конфликтного взаимодействия в социальной сети Twitter выделяются следующие доминирующие подкатегории.

Конфликтная ситуация оценивается пользователями как непродуктивная и вредоносная (27%), как не имеющая смысла (23%), а также как анекдотичная и смешная (28%). Пользователи склонны к проявлению пассивной агрессии в форме сарказма (39%) и к активной вербальной агрессии с направленным оскорблением (26%). Причиной конфликтной ситуации пользователи почти однозначно называют злой умысел одной из сторон (65%), иногда ссылаясь на личную неадекватность той или иной стороны (24%). Описанный в посте конфликт в подавляющем большинстве случаев определяется ими как мотивационный, т. е. возникший вследствие несовместимости интересов сторон (82%). Доминирующей стратегией разрешения конфликтной ситуации выступает конкуренция (88%). При описании оппонента в дискуссии ему атрибутируются отрицательные личностные черты (лживость и подлость – 35%, хамство и наглость – 32%, глупость и необразованность – 31%). Пользователи не сообщают в текстах комментариев о причине своего включения в обсуждение поста и в последующее конфликтное взаимодействие.

Контент-анализ комментариев в контексте конфликтного взаимодействия в социальной сети Youtube демонстрирует следующие доминирующие подкатегории.

Участники конфликтного взаимодействия оценивают ситуацию как приносящую вред (38%) и не имеющую смысла (22%). Они обращаются к пассивной агрессии в форме сарказма (29%), а также к активной в форме направленного оскорбления (21%). Причиной конфликта называется неадекватность его сторон (46%) и злой умысел одной из них (22%). Относительно определения типа конфликта мнения разделяются: он квалифицируется как или мотивационный (52%), или когнитивный, т. е. конфликт ценностей и интерпретаций (35%). Однако, как и в первом случае, конфликтную ситуацию предлагается разрешить преимущественно конкуренцией (86%). Оппонент(ы) описываются с указанием на их глупость и необразованность (52%), а также лживость и подлость (36%). О причинах включения в дискуссию пользователи данной социальной сети также не сообщали.

По результатам контент-анализа комментариев в контексте конфликтного взаимодействия в социальной сети Instagram выделились следующие доминирующие подкатегории.

Конфликтную ситуацию пользователи социальной сети оценивают в основном отрицательно, описывая ее как приносящую вред (53%). В текстах комментариев присутствует прямая агрессия в форме направленного оскорбления (29%) и пассивная в форме сарказма (18%). При описании оппонентов им атрибутируются лживость и подлость (38%), а также глупость и необразованность (30%). Причиной возникновения конфликтной ситуации указывается злой умысел одной из сторон конфликта (45%) и/или конкретного участника дискуссии (36%). Конфликт описан как мотивационный (67%) и разрешать его предлагают конкуренцией (78%). Как и в двух предыдущих случаях, участники дискуссий не сообщают о своей причине включения в конфликтную коммуникацию.

Сравнивая полученные результаты, можно видеть, что между ними нет принципиальных различий. Наличие общих закономерностей, одинаковых для всех трех социальных сетей, почти во всех категориях контент-анализа дает основание предполагать, что полученные результаты неслучайны и характерны для конфликтного взаимодействия в виртуальной среде в целом и в социальных сетях в частности.

Так, ощущение безопасности вследствие физической непредставленности собеседников, неоднократно отмечавшееся исследователями в качестве характерной особенности интернет-коммуникации [11, 12], в сочетании с возможностью не вступать в прямой диалог с оппонентами, комментируя их высказывания без продолжения дискуссии, приводит к тому, что участники добровольно включаются в конфликтное взаимодействие, которое при этом оценивают отрицательно – как приносящее вред и не имеющее смысла. Однако представляется, что эта отрицательная оценка конфликтной ситуации представляет собой оценку «вообще», а не для себя лично. Пользователи не принимают на себя ответственность за возможность какого-либо разрешения сложившейся ситуации («вряд ли что-то изменится»), они оценивают ее как «безобразия» и «позорище», но не для себя, а для других – которые «раздувают тут из мухи слона» и «ведут себя неадекватно», иногда обесценивая значение сложившейся коммуникации в целом («забавненько получается», «приколно», «смех да и только»). Подобная тенденция в максимальной степени характерна для социальной сети Twitter – вследствие возможности для пользователя в данной сети сохранять полную анонимность и ощущать себя в безопасности. Также важной составляющей, влияющей на негативную оценку конфликтной ситуации и отстраненное обесценивание ее, является ограниченный объем символов, который возможно использовать

в сообщениях Twitter, и чисто технические сложности при долгих дискуссиях (сообщения иногда сворачиваются без возможности повторно к ним обратиться, и потому не всегда очевидно, к кому именно обращается оппонент). Данная платформа в определенной степени объективно располагает к одиночным коммуникативным актам, которые должны при этом запомниться и понравиться (статус пользователя впрямую зависит от количества «лайков» и репостов его высказывания), а потому прямая вербальная агрессия представлена на ней в меньшей степени.

Возможность прервать коммуникацию в любой момент и уйти из конфликтного взаимодействия без реальных последствий, а также ситуативная субъективная равностатусность всех участников, достаточно часто отмечавшаяся исследователями как характеристика виртуального конфликта [13, 14], позволяет пользователям социальных сетей активно обращаться к различным формам вербальной агрессии. Очевидно, что множественные агрессивные коммуникативные акты могут не только не приводить к разрешению конфликта, но и способствовать нарастающей его эскалации. Самой пассивно-агрессивной (т. е. в наибольшей мере использующей саркастические высказывания) социальной сетью оказался Twitter («мне кажется, это все из-за видеоигр и соцсетей, дело закрыто», «с правами человека в данном случае все в порядке, они имеют право набить друг другу морду»), а наиболее активно-агрессивной – Instagram («собрали тут шушера», «тварь ты дырявая», «лживая дрань», ненормативная лексика). Подобные различия также могут быть связаны с техническими характеристиками: так, особенности сети Instagram не позволяют пользователям оставаться полностью анонимными – в силу представленности в аккаунте большого количества личных фотографий. Подобное вынужденное «обнажение» перед другими в ситуации конфликтного взаимодействия может способствовать отсутствию ощущения безопасности и желанию активно защищаться при любой воспринимаемой опасности по отношению к своей личности (воспринимаемой угрозе для самооценки, идентичности, образа Я), и потому провоцировать на эскалацию прямой вербальной агрессии, а также персонификацию атрибуций (приписывание как причин, так и ответственности за конфликт какому-то конкретному участнику дискуссии, выступающему своеобразным «козлом отпущения», встречалось только на этой платформе).

Недостаточность паралингвистических и невербальных компонентов коммуникации, будучи общей характеристикой любых форм сетевого взаимодействия, провоцирует участников конфликтной ситуации к упрощению образов противоположной

стороны конфликта, которые обобщаются в крайне негативном «образе врага», лживого и подлого, глупого и наглого («эти наглые хари пойдут на все», «здесь порядочных по пальцам одной руки», «подлость и низость, а также фальшь хорошо видны и не украшают ни вас, ни вашего кумира»). Эта тенденция усиливается отсутствием какой-либо предыстории взаимоотношений между участниками конфликтного взаимодействия и, как следствие, отсутствием необходимости сохранить виртуальные отношения – в подавляющем большинстве случаев пользователи, активно комментирующие пост, не входят во «френдленты» друг друга. И потому закономерным итогом становится не только эскалация агрессии в высказываниях, но и восприятие оппонентов как объединенных общей целью, неким таинственным «злым умыслом», который понять «уже не хватает здоровых клеток мозга», как представителей некоторой группы «чужих», которые «все совсем из ума выжили».

Очевидно, что такой образ участников конфликтной ситуации способствует дальнейшей радикализации мнений относительно самой ситуации – она воспринимается неразрешимой как «здесь и сейчас», так и в более широком контексте («*глупость полная*»). Можно также предположить, что участники дискуссии ощущают себя беспомощными и неспособными действительно повлиять на ситуацию, что оставляет им в качестве единственного способа взаимодействия – выражение своего страха с помощью гнева, поскольку в интернет-языке объективно содержится множество средств для сарказма и активной агрессии [3, 4]. Подобная радикализация проявляется также и в том, что вне зависимости от особенностей той или иной социальной сети участники конфликтного взаимодействия в подавляющем большинстве случаев предлагают единственную стратегию разрешения конфликта, а именно – прямую конкуренцию. Данная стратегия предполагает прямое противостояние сторон, абсолютный выигрыш одной стороны и полный проигрыш другой, и в текстах комментариев граничит с насилием («око за око», «бить морду это не дикость, а добрая русская традиция», «бить надо в глаз»). Косвенным подтверждением этого является также и тот факт, что в большинстве случаев пользователи категоризируют возникшие конфликты как мотивационные, т. е. затрагивающие личные интересы сторон. Инаковые точки зрения встречаются только в сети Youtube, что может объясняться максимальной представленностью в ней невербальных и паралингвистических средств коммуникации.

Интересным является абсолютное отсутствие в анализируемых комментариях высказываний пользователей о целях своего вклю-

чения в конфликтное взаимодействие. С одной стороны, это может быть следствием таких особенностей интернет-коммуникации в целом, как отсроченность и асинхронность общения, – в случае конфликтного виртуального взаимодействия сообщение о своих исходных намерениях теряет смысл, хотя бы в силу быстрого обновления тематики дискуссии. С другой стороны, несообщение о своих намерениях в анализируемых конфликтных ситуациях может быть вызвано определенным когнитивным диссонансом участников: сочетанием добровольности участия в конфликте и оценкой его как не имеющим смысла и/или вредоносного.

Выводы

Полученные данные подтверждают как общее предположение исследования, так и его частные эмпирические операционализации. Можно утверждать, что в ходе виртуального конфликтного взаимодействия происходит радикализация репрезентаций когнитивной схемы конфликтной ситуации ее участниками. Это выражается прежде всего в том, что наблюдается усиление влияния негативных когнитивных искажений в коммуникации: конструирование «образа врага», резкая поляризация мнений в ходе групповых обсуждений, атрибутивные искажения при построении образов оппонентов и т. д. Одновременно радикализуется и дискурс взаимодействия, на что указывает возрастание актов прямой и косвенной вербальной агрессии. Также в большинстве случаев участники виртуального конфликтного взаимодействия не ставят целью его разрешение, а предпочитаемой стратегией собственного поведения в конфликте имеют наиболее радикальную стратегию прямой конкуренции. Эти особенности виртуального конфликтного взаимодействия практически не зависят от конкретных технических характеристик той или иной социальной сети (степени представленности пара- и невербальных средств коммуникации, допустимого текстового объема поста и степени его воспринимаемой анонимности).

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-01222 «Когнитивно-личностные факторы радикалистских установок и форм поведения».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-013-01222 «Cognitive-personal factors of radicalist attitudes and forms of behavior».

Литература

1. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: Средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2013. 160 с.
2. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.
3. Suler J.R. Psychology of the digital age: Humans become electric. Cambridge University Press, 2015.
4. Suler J. The online disinhibition effect // Cyberpsychology & behavior. 2004. Т. 7. № 3. С. 321–326.
5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 27–35.
6. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 5 ноября 2018).
7. Gackenbach J., Boerw J. (ed.). Boundaries of Self and Reality Online: Implications of Digitally Constructed Realities. Academic Press, 2017. 358 p.
8. Смирнов Ф.О. Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression (дата обращения 5 ноября 2018).
9. Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Особенности протекания конфликта в виртуальной коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Педагогика. Психология. Образование». 2018. № 1 (11). С. 65–76.
10. Медиалогия – разработчик автоматической системы мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruward.ru/catalog/mlg-ru/#common> (дата обращения 5 ноября 2018).
11. Aiken M. The Cyber Effect: A pioneering cyberpsychologist explains how human behaviour changes online. Hachette UK, 2016.
12. Attrill A. (ed.) Cyberpsychology. Oxford University Press, USA, 2015.
13. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. 2004. № 11. С. 63–67.
14. Смирнов Ф.О. Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression (дата обращения 5 ноября 2018).

References

1. Petrova NE., Ratsiburskaya LB. The language of contemporary media. The means of verbal aggression. Moscow: Flinta: Nauka Publ.; 2011. 160 p. (In Russ.)
2. Voiskunskii AE. The behavior in cyberspace. Psychological principles. *Man*. 2016;1:36-49. (In Russ.)

3. Suler JR. Psychology of the digital age. Humans become electric. Cambridge University Press, 2015.
4. Suler J. The online disinhibition effect. *Cyberpsychology & behavior*. 2004; 7(3): 321-26.
5. Soldatova GU., Rasskazova EI. Psychological models of digital competence among Russian teenagers and parents. *National psychological journal*. 2014;2(14):27-35. (In Russ.)
6. Martsinkovskaya T.D. Informational socialization in changing information environment. *Psychological research*. 2012;5(26). [Internet] URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 5 Nov. 2018). (In Russ.)
7. Gackenbach J., Bown J. (ed.). Boundaries of Self and Reality Online. Implications of Digitally Constructed Realities. Academic Press, 2017. 358 p.
8. Smirnov FO. Language and communicative aggression in Runet. 2005 [Internet]. URL: http://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression (data obrashcheniya 5 Nov. 2018).
9. Belinskaya EP, Ilyukhina SN. Specific characteristics of a conflict in virtual communication. *RSUH/RGGU Bulletin. "Pedagogy. Psychology. Education" Series*. 2018;1 (11):65-76.
10. Medialogy – a developer of automated system for monitoring and media analysis in online regime [Internet]. URL: <http://www.ruward.ru/catalog/mlg-ru/#common> (data obrashcheniya 5 Nov. 2018).
11. Aiken M. The Cyber Effect. A pioneering cyberpsychologist explains how human behaviour changes online. Hachette UK, 2016.
12. Attrill A. (ed.) Cyberpsychology. Oxford University Press, USA, 2015.
13. Vinogradova TYu. Specificity of communication on the Internet. *Russian and comparative Philology: Linguoculturological aspect*. 2004;11:63-67. (In Russ.)
14. Smirnov FO. Language and communicative aggression in Runet. 2005 [Internet]. URL: http://cyberpsy.ru/articles/internet_aggression (data obrashcheniya 5 Nov. 2018).

Информация об авторах

Елена П. Белинская, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; elena_belinskaya@list.ru

Светлана Н. Илюхина, студентка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; Ilyuhina_SN@outlook.com

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Dr. in Psychology, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 11, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; Russian Academy of Education Psychological Institute, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; elena_belinskaya@list.ru

Svetlana N. Ilukhina, student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 11, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; Iluhina_SN@outlook.com

Особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Аннотация. В статье представлены данные исследования по особенностям самопрезентации в реальном пространстве у представителей творческих профессий, студентов вузов: актеров и режиссеров, музыкантов-исполнителей и дирижеров; также особенности самопрезентации в сети Instagram популярных отечественных исполнителей. Общим для всех студентов в реальной самопрезентации является высокая демонстративность, ориентация на будущее и целеустремленность в выбранной профессии. В виртуальном пространстве популярные исполнители отражают события своей реальной профессиональной и личной жизни с помощью сети Instagram, а также осуществляют свою виртуальную самопрезентацию.

Ключевые слова: самопрезентация, реальное и виртуальное пространство, Инстаграм, студенты: будущие режиссеры, актеры, музыканты и дирижеры, популярные отечественные исполнители

Для цитирования: Гавриченко О.В. Особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 96–114.

Features of the self-presentation in real and virtual space of representatives of creative professions

Oksana V. Gavrichenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Oksana-danshina@rambler.ru

Abstract. The article presents research findings on features of the self-presentation in real space among people of creative professions, students of higher education institutions: actors and directors, performing musicians and conductors; also features of the self-presentation in Instagram network of popular domestic performers. The general in the real self-presentation for all students is high demonstrativeness, orientation to the future and a tenacity of purpose in the chosen profession. Popular performers reflect events of the real professional and private life in virtual space and by means of Instagram network and thus carry out the virtual self-presentation.

Keywords: self-presentation, real and virtual space, Instagram, students: future directors, actors, musicians and conductors, popular domestic performers

For citation: Gavrichenko OV. Features of the self-presentation in real and virtual space of representatives of creative professions. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:96-114.

Введение

Сегодня современному человеку необходимо соответствовать вызовам современного транзитивного пространства, которое дает нам представление о множестве социокультурных контекстов в постоянно меняющемся мире. Новые технологии изменяют образ жизни людей и оказывают влияние на возможность их самопрезентации. Именно постоянная изменчивость и неопределенность окружающей среды будут воздействовать на процессы, связанные с идентичностью и социализацией личности [1]. При этом данная тенденция фиксируется в настоящее время не только в реальном, но и в виртуальном пространстве и затрагивает представителей

разных профессий, но особенно тех, кто связан с творческой деятельностью.

В психологической науке процесс создания образа Я рассматривается с позиции активной творческой и целенаправленной деятельности. Исследование проблем создания образа Я, способов самовыражения и самопрезентации является особенно актуальным для представителей творческих профессий. У представителей данных специальностей есть необходимость в демонстрации определенных характеристик своей личности, связанных с уникальностью и неповторимостью образа. Их самопрезентация будет направлена на создание яркого и запоминающегося впечатления о себе в глазах других людей. Данный образ (имидж) у представителей творческой сферы не всегда может быть идентичен реальному, однако при его создании они опираются на конкретные личностные характеристики и свои психологические особенности.

Проблема самопрезентации в современной психологии

Понятие самопрезентации представлено в социально-психологических исследованиях и связано с процессом представления человеком собственного образа в социальном мире, направленного на создание у окружающих определенного впечатления о себе. В узком смысле самопрезентация может пониматься как управление впечатлением о себе.

С точки зрения интеракционизма самопрезентация рассматривается как формирование образа Я и поддержание самооценки. Представители этого направления У. Джемс, Г. Мид, Ч. Кули полагали, что в социальном пространстве каждому человеку свойственно демонстрировать свои различные социальные образы в зависимости от процесса общения с разными партнерами. Это способствует тому, что человек может представить себя в наиболее выгодном положении и произвести на окружающих наилучшее впечатление о себе. Затем, отрефлексировав мнение и отношение к нему окружающих, он может создать собственное представление о себе. Ч. Кули объясняет этот феномен с помощью категории «зеркального Я», а Г. Мид называет «идеей Я» [2].

Человек также может формировать мнение о себе через оценку его другими людьми. Р. Викланд указывает на то, что «в процессе осознания этих оценок возникает состояние объективного самосознания (objective self-awareness). Это самосознание фиксирует

внимание человека на самом себе и на своем представлении о том, как его воспринимают и оценивают другие люди» [2 с. 11].

Создатели когнитивного понимания самопрезентации подчеркивают появление у человека рассогласованности чужих и собственных оценок себя. Человеческое сознание не терпит противоречия между отдельными когнитивными элементами и стремится устранить возникающий диссонанс с помощью ряда приемов. Согласно Ф. Хайдеру, это будет происходить через сознательные или несознательные поступки, которые будут пробуждать соответствующий отклик у окружающих, изменение мнения других людей о себе и приближение его к собственной самооценке. Л. Фестингер указывает на то, что этот процесс происходит за счет тщательного выбора партнеров по общению, отношения с которыми способствуют сохранению собственной самооценки [2].

В психологической науке существуют подходы, рассматривающие самопрезентацию как поведенческую реализацию мотивации. Так, Р. Аркин и А. Шутц выделяют приобретающую и защитную самопрезентацию. Они полагают, что с помощью самопрезентации человек воплощает в жизнь мотивы достижения успеха в своей деятельности или ухода от поражения. «Приобретающая самопрезентация выражает мотивацию достижения. Для нее характерен выбор адекватных ролей и задач (соответствующих социальному положению, образованию и пр.), выбор социальной среды, соответствующей уровню идентификации субъекта (человек общается с равными себе)» [2 с. 12]. Защитную самопрезентацию, а она чаще всего не осознается, мы можем наблюдать в поведении человека, мотивом которого является избегание той или иной неудачи. И в этом случае люди для реализации своих решений могут находить несоответствующую среду с заниженными или, наоборот, очень высокими требованиями.

Американский психолог М. Снайдер занимался вопросами изучения того, как между собой связан имидж человека и его истинное Я. Он выразил мнение, что далеко не каждый человек может управлять впечатлением о себе. Так, кто-то из нас будет выстраивать свое поведение, основываясь на характеристиках своего реального Я, а кто-то будет действовать сообразно образу проективного Я, которое он хочет произвести на окружающих. Таких людей Снайдер называет *self-monitors*, потому что они руководствуются в своем поведении проективным Я, состоящим из мнений других людей о себе [2].

И. Гоффман рассматривает самопрезентацию в традиции ролевой теории в своей концепции социальной драматургии. В своих работах Гоффман исследовал социальное взаимодействие и управ-

ление производимым впечатлением на других в процессе этого взаимодействия. В своем подходе Гоффман руководствуется идеей о том, что когда человек начинает свое общение с другими, окружающие, как правило, стараются получить информацию о нем или выстраивают свое поведение на основе тех сведений, которые у них уже имеются. Они будут узнавать о его социально-экономическом статусе, представлениями индивида о самом себе, установкой по отношению к ним и т. д. «Информация о человеке помогает определить характер ситуации, позволяет понять, что человек ожидает от окружающих и чего они могут ожидать от него. Поняв это, окружающие будут знать, как лучше себя вести, чтобы в дальнейшем вызвать желаемую реакцию» [2 с. 16].

Окружающим доступно много источников информации. Они могут подбирать ключи, делая выводы по поведению и внешности, используя свой прошлый опыт или, что важнее, применяя без проверки сложившиеся у них стереотипы. Они могут также положиться на предположение, составленное по совокупности психологических черт личности, как на средство, дающее возможность предугадать настоящее и будущее поведение человека.

Однако в течение периода, когда человек находится непосредственно перед зрителями, могут произойти какие-то события, представляющие окружающим дополнительную информацию, в которой они нуждаются. Человек должен вести себя так, чтобы, намеренно или ненамеренно, выражать себя, а окружающие, в свою очередь, будут впечатлены им. Таким образом, когда индивид появляется перед другими людьми (зрителями), ему придется мобилизовать свою активность, чтобы передать то впечатление, в котором он заинтересован [2].

И. Гоффман уделяет особое внимание контролю производимого впечатления. В этом случае человеку необходимо уделять особое внимание тем людям, с которыми он взаимодействует, т. к. они будут для него источником информации о его образе. Если человек будет пренебрежительно относиться к сигналам от своей аудитории, то он может быть неправильно понят и создаваемый им образ (представление) может быть фиктивным.

В своих исследованиях Т.Д. Марцинковская подчеркивает, что в условиях сегодняшнего дня новые технологии и принципиально иное техническое пространство становятся неотъемлемой частью современной жизни индивида. Их воздействие на психическую сферу и личностные особенности человека с каждым днем становится все масштабней и глобальней. Мы живем в новой цифровой цивилизации, где человека окружает цифровая среда, а прогрессивные технологии присущи нашему обычному образу жизни. Люди перестали

воспринимать машины как механизмы, которые нас окружают. Теперь это технические устройства, которые являются частью нашего повседневного пространства, и часто они являются продолжением наших психических способностей, а не только инструментом нашей деятельности. Сегодня уже можно говорить о том, что технические средства, проходя процесс интериоризации, определяют особенность восприятия окружающего пространства, контакта с предметной сферой и общения людей. Новые технические новшества изменили не только сам пространственно-временной континуум, но и наше представление о нем [1]. Цифровые технологии и средства открывают человеку и новые возможности для самопрезентации.

А.Е. Войскунский анализирует проблему воздействия информационных технологий на человека и обращает свое внимание на то, что психические механизмы этого воздействия должны стать предметом кропотливого изучения со стороны психологической науки. Анализ данного воздействия должен касаться не только психических процессов, связанных с когнитивными функциями, но и с трансформацией мотивационно-личностной сферы пользователей информационных технологий, а также нам необходимо исследовать и механизмы этого воздействия [3].

Особое место в современных психологических исследованиях занимает изучение самопрезентации в виртуальном пространстве. Отечественными психологами А.Е. Жичкиной и Е.П. Белинской [4] было проведено исследование стратегии самопрезентации в Интернете и ее связь с реальной идентичностью. В результате данного исследования было выявлено, что участие в интернет-коммуникации может оказывать влияние на реальную идентичность различными способами. Это связано с тем, что в сравнении с реальной жизнью интернет-пространство, являясь социальной реальностью, дает возможность человеку за счет наличия в нем разных сообществ (чатов, телеконференций и MUD) принадлежать к определенной социальной категории. Немаловажным аспектом интернет-общения является анонимность данного процесса. В интернет-коммуникации анонимность и ограниченный сенсорный опыт порождают уникальную возможность экспериментирования с собственной идентичностью. Более конкретно, анонимность позволяет пользователям Интернета создавать сетевую идентичность, которая часто отличается от реальной идентичности.

Основная особенность виртуальной самопрезентации, которая признается большинством исследователей – это возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе. Выбор способа самопрезентации в сети зависит от типа личности.

В работах Е.П. Белинская [4] подчеркивает, что именно виртуальная самопрезентация может отражать как раз те желания человека, которые он не может удовлетворить в реальной жизни, т. е. быть прямым следствием реальной идентичности. Помимо этого, виртуальная самопрезентация может быть связана с техническими особенностями коммуникации в Интернете. Виртуальная самопрезентация может быть совершенно другой по своей форме по сравнению с реальной, иметь большую выразительность и сознательную конфликтность, поскольку никто из пользователей Интернета не хочет быть полностью анонимным и остаться вообще никем не замеченным.

Если мы будем сравнивать особенности самопрезентации в реальном и виртуальном мире, то окажется, что самопрезентация в социальных сетях будет более осознанной и более разнообразной по своему характеру. Необходимо отметить, что содержание такой самопрезентации будет обусловлено социальными нормами конкретной социальной сети. Очень интересно и то, что самопрезентация в процессе виртуальной коммуникации будет в большей степени содействовать повышению уровня самооценки, чем при очном взаимодействии. Это помогает активизации общения между пользователями в сети [4].

В ходе исследования самопрезентации пользователей Е.П. Белинская и О.В. Гавриченко [5] выявили, что отличительной чертой визуальной самопрезентации в социальных сетях будет являться показатель объективного социального статуса пользователя. Как правило, целью самопрезентации в Instagram является формирование своего положительного образа и повышение своего не только виртуального, но и реального статуса. В этом случае для сети Instagram публикационная активность пользователя (число фотографий и текстов на его странице) не имеет ничего общего с уровнем его объективного социального статуса.

Исследование самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий

Данное исследование проходило в двух направлениях:

- 1) изучение реальной самопрезентации студентов, будущих актеров и режиссеров, музыкантов-исполнителей и дирижеров, обучающихся в московских вузах;
- 2) исследование виртуальной самопрезентации популярных отечественных исполнителей в сети Instagram.

Цель и задачи исследования

Цель – сравнить особенности реальной и виртуальной самопрезентации представителей творческих профессий.

Задачи исследования:

- изучить особенности реальной самопрезентации студентов творческих вузов: актеров-режиссеров, музыкантов-дирижеров;
- исследовать особенности виртуальной самопрезентации в сети Instagram представителей отечественного шоу-бизнеса;
- сравнить характеристики реальной и виртуальной самопрезентации у представителей данных творческих профессий.

Гипотеза

Мы предположили, что существуют различия в реальной и виртуальной самопрезентации у представителей творческих профессий. При этом у студентов, обучающихся творческим специальностям, их реальной самопрезентации будет присуща демонстративность, преобладание личностных характеристик и направленность на «будущее».

У представителей шоу-бизнеса самопрезентация связана с поддержанием собственного имиджа и направлена на отражение реальных моментов из их жизни в виртуальном пространстве.

Предполагалось, что наиболее важным и эффективным инструментом в демонстрации желаемого образа Я представителями отечественного шоу-бизнеса в виртуальной самопрезентации будут фотографии и их текстовые комментарии.

Выборка

65 человек – студенты актерского факультета, 39 человек – студенты режиссерского факультета Высшего театрального училища им. Щепкина и Театрального института им. Щукина. 66 человек – студенты музыкального факультета МПГУ и 30 человек – студенты факультета хорового дирижирования Московской консерватории им. Чайковского. Каждый участник исследования дал свое согласие на участие в работе.

Страницы популярных российских исполнителей в сети Instagram – 3577 фотографий ($n = 3.577$). Изучались посты за

первое полугодие 2018 г. с января по июнь включительно. Общее число страниц в Instagram – 42. Из них: 21 человек – это представители отечественного шоу-бизнеса, находящиеся в данный момент на пике своей популярности, и 21 человек – исполнители, чья востребованность в профессиональной деятельности на сегодняшний день прошла свой пик популярности.

Методики исследования

Для изучения реальной самопрезентации был использован тест М. Куна, Т. Марк Партленда «Кто я?» [6] и опросник Адамса, Маршалла «Сила Эго» [6].

Изучение постов в сети Instagram проводилось методом контент-анализа. Единица анализа – фотография, размещенная пользователем на своей странице в Instagram. Фотография включает себя содержание и текстовый комментарий.

В процессе обработки данных применялся качественный и количественный анализ.

В процедуре подсчетов результатов контент-анализа использовалась формула вычисления «удельного веса» смысловых категорий А.Н. Алексеева [7]. Для обработки данных использовалась программа Microsoft Excel 2010.

Исследование особенности реальной самопрезентации студентов творческих специальностей

Сравнительный анализ результатов теста М. Куна, Т. Марка Партленда «Кто я?» показал, что в самоописаниях студентов музыкального и театрального вузов преобладают личностные характеристики. Эта тенденция свойственна развитию идентичности в период юности и связана с особенностями развития личности современных молодых людей. Весомых различий между двумя группами по этому параметру не фиксируется (рис. 1). Высокие данные по параметру личной идентичности (по сравнению с представителями других групп молодежи) могут рассматриваться как специфическая часть той творческой профессии, которой они занимаются, так же как и тенденция к демонстративности, которая присуща людям, работающим по данной специальности [8].

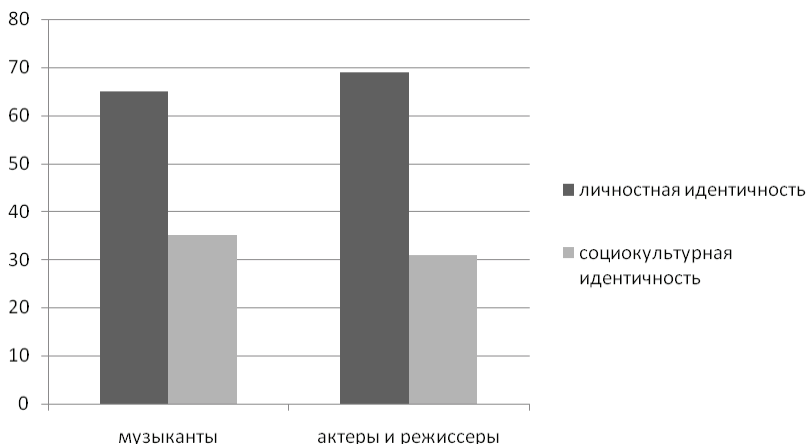

Рис. 1. Соотношение личностных и социокультурных аспектов идентичности

В данном исследовании хочется обратить внимание на ответы участников, которые по своему содержанию связаны так или иначе с художественной и творческой деятельностью. Такие характеристики были отмечены в содержании и личностной, и социокультурной идентичности, к которой прежде всего относится ролевая идентичность. В данных самоописаниях мы можем выделить следующие характеристики.

1. *Самоописание метафорического характера.* Эти самоописания строятся по схеме «Я – художественный образ». Респонденты в описании себя использовали такие метафорические образы, как: шут, солнце, море, чайка и др. По данному параметру мы фиксируем значимые межгрупповые различия. Так студенты, обучающиеся по театральной специальности, чаще, чем студенты музыкальной специальности, используют метафорические образы в своих самоописаниях.

2. *Самоописание себя как творческой личности.* В данном самоописании присутствует самооценка своих творческих возможностей. Респонденты часто используют такие характеристики себя, как способный и талантливый человек. В этом же самоописании фиксируются характеристики, ориентированные на рефлекссию и творческое восприятие мира. Респонденты описывают себя как романтика или мечтателя, ищущего или думающего человека, эстета

или философа. В этом же самоописании присутствует характеристика себя как человека, производящего некий творческий продукт. Участники исследования говорят о себе как о творце, выдумщике и созидающей личности. Интересен факт того, что самописание себя как творческого человека в данной выборке используют студенты и театральной, и музыкальной специальности.

3. *Самописание личностных ресурсов.* Эти ресурсы дают возможность участникам исследования добиваться успеха и намеченных целей. К характеристикам личностных ресурсов относятся такие качества, как старательный, целеустремленный, волевой, работоспособный, настойчивый. Важно, что по данному параметру фиксируются значимые межгрупповые различия: студенты из музыкальных высших учебных заведений чаще используют в своем самоописании именно характеристики, связанные с личностными ресурсами, в отличие от студентов театральных вузов.

4. *Профессиональное самописание.* Данное исследование показало, что у респондентов, принимающих участие в опросе, существует особая профессиональная специфика описания своей идентичности в соответствии с получаемой специальностью. Так, независимо от своей профессиональной специализации исполнители и дирижеры чаще и больше обозначают себя как «музыкант» и реже указывают в самоописании свою более узкую профессиональную специализацию: пианист, гитарист, дирижер. Возможно, что это связано с тем, что для студентов музыкальных вузов более важным является не получение какой-то конкретной специальности, а возможность работать в сфере, связанной именно с музыкальным искусством, в которой у них есть возможности широкой профессиональной самореализации.

Если проанализировать данные, полученные среди студентов театральных вузов, то чаще идентифицируют себя в соответствии с выбранной специальностью будущие актеры. При этом студенты-режиссеры в своих самоописаниях продолжают определять себя как актера. Возможно, это связано с тем, что большинство участников данной выборки уже профессионально работают в театре именно как актеры. Режиссеры чаще себя описывают как субъект творческой деятельности. Это может быть связано с тем, что режиссеры ориентированы на создание нового продукта в процессе данной деятельности, и именно режиссер в театральном творческом процессе является главным создателем спектакля. Тогда как актер это один из участников данного процесса.

В данном исследовании применялся опросник Адамса и Маршалла «Сила ЭГО» с целью изучения структурно-функцио-

нальных особенностей идентичности студентов творческих специальностей обучения. Оценивались следующие функции и шкалы идентичности:

- 1) возможность понимания себя (кто я есть);
- 2) смысл деятельности и жизни (смысл и цели);
- 3) способность к самоконтролю и волевому поведению (личный контроль);
- 4) согласованность, целостность и гармония между ценностями, убеждениями и обязательствами (гармония);
- 5) способность к осознанию своего потенциала, понимание своих будущих возможностей и альтернативных вариантов будущего (будущее) [6].

Таблица средних арифметических значений
«Сила ЭГО»

Функции и шкалы идентичности	Специальность обучения			
	актеры	режиссеры	музыканты-исполнители	дирижеры
Понимание себя	10,1	10,7	11,3	10,8
Смысл и цели	12,2	12,2	12,2	12,1
Личный контроль	13,1	12,2	12,2	11,4
Гармония	11,3	10,8	10,1	8,8
Будущее	13,1	12,9	12,5	12,2

Результаты опроса показали, что общим для студентов творческих вузов является выраженность такой функции идентичности, как «будущее», которая обеспечивает способность к осознанию своего творческого и жизненного потенциала, понимание возможностей своей реализации в выбранной профессии [9].

В процессе их профессионального становления можно говорить о том, что к моменту поступления в творческий вуз и к началу обучения у студентов творческих специальностей уже сложилось определенное представление о своих творческих способностях и о возможностях самореализации в выбранной профессии. Собственно, такое представление о своем будущем в

профессии является необходимым условием для дифференциации специализации (актер, режиссер, исполнитель, дирижер) при поступлении в художественный вуз. Необходимо также отметить, что стимулом для осознания своего будущего в профессии является и сам процесс обучения, в котором происходит как постоянное собеседование с сокурсниками и преподавателями, так и появляется необходимость практической демонстрации полученных знаний в реальной профессиональной деятельности. Специфика выраженности разных целей у студентов разных специальностей будет подробно проанализирована ниже.

Необходимо отметить и достаточно выраженные целеустремленность и личный контроль, особенно ярко проявляющиеся у актеров. Этот факт согласуется с данными других авторов, показавших важную для актеров функцию самоконтроля, помогающего контролировать проявления сценических эмоций, отделяя их от собственного эмоционального состояния.

Как видно из данных, представленных в таблице, наименее выраженные функции идентичности у студентов творческих специальностей – это функция «структура», отвечающая за возможность понимания себя («кто я есть»), и функция «гармония», которая обеспечивает согласованность, целостность и гармонию между ценностями, убеждениями и обязательствами.

Если рассмотреть выделенные функции идентичности в контексте профессиональной самореализации студентов, то можно сказать, что более высокий уровень осознания себя в профессии характерен для музыкантов-исполнителей, что во многом объясняется тем, что к этому виду деятельности они шли в течение многих лет, обычно со времени обучения в музыкальной школе. Поэтому они достаточно хорошо осознают и специфику исполнительской деятельности, и свои позиции, хотя, возможно, и не совсем адекватно. Что касается дирижеров и режиссеров, «более низкий показатель по этой позиции идентичности, по-видимому, объясняется тем, что данный аспект творчества (не исполнение, а руководство процессом исполнения других) для них еще в достаточной мере нов. Тем не менее опыт предыдущей работы (они, как правило, имеют опыт актерской или музыкально-исполнительской деятельности) помогает им в ориентации в новой для них форме творчества. Для начинающих актеров, не имеющих за плечами опыта работы и обучения в театральных школах, процесс самопознания себя в профессии в институте только начинается.

*Изучение особенности направленности
виртуальной самопрезентации популярных
отечественных исполнителей в сети Instagram*

В ходе исследования виртуальной самопрезентации представителей отечественного шоу-бизнеса были получены следующие результаты. По категории «Работа» данные распределились следующим образом. В первой и второй группе у представителей отечественного шоу-бизнеса на первом месте фотографии и видеоматериалы в Instagram, связанные с категорией «Работа» – 50% от общей выборки. В данную категорию входят посты в Instagram, связанные с выступлениями, съемками клипа, записями песен, участие в телевизионных программах и радиоэфире. Однако в первой группе это количество чуть больше – 57%; у второй группы 43%. Возможно, это связано как раз со снижением востребованности данных исполнителей у публики.

На втором месте по значимости в общей выборке участников исследования находится категория «Друзья», которая составляет 23% от числа всех проанализированных постов. В категорию «Друзья» входят фотографии на ленте Instagram, связанные с новостями и информацией о жизни коллег по сцене, призывами поддержать их клип, посещение презентаций своих коллег, положительная оценка новой песни и видеоролика к ней, отзыв о концерте и т. д. В таких фотографиях «Друзей» есть, как правило, текстовый комментарий, в котором автор поста напрямую говорит о том, что на фото или видео его друг, творчество которого ему нравится, он уважает данного артиста и признает его талант. У первой группы популярных исполнителей категория «Друзья» составляет 52%, а у второй 48%.

Третье место нашего контент-анализа занимает категория «Отдых». В нее вошли фото- и видеоматериалы о том, как и где отечественные исполнители проводят свой отдых: это, как правило, различные путешествия, не связанные с гастрольной деятельностью, отдых на природе и на море. Всего данная категория в Instagram представлена в 14,8%. Однако если рассматривать данные контент-анализа по двум группам, то мы можем увидеть, что у более востребованных исполнителей категории «Отдых» соответственно 64% постов, а у артистов «второго эшелона» это всего лишь 36%.

Четвертое место по количеству постов в Instagram исполнителей у нас занимает категория «Личное», в общей выборке это всего лишь 12,2%.

К ней относится информация, связанная с семьей известного артиста и домашними животными. При этом у популярных

артистов таких постов значительно меньше – 17%, а вот у менее востребованных исполнителей их намного больше 83%. Видимо, информацией о своей личной жизни вторая группа артистов старается компенсировать отсутствие других новостей о своей творческой деятельности.

Процентные соотношения подтверждаются данными, полученными по формуле А.Н. Алексева, с помощью которой был вычислен «удельный вес» (УВ) каждой из смысловых категорий в контент-анализе:

Общий УВ: А «Работа» 0.5; В «Друзья» 0.23; С «Отдых» 0.15; D «Личное» 0.12.

Группа I УВ: А «Работа» 0.29; В «Друзья» 0.12; С «Отдых» 0.09; D «Личное» 0.002.

Группа II УВ: А «Работа» 0.21; В «Друзья» 0.11; С «Отдых» 0.06; D «Личное» 0.10.

При этом в процессе качественной обработки данных контент-анализа Instagram известных исполнителей выяснились дополнительные интересные особенности их страниц в Интернете.

Внимание артистов первой группы пользователей сети Instagram к траурным событиям, происходившим на территории России. Это, прежде всего, пожар и гибель людей в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня». Эта катастроф унесла из жизни весной 2018 года 60 человек, большинство из них – дети. Слова соболезнования и поддержки на своих страницах в Instagram по поводу случившегося выразили популярные исполнители в двух группах в соотношении 25/15, разместив у себя на страницах посты траурного содержания. Они также отметили и крушение самолета АН-148 в подмосковном районе Раменское в феврале 2018. Об этом упоминали в своих постах участники и первой и второй группы примерно в равном соотношении 6/5. Обе группы исполнителей также размещают у себя на страницах в Instagram посты, связанные с уходом из жизни известных и популярных артистов театра и эстрады: Олега Табакова, Михаила Державина, Олега Анофриева и Людмилы Сенчиной. В своих комментариях звезды отдают дань таланту этих людей.

И наконец, в отдельную категорию попадают смешные фото и видео, связанные с забавными случаями из жизни людей и животных. Как правило, такие посты собирают много лайков и веселых комментариев, а также репостов.

Выводы

У студентов творческих специальностей в реальной самопрезентации ярко выражена тенденция демонстративности и преобладают личностные характеристики идентичности. Это обусловлено особенностями их профессиональной деятельности.

Содержательные характеристики самоописания у студентов театральных и музыкальных вузов в большей степени связаны с их художественно-творческой деятельностью. При этом в группе театральной молодежи описание себя с помощью метафорических образов больше, чем у студентов-музыкантов. Возможно, это связано с тем, что в театральной сфере работа над ролью и изображение ее на сцене приводят к созданию ярких описательных образов, которые студенты потом могут применять и в своей самопрезентации.

Студенты музыкальных вузов, наоборот, в своем самоописании больше сосредоточены на собственных личностных ресурсах, которые позволяют им добиваться профессионального роста, развития и самосовершенствования их исполнительского и дирижерского таланта.

У группы студентов-музыкантов и дирижеров фиксируется профессиональная специфика самоописаний, что говорит о более глубокой профессиональной идентичности как у исполнителей-музыкантов, так и у дирижеров хора, чем у студентов театральных вузов. Видимо, это связано с тем, что они занимаются музыкой и погружены в свою будущую профессию уже с ранних лет.

При этом следует отметить, что студенты театральных и музыкальных вузов, безусловно, считают и позиционируют себя как «творческую личность» и используют данную характеристику в своей самопрезентации.

Студенты творческих вузов ориентированы в «будущее» своей профессиональной сферы, в котором сможет раскрыться и реализоваться потенциал их личности.

Целью же виртуальной самопрезентации популярных исполнителей в сети Instagram является создание позитивного образа Я, повышение своего виртуального статуса.

В содержании самопрезентаций у отечественных исполнителей ведущим является текст, иллюстрированный фотографиями.

Самопрезентации, связанные с профессиональной деятельностью у исполнителей, занимают первое место в их информационной ленте новостей в сети Instagram.

Популярные исполнители помимо информации, связанной с профессиональной и личной жизнью, с помощью своей страницы в Instagram реагируют на разного рода события, происходящие в стране, и выражают в сети свое отношение к данным событиям.

Личные страницы в Интернете дают возможность популярным исполнителям быть в общем виртуальном пространстве со своими поклонниками и предоставлять им ту информацию о своей творческой и личной жизни, которую именно они сочтут нужной и полезной для создания своего имиджа и самопрезентации.

И если реальные самопрезентации у студентов театральных и музыкальных вузов направлены в будущее, в ту профессиональную сферу, которой они будут заниматься и в которой будут реализовываться, то в виртуальной самопрезентации популярных исполнителей фиксируется реальная жизнь и те события, которые происходят с ними именно в данный конкретный момент.

Результаты, полученные в ходе исследования специфики реальной и виртуальной самопрезентации представителей творческих профессий, выявили, что целью самопрезентации в Instagram популярных исполнителей является создание позитивного образа и повышение своего виртуального статуса. Целью реальной самопрезентации представителей творческих профессий, напротив, является создание реального образа, связанного с их успешной профессиональной деятельностью.

Литература

1. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2015. № 8 (42). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 30 ноября 2018).
2. *Михайлова Е.В.* Обучение самопрезентации. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 167 с.
3. *Бабаева Ю.Д., Войкунский А.Е., Смылова О.В.* Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 32–40.
4. *Жичкина А.Е., Белинская Е.П.* Стратегии самопрезентации в Интернете и их связь с реальной идентичностью // CYBERPSY.RU [Электронный ресурс]. 2017. 30 авг. URL: http://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity (дата обращения 30 октября 2018).
5. *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 30 октября 2018).

6. Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. Московский педагогический государственный университет. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2015. 112 с.
7. *Алексеев А.Н.* Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты // Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР, 1970. С. 41–47.
8. *Смолякова Т.В.* Психологические особенности структуры профессиональной идентичности студентов, обучающихся в художественных вузах // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2014. № 7 (34). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 30.10.2018).
9. *Гавриченко О.В., Марцинковская Т.Д.* Культура как образующая идентичности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2017. № 10 (54). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 30.10.2018).

References

1. Martsinkovskaya TD. Modern psychology – challenges of transitivity. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2015;8(42):1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 30 October 2018). (In Russ.)
2. Mikhailova EV. Training of the self-presentation. Moscow: GU VShE Publ.; 2006. 167 p. (In Russ.)
3. Babaeva YuD., Voiskunskii AE., Smyslova OV. Internet. Impact on the personality. *Gumanitarnye issledovaniya v Internetе*. Moscow: Mozhaisk-Terra Publ.; 2000. P. 32-40. (In Russ.)
4. Zhichkina AE., Belinskaya EP. The strategy of the self-presentation in the Internet and their relation to real identity. CYBERPSY.RU [Internet]. 2017. 30 Aug. URL: http://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity (data obrashcheniya 30 October 2018). (In Russ.)
5. Belinskaya EP., Gavrichenko OV. The self-presentation in virtual space. Phenomenology and regularities [Internet]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2018;60. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 30 October 2018). (In Russ.)
6. Identity and socialization in the modern world. Collected methodologies. TD. Martsinkovskaya (ed.) Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ.; 2015. 112 p. (In Russ.)
7. Alekseev AN. Experience of measurement of specific weight of categories of contents on pages of the newspaper. *Problemy kontent-analiza v sociologii*. Materialy Sibirskogo sociologicheskogo seminar. Novosibirsk: Sib. otd-nie AN SSSR Publ.; 1970. P. 41-7. (In Russ.)
8. Smolyakova TV. Psychological features of structure of professional identity of the students studying in the art higher education institutions. *Psikhologicheskie issle-*

- dovaniya* [Internet]. 2014;7(34). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 30 October 2018). (In Russ.)
9. Gavrichenko OV., Martsinkovskaya TD. Culture as forming identities. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2017;10(54). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 30 October 2018). (In Russ.)

Информация об авторе

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Oksana-danshina@rambler.ru

Information about the author

Oksana V. Gavrichenko, PhD in Psychology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Oksana-danshina@rambler.ru

Цифровое пространство и россияне «среднего возраста»

Владимир В. Солодников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, solodnikovv@mail.ru*

Ирина В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 14a20ivs@mail.ru*

Аннотация. В статье с использованием качественных данных (биографических интервью и фокус-групп) подвергаются сомнению положения «поколенческого подхода» о социально-психологической и культуральной однородности выделяемых X-, Y-, Z-«поколений». В частности, на примере использования Интернета москвичами «среднего возраста» показана временная динамика этого показателя, его культуральная специфика, его зависимость от различных аспектов (восприятие возникновения Интернета как значимого социального события; его использование в повседневной жизни, в том числе в качестве средства массовой коммуникации и элемента потребительского поведения), от субвозрастных, гендерных параметров респондентов, а также от типа их эгоидентичности.

Ключевые слова: «средний возраст», социально-психологические типы, цифровое пространство, Интернет; потребительское поведение; эгоидентичность

Для цитирования: Солодников В.В., Солодникова И.В. Цифровое пространство и россияне «среднего возраста» // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 115–137.

Digital space and “middle age” Russians

Vladimir V. Solodnikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
solodnikovv@mail.ru*

Irina V. Solodnikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
14a20ivs@mail.ru*

Abstract. Following the qualitative data (biographical interviews and focus groups) the article questions provisions of “generational approach” about socio-psychological and cultural homogeneity of X-, Y-, Z- “generations. It shows a dynamic of that index by example of Internet use among Moscow residents of “middle age”, its cultural aspects and correspondence with different variables (perception of Internet emergence as significant social event; Internet use in everyday life also as mass media and an element of consumer behavior) as well as sub-age gender parameters and Ego-identity types.

Keywords: “middle age”, socio-psychological types, digital space, internet, consumer behavior, Ego-identity

For citation: Solodnikov VV., Solodnikova IV. Digital space and “middle age” Russians. *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series.* 2018;4:115-37.

Введение

Нахождение в цифровом пространстве, виртуализация Я-идентичности и т. п. социальные феномены обычно относят к молодежи. Иногда в рамках так называемого поколенческого подхода Н. Хоува и В. Штрауса выделяется специфическое «поколение Z» (родившиеся после 2000 г.), одной из отличительных черт которого является наиболее полное «погружение» в цифровое пространство. Научная обоснованность упомянутого подхода вызывает целый ряд вопросов [1], включая допущение о социально-психологической однородности выделяемых «поколений».

Между тем, согласно данным маркетингового исследовательского агентства ГФК [2], в 2017 г. пользователями Интернета яв-

лялись 87 млн россиян в возрасте 16+ лет (что составило 72,8%). При этом доля пользователей самой старшей измеряемой возрастной группы (55+ лет) за этот год выросла на 25%. Среди них уже более половины (57%) присутствуют в цифровом пространстве, в том числе с использованием смартфонов и планшетов [2]. Тренд вовлечения старших возрастных групп в виртуальное пространство налицо, что не исключает культуральной специфики скорости этого процесса.

Так, согласно американским данным, уже в мае–июне 2007 г. (общенациональный опрос среди англоговорящих 2796 респондентов в возрасте 18+ лет) мужчины – пользователи Интернета (78%) незначительно превосходят женщин (75%). А доля соответствующих пользователей в возрасте 43–61 года даже составила 79% [3].

В данном тексте нам бы хотелось, во-первых, сосредоточиться на «немолодежной» группе россиян, относимой к «среднему возрасту», и, во-вторых, с использованием качественных данных показать, что даже эта возрастная когорта не является социально-психологически однородной, включая их установки в отношении Интернета.

В выделении социально-психологических типов россиян «среднего возраста» мы опирались на типологию эгоидентичностей канадского психолога Дж. Марсии, который развил идеи Э. Эриксона, уделив особое внимание подросткам и развитию личности в ранней взрослости. Рассматривая введенное Э. Эриксоном понятие кризиса идентичности, Дж. Марсия предложил иную интерпретацию подросткового возраста. По его мнению, этот этап жизненного пути не включает в себя ни становление зрелой идентичности, ни спутанность идентичности. Скорее, он заключается в степени постижения индивидом своей идентичности и приверженности ей в самых различных областях жизни, включая свое призвание, род своих занятий (выбор религии, взаимоотношения со значимыми другими, гендерные роли и так далее). Согласно Дж. Марсии, эгоидентичность индивида формируют две отдельные отличительные составляющие: стабильная лояльность уже сделанным жизненным выборам и кризис, когда ценности индивида претерпевают переоценку. Конечный результат кризиса вновь ведет к фиксации приверженности к определенному набору ролей или ценностей.

По мнению Дж. Марсии, есть четыре типа эгоидентичности [4]:

- «Достиженцы» (*Achievement*) – это тип, при котором молодой человек, пройдя через кризис идентичности, сформировал приверженность определенному набору выбранных ролей

- или ценностей, т. е. это путь от кризиса к формированию стабильной эгоидентичности (был кризис, есть приверженность к собственным выборам);
- «Хранители» (*Foreclosure*) – это тип, не предполагающий прохождения подростками/молодыми людьми кризиса идентичности, которые стремятся соответствовать ожиданиям других (в первую очередь родителей) относительно своего будущего, позволяя им определять направление карьерного развития и выбора партнера. Таким образом, это путь бескризисной приверженности ценностям родительской семьи (не было кризиса, есть приверженность ценностям родительской семьи);
 - «Мораторий Я» (*Moratorium*) – это тип, при котором молодой человек находится в кризисе, исследует различные возможности приверженности, т. е. кризис непосредственно переживается без сформированной стабильной эгоидентичности и лояльности ей (состояние кризиса, нет приверженности определенным ценностям);
 - «Диффузия Я» (*Diffusion*) – это тип, при котором отсутствует сформированная собственная, уникальная эгоидентичность. Представители этого типа «плывут по течению», ориентируясь на мнение других относительно жизненных ценностей, не пытаясь сформировать собственные (нет кризиса, нет приверженности собственной идентичности).

Для создания типологии эгоидентичности россиянина «среднего возраста» (40–55 лет), отталкиваясь от идей Дж. Марсии, авторами использовались количественные данные Всероссийского репрезентативного маркетингового исследования TGI-Russia, проведенного компанией КОМКОН [3].

В результате предпринятой процедуры обработки данных два типа эгоидентичности оказались соответствующими тем, которые выделял Дж. Марсия. Это:

- «достиженцы», склонные проявлять интерес к разного рода инновациям, больше ориентированные на карьеру, на творчество и духовное развитие. Им оказалась также свойственна жизнь в настоящем и склонность к риску;
- «хранители» («семейного очага»), которым присуща, прежде всего, семейственность, приверженность социальным нормам, интерес к другим культурам, природе, экологии, уважение к сверстникам и предпочтение здоровой полезной пищи. Таким образом, они ценят традиционный образ жизни, безопасность, постоянство.

Два других выделенных типа эгоидентичности оказались содержательно отличными от предложенных Дж. Марсией и были соответственно иначе названы:

- «мораторий Я» преобразовался в «аутсайдеров», которым присущи такие черты, как пренебрежение здоровым образом жизни, незаинтересованность в использовании новых технологий и следовании модным тенденциям, средний уровень потребительской активности. Они как бы «плывут по течению»;
- «диффузия Я» преобразовался в тип «негативисты», который обладает склонностью к отрицанию, спору, внутренней противоречивостью, уклонением от выражения собственных ценностей и отсутствием стремления к информированности.

Объект и метод исследования

В 2008–2009 гг. в Москве было проведено 32 биографических интервью респондентов в возрасте 40–55 лет и 12 фокус-групп с респондентами той же возрастной группы (№=97 респондентов). В обоих случаях мужчины и женщины и типы эгоидентичности были квотированы в равной степени [5].

Далее обратимся к основным полученным результатам исследования, описывающим отношение москвичей «среднего возраста» к виртуальному пространству. При этом постараемся проследить специфику этих установок в зависимости от двух возрастных подгрупп «среднего возраста» (40–49 и 50–55 лет), гендера респондентов и типа их эгоидентичности.

Возникновение Интернета как ключевое социально-жизненное событие

«Достиженцы» независимо от пола и относящиеся к младшей возрастной подгруппе «среднего возраста» отмечают возникновение Интернета среди других наиболее значимых социальных жизненных событий. Для более старшей возрастной подгруппы (50–55 лет) это нехарактерно.

Интернет в России – естественно. Через Интернет столько всего скачиваешь, столько всего получаешь, что как без него жили раньше, неясно (*Мужчина, достиженец, 42 года*).

...это дало абсолютную свободу... У меня вся работа с этим связана...последние 10 лет я работаю просто в Интернете и на Интернет... Я уж не говорю про связь с миром. Я вообще не представляю, как мы раньше жили без Интернета, это для меня загадка... (*Женщина, достиженец, 48 лет*).

Аналогичная тенденция присуща младшей возрастной подгруппе «Хранителей»:

...90-е годы, Интернет в России, регистрация домена Ру... это было очень интересно и приятно (*Мужчина, хранитель, 42 года*).

...Интернет в России – это было потрясающе, это было замечательно... Я не представляю себе сейчас жизни без Интернета... Сначала в Интернете не было такого количества информации, не все мог найти, но это просто другой уровень, другое качество жизни... (*Женщина, хранитель, 45 лет*).

В более старшей подгруппе женщины наряду с важностью и преимуществами Интернета начинают сетовать на избыточные временные затраты, связанные с его использованием.

...Мы сейчас в Интернете... без этого жить невозможно. Это, конечно, жизнь облегчило, с одной стороны, но, с другой стороны, сидеть сутками в Интернете тяжело (*Женщина, хранитель, 52 года*).

«Аутсайдеры» чаще всего не рассматривают возникновение Интернета в качестве важных социальных жизненных событий. При единичных его позитивных упоминаниях не прослеживается личной сопричастности.

Интернет – это свидетельство того, что мы все-таки идем в ногу с человечеством, пытаемся не отставать... Это очень хорошо (*Мужчина, аутсайдер, 52 года*).

Более того, в младшей возрастной подгруппе иногда акцентируют его негативные стороны.

...У нас не было Интернета, мобильных телефонов, спутникового телевидения. Зато у нас были настоящие друзья... Мы выходили из дома и просто находили их. Не сидели дома. Как сейчас за компьютерами сидят дети и мало между собой общаются (*Мужчина, аутсайдер, 42 года*).

Сходное отношение к возникновению Интернета присуще «негативистам» (особенно женщинам) с уклонением от оценки этого события, в том числе с апелляцией к полезности для детей (но не для себя).

Ох уж этот Интернет? У нас он позже появился (*Женщина, негативист, 46 лет*).

Интернет в России – для детей это важно, а значит, и для меня важно... (*Женщина, негативист, 51 год*).

Мужчины-«негативисты» в целом не склонны обсуждать цифровое пространство и его место в их жизни.

Таким образом, «достиженцы» и «хранители» младшей подгруппы «среднего возраста» (независимо от пола) рассматривают становление Интернета в России в качестве важного социального жизненного события, акцентируя свою личную (в том числе профессиональную) сопричастность. Более старшая подгруппа этих социально-психологических типов либо не считает это значимым событием в своей жизни, либо дополнительно отмечает его отрицательные стороны.

Последняя установка наиболее распространена среди «аутсайдеров» и «негативистов», иногда дополняемая полным негативизмом, позитивной (но генерализованной) его оценкой или аргументацией о пользе для детей.

Интернет в повседневной действительности

Мужчины, относящиеся к младшей возрастной подгруппе «среднего возраста» (всех социально-психологических типов, кроме «негативистов») в целом чаще повседневно присутствуют в цифровом пространстве, но с разными целями. Для «достиженцев» Интернет востребован в рамках профессиональной деятельности:

...Меня раздражает, что... мне приходится каждый день идти в контору. Я достаточно большую часть работы мог бы делать и дома. Через Интернет ... Когда у меня отпуск, я ложусь в 3–4 часа утра. Просыпаюсь часов в 12, сижу спокойно ночью за компьютером. Мог бы так же работать и в обычное время (*Мужчина, достиженец, 43 года*).

Для «хранителей» – это преимущественно удобное средство семейно-родственного общения:

...я общаюсь со своей двоюродной сестрой по Интернету. Письма пишем на электронной почте. Все фотографии посылаем. И она мне. И очень быстро общаемся по Интернету... Это общение между людей. И очень быстро получается (*Мужчина, хранитель, 46 лет*).

Лишь в единичных случаях содержание новостных сайтов «привязывается» к профессиональной деятельности:

...Интернет – это новостные сайты и новости, связанные с рабочей деятельностью (*Мужчина, хранитель, 42 года*).

Для «аутсайдеров» – еще один способ «бегства от реальности»:

...Я же еще в свои 46 лет – не поверите – я в Интернет играю в игрушки... (*Мужчина, аутсайдер, 46 лет*).

Мужчины, относящиеся к старшей возрастной подгруппе «среднего возраста», в особенности «достиженцы», осознают необходимость освоения Интернета в профессиональных интересах, но рационально подходя к принятию соответствующих решений, взвешивают сопутствующие выгоды/издержки:

...Все сейчас смещается в эту сторону. Это сейчас очевидная тенденция. Я не хочу отстать от жизни, надо упираться и стараться туда вылезти, иначе беда (но) Я подключил дома Интернет, но в Интернете почти круглосуточно сидит моя жена. Отрывать ее от него нехорошо. Сейчас... подключил Интернет себе сюда в офис, на ноутбук, но пока его не особенно освоил. К сожалению... (*Мужчина, достиженец, 50 лет*).

Женщины, относящиеся к младшей возрастной подгруппе «среднего возраста», реже используют Интернет (для развлечения или поиска нужной информации) в повседневной действительности, чем мужчины этого же возраста.

(*Пользуетесь ли вы Интернетом?*) Да, постоянно (*А зачем?*) Просто интересно бывает залезть, найти там какие-то моменты. Что-то интересует – и адрес тот же (*Как справочник?*) Как справочник, конечно. Адрес найти и телефон (*Женщина, аутсайдер, 48 лет*).

Женщины старшей возрастной подгруппы и «негативисты» (независимо от пола) практически не присутствуют в цифровом пространстве.

Не пользуюсь... у меня его нет (*Мужчина, негативист, 45 лет*).

Чтобы я им пользовалась – мне некогда (*Женщина, негативист, 46 лет*).

Таким образом, Интернетом в повседневной жизни активной пользуются мужчины младшей возрастной подгруппы «среднего возраста» (кроме «негативистов»). При этом «достиженцы» видят в нем возможность удаленного доступа без присутствия на рабочем месте; «хранители» – главным образом – удобный способ семейно-родственного общения, а «аутсайдеры» – дополнительные возможности развлечения.

Более старшая подгруппа «среднего возраста» (независимо от пола) не пользуется Интернетом в повседневной жизни, но декларирует важность приобщения к нему.

Женщины младшей возрастной подгруппы «среднего возраста» реже обращаются к Интернету в повседневной действительности, используя его в первую очередь как справочник.

Представители же социально-психологического типа «негативистов» не используют Интернет в повседневной жизни.

Интернет как средство массовой коммуникации

«Достиженцы»-мужчины, относящиеся к младшей возрастной подгруппе «среднего возраста», активно используют Интернет как средство получения информации. Однако с ним серьезно конкурируют более традиционные и привычные СМК (радио и телевидение). Вместе с тем именно Интернет вызывает большее доверие респондентов, его считают более объективным источником информации:

На работе у меня постоянно (радио)приемник говорит. С утра встаю – программа «Вести» по РТР, и где-то с час ее всегда смотришь, пока умываешься, бреешься, кушаешь. В принципе третье – Интернет, потому что, если что-то понадобится... (ТВ и радио) как фон. А Интернет – тут уже залезаешь, когда тебя конкретный вопрос интересует. Можно справочник посмотреть, но Интернет тебе более сжато, более конкретно доставит всю информацию. То есть пробежал страничку, может быть, пролистнул чуть-чуть – и ответ пришел на вопрос... (а доверяете?)... Все-таки Интернет, наверное... Там я конкретно задаю вопрос, он конкретно мне дает ответ. По радио слушаешь – там не поймешь: может быть, шутка... анекдот... когда какую-нибудь просто феньку пустят (*Мужчина, достиженец, 42 года*).

Последние лет несколько я черпаю информацию в основном из Интернета... Он более объективен в том смысле, что я могу найти правдоподобное описание событий... Там можно найти противоположные точки зрения на одно и то же событие. И оценить его с разных сторон. И вывести свое мнение о том или ином происшествии (*Мужчина, достиженец, 43 года*).

Мужчины-«достиженцы» старшей возрастной подгруппы «среднего возраста» также с течением времени все больше используют Интернет для получения информации.

Да... наверное, будет Интернет тоже дальше (*Мужчина, достиженец, 50 лет*).

Для женщин-«достиженцев» тоже характерным является активное использование Интернета. Отмечаются его оперативность, разнообразие информации (полифония мнений), возможность ее выбора, наконец, наличие online-версий бумажных периодических изданий.

Я, наверное, больше предпочитаю Интернет, потому что телевидение – это чье-то личное мнение, которое тебе говорят. А в Интернете ты можешь покопаться... (*Женщины, достиженцы, фокус-группа, 40–49 лет*).

В Интернете больше разнообразия мнений – есть все газеты (*Женщина, достиженец, 43 года*).

Раньше всегда выписывали журналы и газеты. Всегда лежала большая пачка. И с того момента как появился Интернет, стало больше возможностей, но зачем читать, если ты можешь открыть Интернет и все посмотреть. С одной стороны – это изменение в лучшую сторону, потому что за пять минут ты можешь все найти... Интернет для нас все... Интернет – это сама жизнь... (*Женщина, достиженец, 45 лет*).

Эта же респондентка отмечает большее доверие именно к интернету как источнику информации.

Там (в Интернете) всё быстро скидывают. Если что-то произошло, моментально там все можно узнать (*Женщины, достиженцы, фокус-группа (50–55 лет)*).

Нет лишней информации. Как по телевизору. Тебе не хочется слушать, а там говорят, говорят. Здесь нажал и смотришь то, что тебе нужно (*Женщины, достиженцы, фокус-группа (50–55 лет)*).

Для «хранителей»-мужчин предпочитаемым СМК является телевидение, содержательно практически неотличимое от Интернета. В качестве преимущества последнего отмечается только его оперативность и некоторая неартикулируемая «свобода».

(что предпочитаете?) Телевидение (*Мужчина, хранитель, 46 лет*).

...недавно племянник купил компьютер. Уже года три. В Интернет заходим, там новости смотрим. В основном политика... Интернет более свободен (*Мужчина, хранитель, 46 лет*).

...оно (содержание) везде одинаково. Желтую прессу не покупаем. Больше, конечно, новости по телевидению... Преимущественно все новости по телевидению узнаешь. Строишь, слушаешь. Более массовая информация. И доверяешь больше, хотя, с другой стороны, в Интернете, там то же самое. Источник тот же самый. На что ссылаются даже... (но)... в Интернете иногда быстрее узнаешь, чем по телевидению (*Мужчина, хранитель, 51 год*).

Для «хранителей»-женщин, как и для мужчин, конкурентами Интернета являются радио и телевидение. Вместе с тем их отличительной чертой является изучение новостного контента с помощью цифровых версий бумажных СМК в рабочее время:

Телевизор и радио у меня вообще не выключается, только на ночь. Интернет (*Женщины, хранители, фокус-группа, 40–49 лет*).

В последнее время компьютер (*Женщины, хранители, фокус-группа (40–49 лет)*).

...Приходишь на работу, включаешь компьютер и видишь все новости (*Женщины, хранители, фокус-группа, 40–49 лет*).

Значит, Интернет – процентов 99. В частности, это связано еще с тем, что многие печатные издания есть в Интернете. Кроме того, время ограничено – ты посидел в Интернете и вроде как все знаешь, и ты можешь там выбирать, что читать. Среди печатных СМИ на самом деле меньше выбор... (*Женщина, хранитель, 45 лет*).

Предпочитаю Интернет... потому что он всегда под рукой... Все, что тебе надо, всегда можно найти (и быстро) (*Женщина, хранитель, 53 года*).

Я больше читаю Интернет, чем газеты. Во-первых, у меня на работе есть время, во-вторых, я сижу перед экраном, мне это удобно, и времени не занимает дома. Я все читаю в Интернете (*А что вы читаете?*) Во-первых, новости все я читаю в Интернете, светскую жизнь... (*Женщины, хранители, фокус-группа, 50–55 лет*).

У «аутсайдеров» (независимо от пола и возрастной подгруппы) Интернет преимущественно проигрывает традиционным СМК (особенно телевидению) как по частоте использования, так и по доверию к транслируемой информации.

Интернета у нас нет. Сейчас, говорят, в Интернет залезешь, и там все-все. У нас нет дома Интернета, у нас телевизор и все (*Мужчина, аутсайдер, 53 года*).

Люблю новости смотреть. Что еще? Телевизор. Интернет. Вот этими двумя в основном (*Мужчина, аутсайдер, 42 года*).

...сейчас на первом месте Интернет... (А по доверию?) Наверное, все-таки радиоприемник... какой-то фильтр есть. Телевидение – там новостные передачи фильтруются. А в Интернете, туда можно бросить все, что угодно (*Мужчина, аутсайдер, 46 лет*).

Доверия полного у меня нет ни к печатным СМИ, ни к радио, ни к телевидению. Интернет – это вообще... Это идет совершенно непроверенная информация (*Женщина, аутсайдер, 48 лет*).

Таким образом, «достиженцы» являются наиболее активными пользователями Интернета (применительно к старшей возрастной подгруппе это менее выражено). Именно они наиболее развернуто аргументируют его преимущества (в сравнении с ближайшими конкурентами – радио и ТВ): оперативность предоставления информации; разнообразие приводимых точек зрения; интерактивность (возможность управлять воспринимаемой информацией), наконец – наличие online-версий традиционных СМК. Именно Интернет у них пользуется наибольшим доверием.

По мнению «хранителей», Интернет, как носитель информации, большей частью уступает традиционным конкурентам (прежде всего – телевидению) как по объему использования, так и по доверию. В качестве его преимуществ отмечаются оперативность информации и наличие цифровых версий традиционных СМК. Отличительной чертой женщин-«хранителей» является «погружение» в цифровое пространство для знакомства с новостями (в том числе светской жизни) с компьютера по месту работы.

В глазах «аутсайдеров» Интернет тоже проигрывает (вплоть до отказа его использования) конкуренцию телевидению и по объему использования, и по доверию («отсутствию фильтров»). Не исключено, что меньшее доверие интернет-информации может быть связано, с одной стороны, с недостаточными навыками ориентации в цифровом пространстве; а с другой стороны – с меньшей готовно-

стью сравнивать различные мнения, сталкиваясь с их «полифонией» и/или «открытостью новому опыту», по Г. Хоффстеде [6].

«Негативисты», как отмечалось выше, практически не используют Интернет в качестве источника информации.

Интернет как элемент потребительского поведения

Помимо использования Интернета в качестве источника информации о политической, социально-экономической и т. д. жизни он достаточно активно используется нашими респондентами «среднего возраста» для выбора и покупки различных товаров и услуг.

Попытаемся охарактеризовать два основных способа использования Интернета для этих целей.

Поиск в Интернете информации о различных товарах и услугах (включая использование социальных сетей и/или блогов) для обоснования принятия решения о покупке.

При этом наибольшая вовлеченность в цифровое пространство, навыки его использования и сравнительно-аналитический подход характерны для «достиженцев» (независимо от пола и возрастной подгруппы) применительно к широкому спектру товаров и услуг (но прежде всего – бытовой техники). В единичных случаях собранная информация дополняется мнением «значимых других».

...Информацию о технике беру в Интернете. В Интернете очень много сейчас информации... (*Женщины, достиженцы, фокус-группа 40–49 лет*).

(получение информации о банковских, юридических, страховых услугах?) Через специализированные ресурсы в Интернете (*Женщина, достиженец, 48 лет*).

Всегда цену смотрим по Интернету...; Характеристики бытовой техники в Интернете смотрим; Отзывы в Интернете тоже важно читать (*Женщины, достиженцы, фокус-группа, 50–55 лет*).

По всякой технике я сперва советуюсь со знакомыми. Кто что порекомендует. А так, в Интернет залезаю и смотрю по параметрам, по техническим характеристикам (*Мужчины, достиженцы, фокус-группа, 40–49 лет*).

В основном беру всю информацию из Интернета... не потому, что он для меня авторитет. А потому, что я могу – рука набита – извлечь

любую информацию по любой тематике. И уже рассмотреть ее и вынести свое суждение... когда понадобилось жене сделать томографию, я залез в Интернет, выбрал несколько поликлиник, которые занимаются этим. Посмотрел отзывы. По каждой услуге в блогах можно найти, кто ими уже пользовался. Почитал, подумал, сравнил цены. Посмотрел, кто работает в этих институтах. И выбрал.... *(Мужчина, достиженец, 43 года)*.

Часть «хранителей» (и мужчин и женщин, различных возрастных подгрупп) тоже используют этот способ работы с Интернетом применительно к достаточно широкому спектру товаров и услуг (бытовая техника, медицинские услуги, туристические, банковские и страховые услуги). При этом встречаются единичные упоминания конкурентных средств массовой коммуникации (ТВ и радио) с упоминанием ограниченности предоставляемой ими информации и ее убеждающего характера.

Медицинские услуги – это или телевидение, или Интернет. Но момент такой – поскольку медицинские услуги достаточно специализированные, хотелось бы получить больше информации, и ее, как правило, ищешь через Интернет *(Мужчина, хранитель, 42 года)*.

Бытовую технику ищу через Интернет. Как правило, та реклама, которая на радио и телевидении, говорит: купи, купи, – и не отражает характеристик самого оборудования. Чтобы что-нибудь купить, через Интернет находишь описание, сопоставление, плюсы и минусы *(Мужчина, хранитель, 42 года)*.

...Бытовую технику выбираю по Интернету в основном... больше информации там... в газете ты не получишь столько информации... И описание товара, и на каком-то форуме – хорошая вещь, не хорошая *(Мужчина, хранитель, 51 год)*.

(получение информации о медицинских и банковских услугах) *По телевидению, или по Интернету (Мужчина, хранитель, 51 год)*.

По страховым компаниям есть информация в Интернете. Залезть и посмотреть *(Мужчины, хранители, фокус-группа, 50–55 лет)*.

(выбор страховой/туристической компании) ...Для меня первое – это Интернет. Я сажусь в Интернет и изучаю рынок страховых услуг. Смотрю на рейтинги страховых компаний...; Выбор туркомпании в Интернете. И поскольку у меня детей много, я стараюсь смотреть, где более дешевые услуги. Разброс цен необыкновенно большой; ... такой информации в Интернете очень много. Просто надо посещать

форумы; Я тоже всю информацию смотрю в Интернете – там все есть – и какая природа, и какой отель, и какие комнаты. Там все есть. И фотографии; Есть уже отзывы тех, кто уже отдохнул (*Женщины, хранители, фокус-группа, 40–49 лет*).

Вместе с тем женщины-«хранители» старшей возрастной подгруппы «среднего возраста» неоднократно отмечают, что в их семьях отмеченную информацию о товарах и услугах в Интернете собирают не они, а члены их семей (мужья и дети). Можно предположить, что при понимании важности Интернета как источника маркетинговой информации они не владеют необходимыми навыками для осуществления ее самостоятельного поиска.

(А Интернет?)... У меня нет доступа... (дочь) сидит там сутками... муж туда заходит... много там всяких его хобби... (информация о бытовой технике?)... (в Интернете, но) этим занимаются (дочь) и муж (*Женщина, хранитель, 52 года*).

Сын меняет машину, и мы обсуждаем это: тебе нравится вот это, нравится вот это... Мы сейчас с ним в процессе выбора. Я, конечно, мало что могу внести. Скачает из Интернета: нравится тебе это – нравится. И мы с ним выбираем»; (пользование Интернетом?)... Только сын (*Женщины, хранители, фокус-группа, 50–55 лет*).

Среди «аутсайдеров» (преимущественно младшей возрастной подгруппы, как мужчин, так и женщин, использование Интернета (включая социальные сети) как источника маркетинговой информации встречается реже (в том числе из-за недоверия) и перепроверяется «на живых людях» или по телефону.

(информация о новой бытовой технике?)... Искать информацию в Интернете. Форумы пользователей. Взвешиваю все «за» и «против». И делаю выводы. (А услуги – банковские, юридические?) Тоже форумы, тоже информация в Интернете. Ходить, узнавать в каждой организации – на это времени не хватит. А тут – открыл, посмотрел (*Мужчина, аутсайдер, 42 года*).

(получение достоверной информации?) ...можно в книге почерпнуть. В научном журнале. Но не в Интернете. Там я не очень доверяю... (выбор страховой компании?) Я бы обзвонила компании сначала. Залезла бы в Интернет. Посмотрела бы, что у нас есть на этом рынке в Интернете. Взяла бы оттуда информацию – телефоны, адреса. Обзвонила бы. Какие договора, что... (*Женщина, аутсайдер, 48 лет*).

Информацию о бытовой технике в Интернете, разумеется, я ищу, если мне что-то конкретно нужно, но обязательно перепроверяю на живых людях – по возможности, если кто-то этим пользовался, кто-то это знает (*Мужчина, аутсайдер, 52 года*).

Покупки через интернет-магазины.

Вновь «достиженцы» в целом демонстрируют более выраженную активность при совершении покупок on-line (мелкой бытовой техники, турпоездки, бронирование отеля, билетов на концерты, платных медицинских услуг...), но только в младшей возрастной подгруппе.

Сейчас отель через Интернет можно любой забронировать... (*Мужчины, достиженцы, фокус-группа, 40–49 лет*).

И через Интернет мы покупали все – и фены и выпрямитель для волос и чего только не было. Это очень удобно и гораздо дешевле, чем в магазине; Технику можно дистанционно покупать. Я технику много раз покупала через Интернет и это очень удобно; В Интернете заказывала видеокамеру. И все хорошо – не обманывают; Ноутбук мы взяли по Интернет-магазину (*Женщины, достиженцы, фокус-группа, 40–49 лет*).

...когда понадобилось жене сделать томографию, я «залез» в Интернет, выбрал несколько поликлиник, которые занимаются этим. Посмотрел отзывы. По каждой услуге в блогах можно найти, кто ими уже пользовался. Почитал, подумал, сравнил цены. Посмотрел, кто работает в этих институтах. И выбрал... (*Мужчина, достиженец, 43 года*).

У «хранителей» опыт совершения покупок on-line присущ тоже преимущественно младшей возрастной подгруппе «среднего возраста».

...единственная вещь, которую я недавно приобрел, это беспроводной телефон по Интернету... Зашел – там... написал, какой телефон мне нужен. Там высветились магазины. И все прочее... смотрел по этим магазинам, выбирал (*Мужчина, хранитель, 46 лет*).

Моя бывшая супруга попросила меня с ней съездить и приобрести ей осеннее пальто. Мы объездили пол-Москвы и не могли ничего найти – либо по качеству не подходит, либо качество хорошее, но цена! ...А если подходит по цене, то такое барахло!.. Она сидит целыми днями в Интернете и говорит: я нашла в Интернете магазин. Давай

сездим. Это интернет-магазин, и они доставляют на дом товар. Она говорит, что мне надо пощупать материал...Мы поехали в этот магазин. И с первого захода все совпало и цена и качество (*Мужчины, хранители, фокус-группа, 40–49 лет*).

Интернет для нас всё. Даже турпоездки мы заказываем через Интернет (*Женщина, хранитель, 45 лет*).

Постоянно делаю покупки через интернет-магазин (*Мужчины, хранители, фокус-группа, 40–49 лет*).

Выбор туркомпании по большей части от знакомых. И потом Интернет. Но это уже идет как добавка. По Интернету отель заказываешь, иногда билет на самолет. Но это гораздо проще (*Женщины, хранители, фокус-группа 40–49 лет*).

В то же время женщины-«хранители» старшей возрастной подгруппы «среднего возраста» неоднократно говорят о том, что покупки через Интернет совершают их дети (см. выше использование Интернета при принятии решения о покупке). Они же лишь включены в обсуждение выбора различных вариантов товара/услуги.

Бытовую технику покупаем в Интернете. Этим занимаются (дочь) и муж. И покупаем мы все в Интернете, потому что выгодно. Это изучили и купили дешевле гораздо (*Женщина, хранитель, 52 года*).

Об этом же упоминают «хранители»-мужчины:

(использование банковских кредитов)... когда дочь заказывала окна, просто по Интернету посмотрели, где дают кредит именно на окна. И какой процент. Вполне устроило. И мы этим банком почти довольны. Дочь почти выплатила кредит. И получила карту (*Мужчины, хранители, фокус-группа 50–55 лет*).

Исключение составляют покупки в условиях дефицита времени и носящие символический характер:

...Обычно что по Интернету покупаешь? То, что в подарок нужно, о чем в последнюю секунду вспомнила: ах, – и бегом-бегом (*Женщина, хранитель, 53 года*).

У «аутсайдеров» и «негативистов» нет личного опыта покупок через Интернет.

Таким образом, использование Интернета в качестве источника маркетинговой информации в процессе формирования решения о покупке более распространено. К нему прибегают «достиженцы», «хранители» и «аутсайдеры». При этом «достиженцы» обращаются к Интернету наиболее часто (практически независимо от пола и возрастной подгруппы), иногда дополняя его «сарафанным радио» друзей и знакомых. Для «хранителей» таким дополнительным источником информации выступают радио и телевидение (несмотря на меньшую информативность и убеждающий характер коммуникации). При этом женщины-«хранители» старшей возрастной подгруппы нередко исключены из интернет-поиска информации и ограничиваются ролью участника обсуждения вариантов покупки товара/услуги.

Наличие личного опыта online-покупок выявлено только у «достиженцев» и «хранителей», причем преимущественно младшей возрастной подгруппы (40–49 лет). Причем у представителей обоих социально-психологических типов встречаются ситуации покупок женских товаров, совершаемых супругами совместно, т. е. женщины, реализуя этот инновационный тип покупательского поведения, чувствуют себя менее уверенно. Представители старшей возрастной подгруппы (независимо от пола) вновь ограничиваются ролью «консультанта».

Выводы

Итак, возвращаясь к «поколенческому подходу», отметим значительную, растущую и культурально варьирующую долю представителей «поколения X», пользующихся Интернетом (напомним, что авторские качественные данные получены в 2008–2009 гг. С тех пор самые разные измерители отмечают неуклонное повышение доли россиян – пользователей Интернета, включая старшие возрастные группы).

Более того, с использованием качественных данных была показана специфика пребывания в цифровом пространстве москвичей «среднего возраста» в зависимости от субвозрастной категории, гендера и принадлежности к социально-психологическому типу идентичности.

Так, «достиженцы» являются наиболее активными пользователями Интернета. Для них нередко Интернет – основное средство получения информации. Однако с ним серьезно конкурируют более традиционные и привычные СМК (радио и телевидение). Вместе с тем именно Интернет вызывает большее доверие респондентов,

выше оценивается его объективность. Женщины-«достиженцы» отмечают его оперативность, разнообразие информации (полифония мнений), возможность ее выбора, наконец, наличие online-версий бумажных периодических изданий.

Представители младшей возрастной подгруппы (независимо от пола) считают возникновение Интернета значимым социальным жизненным событием. Они чаще обращаются к Интернету в повседневной жизни, включая его использование для решения профессиональных задач (женщины – несколько реже и для развлечения, поиска нужной информации).

Кроме того, Интернет активно используется «достиженцами» (независимо от пола и возрастной подгруппы) в качестве элемента потребительского поведения.

При обосновании решения о покупке они демонстрируют наибольшую вовлеченность в цифровое пространство, навыки его использования и сравнительно-аналитический подход применительно к широкому спектру товаров и услуг (но прежде всего – бытовой техники). В единичных случаях собранная информация дополняется мнением «значимых других».

При совершении покупок on-line (мелкой бытовой техники, турпутевок, бронировании отеля, билетов на концерты, оплате медицинских услуг...) эта же группа в целом демонстрирует более выраженную активность.

«Хранители» занимают второе место по активности использования Интернета. Их представители младшей подгруппы (независимо от пола) тоже рассматривают становление Интернета в России в качестве важного социального жизненного события. Однако в повседневной жизни Интернет для них – это преимущественно удобное средство семейно-родственного общения.

Для «хранителей»-мужчин предпочтительным СМК является телевидение, содержательно практически не отличающееся от Интернета. В качестве преимущества последнего отмечается только его оперативность и некоторая «свобода». Для «хранителей»-женщин конкурентом Интернета помимо телевидения является радио. Только женщины этого типа обращаются в цифровом пространстве к новостному контенту (online-версиям бумажных СМК) в рабочее время.

Принимая решения о покупке товара/услуги часть «хранителей» (и мужчин, и женщин различных возрастных подгрупп) обращаются к Интернету применительно к достаточно широкому спектру товаров и услуг (бытовая техника, медицинские услуги, туристические, банковские и страховые услуги). При этом встре-

чаются единичные упоминания конкурентных средств массовой коммуникации (ТВ и радио) с упоминанием ограниченности предоставляемой ими информации и ее убеждающего характера. Женщины-«хранители» (реже – мужчины) старшей возрастной подгруппы ограничиваются ролью «консультантов», включаясь в обсуждение выбора различных вариантов покупки

Непосредственно же совершение покупок через Интернет характерно преимущественно младшей возрастной подгруппе «хранителей».

Для «аутсайдеров» возникновение Интернета обычно не считается важным социальным жизненным событием. При единичных его позитивных упоминаниях не прослеживается их личной сопричастности. Более того, в младшей возрастной подгруппе иногда акцентируют его негативные стороны.

Тем не менее они также пользуются Интернетом в повседневной жизни, используя его как способ «бегства от реальности». У «аутсайдеров» (независимо от пола и возрастной подгруппы) Интернет преимущественно проигрывает традиционному СМК (особенно телевидению) как по частоте использования, так и по доверию к транслируемой информации.

Использование Интернета (включая социальные сети) в качестве элемента потребительского поведения среди них (преимущественно в младшей возрастной подгруппе независимо от пола) встречается реже (в том числе из-за недоверия) и перепроверяется «на живых людях» или по телефону. Опыт покупок через Интернет у них отсутствует.

«Негативисты» в целом не являются пользователями Интернета.

Если рассматривать пользование Интернетом различными возрастными подгруппами (40–49 и 50–55 лет) россиян «среднего возраста», то в целом обращает на себя внимание более активное включение в виртуальное пространство представителей младшей возрастной подгруппы. Старшая подгруппа «среднего возраста» (независимо от пола) почти не пользуется Интернетом в повседневной жизни, но декларирует важность приобщения к нему.

Для мужчин-«достиженцев» старшей возрастной подгруппы появление Интернета в России не является важным социальным событием, хотя они осознают необходимость освоения Интернета в профессиональных интересах, рационально подходя к принятию соответствующих решений, взвешивают сопутствующие выгоды/издержки.

Женщины-«хранители» старшей возрастной подгруппы переверяют сбор информации о товарах и услугах в Интернете членам семьи (детям и/или мужьям).

Если рассматривать *гендерные особенности пользования Интернетом*, то обращает на себя внимание тот факт, что мужчины более активны в освоении виртуального пространства. Женщины старшей возрастной подгруппы (кроме «достиженцев») нередко в целом делегируют пользование Интернетом другим членам семьи. А женщины-«хранители» этого возраста наряду с важностью и преимуществами Интернета сетуют на избыточные временные затраты, связанные с его использованием.

Таким образом, показана уязвимость положений «поколенческого подхода», выделяющего социально-психологически однородные и культурально универсальные «поколения» с шагом в двадцать лет. В частности, на примере использования цифрового пространства представителями «среднего возраста» выявлены временная динамика этого показателя, зависимость его различных аспектов от субвозрастных и гендерных параметров москвичей, а также от типа их эгоидентичности.

Заключение

В заключение отметим, что динамика вовлеченности в цифровое пространство в целом (и проникновение Интернета в частности) выше в странах Запада. В России трендсеттерами (trendsetters) в этом отношении являются жители крупных мегаполисов (прежде всего Москвы). Но есть, по меньшей мере, два обстоятельства, которые необходимо учитывать. Во-первых, москвичи, относимые нами в младшей возрастной подгруппе «среднего возраста», сегодня уже перешли в старшую, вряд ли покинув цифровое пространство. Во-вторых, Интернет (в том числе за счет специальных усилий, предпринимаемых государством) всё больше охватывает различные города и регионы России. Однако этот процесс нуждается в специальном исследовании.

Литература

1. Петрушихина Е.Б., Солодникова И.В., Солодников В.В., Седова О.Л., Загоруйко А.В., Дорожнев А.Н., Смирнова Т.Ю. Поколенческий подход в гуманитарных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 4 (6). С. 139–150.
2. Проникновение Интернета в России: итоги 2017 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/

- Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017–2018.pdf (дата обращения 21 августа 2018).
3. *Tobin J.* Internet Usage by Age, Gender, Race and More // *Social media stats*. November 4. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ignitesocialmedia.com/social-media-stats/internet-usage-by-age-gender-race/> (дата обращения 21 августа 2018).
 4. *Marcia J.E.* Ego-identity status: relationship to change in self-esteem, “general maladjustment”, and authoritarianism // *Social encounters: contributions to social interactions* / Ed. by M. Argyle. NY: Routledge, 1973. P. 340–354.
 5. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* «Средний возраст» и жизненный путь личности. М.: РГГУ, 2018. 459 с.
 6. *Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р.* Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // *Социологический журнал*. 2010. № 4. С. 9–41.

References

1. Petrushihina EB, Solodnikova IV., Solodnikov VV., Sedova OL., Zagorul’ko AV., Dorozhevec AN., Smirnova TU. The Generation Approach in the Humanities. RSUH/RGGU Bulletin. Series “Psychology. Pedagogic. Education”. 2016; 4(6):139-50 (In Russ.)
2. Internet penetration in Russia. The results of 2017 [Internet]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018 (data obrashcheniya 21 Aug. 2018). (In Russ.)
3. Tobin J. Internet Usage by Age, Gender, Race and More. *Social media stats*. November 4. 2007 [Internet]. URL: <https://www.ignitesocialmedia.com/social-media-stats/internet-usage-by-age-gender-race/> (data obrashcheniya 21 Aug. 2018).
4. Marcia JE. Ego-identity status: relationship to change in self-esteem, “general maladjustment”, and authoritarianism. *Social encounters: contributions to social interactions*. Ed. by M. Argyle. N.Y.: Routledge, 1973. P. 340-54.
5. Solodnikov VV., Solodnikova IV. “Middle age” and personality’s life-span. Moscow: RSUH/RGGU Publ.; 2018. 459 p. (In Russ.)
6. Hofstede G., McCrae RR. Returning to the discussion of the personality of culture. Relationship of personality traits and cultural axes. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2010;4:9-41. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир В. Солодников, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; solodnikovv@mail.ru

Ирина В. Солодникова, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 14a20ivs@mail.ru

Information about the authors

Vladimir V. Solodnikov, Dr. in Sociology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; solodnikovv@mail.ru

Irina V. Solodnikova, Dr. in Sociology, assistant professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; 14a20ivs@mail.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.922.8

Развитие субъектности современных подростков

Дарья П. Ткаченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется характер становления субъектности современных подростков в условиях транзитивности и противоречий, возникающих в процессе социализации. Рассматриваются основные критерии и регулятивные компоненты субъектности. Предлагается изучение эмоционального интеллекта как регулятивного компонента социализации и становления субъектности в подростковом возрасте. Выдвигаются предположения о возможных вариантах проявления эмоционального интеллекта в разные периоды социализации. Анализируются результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с другими аспектами социализации подростков кризисной и стабильной когорт. Описываются взаимосвязи эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у этих двух групп. Делаются выводы об успешности социальной адаптации на фоне разных проявлений эмоционального интеллекта. По итогам сравнения результатов дается заключение о характере изменений эмоционального интеллекта и его значения в становлении субъектности и процессе социализации современных подростков в транзитивном социуме.

Ключевые слова: подростки, социализация, кризис, транзитивность, современное общество, субъектность, эмоциональный интеллект

Для цитирования: Ткаченко Д.П. Развитие субъектности современных подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 138–144.

Development of subjectivity in modern teenagers

Darya P. Tkachenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bigbro-littlebro@yandex.ru*

Abstract. The character of the subjectivity formation in modern teenagers under the conditions of transitivity and contradictions arising in the process of socialization is investigated. The main criteria and regulatory components of subjectivity are considered. The study of emotional intelligence is proposed as a regulatory component for the socialization and formation of the subjectivity in adolescence. The author puts forward some assumptions about possible variants of the emotional intelligence manifestation in different periods of socialization. The article analyzes results of the study of the relationship of emotional intelligence with other aspects of socialization from the crisis and stable cohorts of adolescents. It describes the interrelations of emotional intelligence with the peculiarities of social adaptation in those two groups. Conclusions are made about the success of social adaptation against the background of different manifestations of emotional intelligence. Up to the results of the comparison, the deduction is given about the nature of changes in emotional intelligence and its importance in the subjectivity formation and in the process of socialization among modern adolescents in a transitive society.

Keywords: adolescents, socialization, crisis, transitivity, modern society, subjectivity, emotional intelligence

For citation: Tkachenko DP. Development of subjectivity in modern teenagers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:138-44.

В период транзитивности общества характер социализации подростков неоднозначен ввиду того что успешная социализированность в одной группе может сочетаться с несоциализированностью в других [1]. Это связано с разнообразием выборов и ценностных систем, наличием противоречий между традиционными и индивидуальными моделями социализации [2], а также усилением разрыва между разными поколениями и возрастными когортами [3].

В связи с этим становление субъектности современных подростков прежде всего происходит через развитие самостоятельности, способности к принятию ответственности и самоопределению в транзитивном социуме. Это требует согласования различных уровней его организации и поддержания целостности посредством развития самопроизвольности и контроля поведения. В этом ключе, способность к эмоциональной регуляции рассматривается как один из ключевых компонентов регуляции поведения [4]. Показано, что эмоциональный интеллект качественно различается у представителей разных субкультур в рамках одной возрастной группы [5], следовательно, он является гибким регулятивным компонентом становления субъектности и социализации в период транзитивности социума.

Исходя из этого, *цель* нашего исследования – анализ изменений в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков в период транзитивности социума. *Объектом* исследования выступают различия, возникающие в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков. *Предметом* исследования является взаимосвязь эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у подростков Стабильной и Кризисной когорт. Мы выдвинули *гипотезу* о том, что характер эмоционального интеллекта будет различаться в разные периоды (стабильности или кризиса) социализации подростков. Будет наблюдаться успешность социально-психологической адаптации на фоне сдвига эмоционального интеллекта Кризисной когорты подростков на регуляцию внутриличностных процессов (понимания и управления своими эмоциями).

Выборка

В исследовании приняли участие 251 респондент: студенты первого курса Гуманитарного колледжа РГГУ в возрасте от 15 до 18 лет – 198 девушек и 53 юноши. Проведено три забора данных среди первокурсников в 2013/14, 2014/15 и 2016/17 учебных годах. Респонденты в период исследования обучались на первом семестре первого курса, следовательно, пребывали на пике групповой социализации и адаптации к новым условиям учебно-профессиональной среды. Выборка была разделена на три когорты по годам поступления с учетом социально-экономических процессов, происходивших в России на протяжении 4-х лет нашего исследования, – с 2013 по 2017 год: 2013/14 учебный год – Стабильная, 2014/15 – Переходная, 2016/17 – Кризисная (Ткаченко, 2017).

Методики

Для оценки представлений подростков о своей социальной адаптированности и эмоциональном интеллекте мы использовали набор методик:

- «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированная А.К. Осницким [6];
- опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн» Д.В. Люсина [7];
- видеотест Д.В. Люсина и В.В. Овсянниковой [8].

Полученные результаты подвергли математико-статистической обработке посредством пакета программ STATISTICA 10. Выявление взаимосвязей между показателями при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Выводы

Основные результаты, полученные при сравнении трех когорт [9], позволили сделать вывод об изменении облика и траектории социализации Кризисной когорты подростков на фоне социально-экономического кризиса российского общества в 2014–2015 годах. Таким образом, мы можем рассматривать данные Кризисной когорты отдельно от двух других.

В результате анализа обнаруженных взаимосвязей между показателями социально-психологической адаптации и компонентами эмоционального интеллекта у подростков Кризисной и Стабильной когорт мы можем говорить о следующих изменениях эмоционального интеллекта.

1. Подростки Стабильной когорты позитивно воспринимают себя и других на фоне способности идентифицировать и управлять эмоциональными состояниями окружающих. В то время как подросткам Кризисной когорты важно понимать и управлять состояниями как окружающих, так и своими собственными для позитивного отношения к себе и другим.

2. При этом подростки Стабильной когорты более ориентированы на управление собственными эмоциональными состояниями, что позволяет поддерживать эмоциональное благополучие и готовность брать на себя ответственность. Представители же Кризисной когорты обеспечивают это за счет способности понимать и влиять на переживания окружающих.

3. У подростков Кризисной когорты не выявлено взаимосвязи эмоционального интеллекта и стремления к лидерству. При этом показано, что более зависимые от окружающих подростки в недостаточной мере регулируют свои эмоциональные состояния. В то время как стремящиеся к доминированию и лидерству подростки Стабильной когорты высоко оценивают свою способность к пониманию и управлению эмоциями других людей.

4. Высокая чувствительность к эмоциям отрицательной валентности окружающих у подростков Кризисной когорты сопряжена со склонностью к неприятию других, в то время как у представителей Стабильной когорты она связана с высокой зависимостью от мнения и оценок социального окружения.

Таким образом, наши предположения об изменениях характера и значимости эмоционального интеллекта в становлении субъектности подростков в ходе социализации подтвердились.

Заключение

Эмоциональный интеллект способствует становлению субъектности и эффективной социализации подростков в транзитивном социуме за счет сдвига в сторону баланса между внутриличностными и межличностными процессами. Представители Кризисной когорты менее склонны к лидерству, а их зависимость от социального окружения связана с низкой чувствительностью и слабой регуляцией своих переживаний. При этом позитивное отношение к себе и окружающим возможно при развитой способности к пониманию и управлению эмоциями других. В то время как негативная оценка себя и окружающих возникает на фоне низкой чувствительности к внутриличностным процессам. Им для достижения психологического благополучия и развития ответственности за свои действия важно проявлять чувствительность к эмоциональным состояниям окружающих и влиять на них, тогда как низкая чувствительность и слабая регуляция собственных состояний связана с эмоциональным дискомфортом и экстернальным локусом контроля. Таким образом, ориентированность на внутриличностные процессы способствует становлению субъектности в плане развития автономности, самопроизвольности и личной ответственности у подростков, чей пик социализации приходится на транзитивные периоды развития общества.

Литература

1. *Гусельцева М.С.* Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2016. № 9 (50). С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.09.2018).
2. *Дубовская Е.М.* Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2014. № 7 (36). С. 7. <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.09.2018).
3. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
4. *Сергиенко Е.А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2012. № 5 (24). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.09.2018).
5. *Изотова Е.И., Максимова Е.Б.* Психологические и психофизиологические аспекты исследования эмоционального интеллекта в подростковом и юношеском возрастах // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2016. № 9 (46). С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.09.2018).
6. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
7. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
8. *Люсин Д.В., Овсянникова В.В.* Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 82–94.
9. *Ткаченко Д.П.* Новый вектор в траектории социализации современных подростков в контексте социально-экономического кризиса российского общества // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2017. № 10 (55). С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15.09.2018).

References

1. Gusel'tseva MS. Theoretical and methodological foundations for the harmonization in the processes of the socialization, individualization and identity of the personality under the conditions of transitive society. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2016;9(50):6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15 Sept. 2018). (In Russ.)
2. Dubovskaya EM. Society transitivity as a factor of personality socialization. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2014;7(36):7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15 Sept. 2018). (In Russ.)

3. Marcinkovskaya TD., Poleva NS. Generations of the transitivity era. Values, identity, communication. *Mir psilogii*. 2017;1:24-37. (In Russ.)
4. Sergienko EA. Principles of the development psychology. Modern view. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2012;5(24):1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15 Sept. 2018). (In Russ.)
5. Izotova EI., Maksimova EB. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2016;9(46):7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15 Sept. 2018). (In Russ.)
6. Osnitskii AK. Definition of characteristics of social adaptation. *Psikhologiya i shkola*. 2004;1:43-56. (In Russ.)
7. Lyusin DV. The questionnaire on emotional intelligence Em In. New psychometric data. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniyam*. Ed. by DV. Lyusin, DV. Ushakov. M.: Institut psikhologii RAN, 2009. P. 264-78. (In Russ.)
8. Lyusin DV., Ovsyannikova VV. Measurement of ability to recognition of emotions by video test. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2013;34(6):82-94. (In Russ.)
9. Tkachenko DP. New vector in a trajectory of socialization of modern teenagers in the context of social and economic crisis of the Russian society. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2017;10(55):10. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 15 Sept. 2018). (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья П. Ткаченко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bigbro-littlebro@yandex.ru

Information about the author

Darya P. Tkachenko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; bigbro-littlebro@yandex.ru

Некоторые аспекты идентичности современного подростка

Анастасия А. Колда

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; школа № 843, Москва, Россия,
dalokanastasia@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного на двух выборках подростков – жителях Москвы и Симферополя. Описываются различия в образе Я, территориальной и социальной идентичности у респондентов в зависимости от места проживания. Дается сравнительный анализ таких показателей образа Я, как эмоциональное отношение к себе в разные временные периоды, дифференцированность собственного образа, представленность объективных и субъективных характеристик. Проводится сравнение критериев успешности у подростков из разных городов, а также уровней удовлетворенности местом проживания и привязанности к месту проживания.

Ключевые слова: подростковый возраст, идентичность, территориальная идентичность, социальная идентичность, образ Я

Для цитирования: Колда А.А. Некоторые аспекты идентичности современного подростка // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 145–162.

Some aspects of the modern teenager identity

Anastasiya A. Kolda

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
school № 843, Moscow, Russia, dalokanastasia@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of a study conducted on two samples of adolescents – residents of Moscow and Simferopol. It describes the differences in self-image, territorial and social identity among respondents, depending on the place of residence. The author gives a comparative analysis of such indicators of the self-image, as an emotional attitude towards oneself in different time periods, the differentiation of one's own image, the representation of objective and subjective characteristics. A comparison is made of success criteria for adolescents from different cities, as well as levels of satisfaction with the place of residence and attachment to the place of residence.

Keywords: adolescence, identity, territorial identity, social identity, self-image

For citation: Kolda AA. Some aspects of the modern teenager identity. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;4:145-62.

Введение

Проблема идентичности на данный момент становится одним из главных дискурсов не только в науке, но и в повседневности. Основной мотив, который затрагивается авторами, пишущими о влиянии современности на идентичность, – это глобализация [1]. Современные социокультурные трансформации тесно связаны с транзитивностью общества, к определению которого существует множество подходов. Вслед за Т.Д. Марцинковской мы рассматриваем ее как характеристику новых социально-экономических отношений, в которой понятие изменчивости становится константой [2].

Несомненно, особенно сильно изменения в социальной и культурной среде затрагивают подростков и молодежь. Современное транзитивное общество ставит перед подростками более сложные задачи взросления. Нестабильность социальной ситуации требует от них как можно раньше определить собственные личностные

и профессиональные ориентиры, т. е. сформировать представления о будущем. Успешность прогнозирования собственной новой идентичности определяет успешность прохождения кризиса юности [3].

Исследование идентичности современных подростков представляется актуальным также в связи с тем, что они являются непосредственными носителями нового типа мышления и восприятия, репрезентантами происходящих в социуме изменений. С этой точки зрения можно рассматривать подростковый возраст как индивидуальную онтогенетическую модель транзитивности.

Выборка

В данном исследовании мы рассматриваем различия в образе Я, социальной и территориальной идентичности в зависимости от места проживания (города). В исследовании приняло участие 150 подростков – 80 из Симферополя и 70 из Москвы – в возрасте от 14 до 16 лет.

Методики и методы исследования

В исследовании использовалось пять методик, направленных на изучение идентичности подростков и их образа Я, а также методика «Big Five» для выявления личностных особенностей респондентов. По результатам опроса был получен большой массив данных, касающихся различных сторон идентичности современного подростка. Ниже представлено описание использованных методик, а также процедура их интерпретации.

1. Методика «Социальное пространство» Г.Р. Хузеевой (лаборатория психологии подростка ПИ РАО) [4].

В данной методике респондентам предлагалось определить свое отношение к различным аспектам социального пространства и областям действительности. В нашей работе мы сосредоточились на таких аспектах, как место проживания и обучения, а также социальное окружение.

2. Методика «Структура социальной идентичности» Г.Р. Хузеевой (лаборатория психологии подростка ПИ РАО) [4].

Методика направлена на выявление структуры социальной идентичности. Респондентам предлагалось проранжировать по степени значимости десять утверждений, касающихся разных сторон социальной жизни индивида (семья, друзья, хобби, более широкое

пространство – город, страна, человечество – и т. д.). Эти данные необходимы были для того, чтобы определить сферу ценностей подростков.

3. Также нами использовалась еще одна методика, направленная на изучение сферы личных ценностей, – «Успешный человек» Г.Р. Хузеевой (лаборатория психологии подростка ПИ РАО) [5]. Это качественная методика, в которой респондентам необходимо было написать качества человека, которые делают его успешным в современном обществе. Количество выделяемых характеристик не регламентировалось. Данные по этой методике использовались нами для определения образа желаемого Я подростков.

Поскольку данная методика является качественной, для интерпретации полученных данных был проведен контент-анализ. Были выписаны все характеристики, которые использовались подростками из двух городов. Затем данные характеристики были сгруппированы по некоторым общим психологическим признакам. В результате нами было выделено 10 критериев успешности:

- 1) волевые качества. В эту группу входили такие характеристики, как «целеустремленность», «упорство», «умение стоять на своем», «независимость», «сила воли» etc.;
- 2) привлекательность. В эту группу вошли такие характеристики, как «красота», «харизма», «привлекательная внешность» и т. д.;
- 3) коммуникативные навыки. В этой группе выделялись такие характеристики, как «умение общаться», «красноречие», «грамотная речь» и т. п.;
- 4) интеллектуальные способности – «ум», «интеллект», «знание нескольких языков», «аналитические способности» и др.;
- 5) профессиональные качества – «знание своего дела», «профессионализм», «трудолюбие», «трудоспособность» и др.;
- 6) моральные качества – «честность», «добропорядочность», «отзывчивость», «воспитанность», «милосердие» и др.;
- 7) особенности личности – «аккуратность», «оптимизм», «чувство юмора», «серьезность» и др.;
- 8) внешние факторы – здесь респондентами выделялись знакомства, связи, положение в обществе и богатство как критерии успешности;
- 9) образ жизни – здесь выделялись различные виды образа жизни, такие как, например, здоровый образ жизни;
- 10) адаптивность – «мобильность», «обучаемость», «гибкость», «эрудированность» и собственно «адаптивность».

Данные критерии были проанализированы на наличие либо отсутствие у каждого респондента.

1. Для выявления особенностей территориальной идентичности и представлений об окружающем мире нами была использована методика «Территориальная идентичность» Г.Р. Хузеевой в модификации М.М. Кончаловской (лаборатория психологии подростка ПИ РАО) [6].

В данной методике респондентам предоставлялся список открытых вопросов, касающихся их реального и идеального места проживания. Качественная обработка результатов заключалась в последовательном анализе ответов на вопросы, касающихся реальной территориальной идентичности (любимый город, значимое место в городе, личное пространство), а затем идеальной территориальной идентичности (город, в котором хотели бы жить, значимые критерии при выборе места проживания, идеальное место проживания).

Для удобства подсчета результатов методами математической статистики по ответам в данной методике, а также методике «Социальное пространство» были выделены два параметра: «удовлетворенность местом проживания» и «привязанность к месту проживания».

2. Методика «Я был, я есть, я буду» модификации Т.Д. Марцинковской (лаборатория психологии подростка ПИ РАО). Данная методика направлена на изучение особенностей временной перспективы, однако в нашем исследовании мы сосредоточились на особенностях образа Я в настоящем и будущем, также выявляемых этой методикой. Качественный и количественный подсчет результатов проводился по аналогии с анализом содержания ответов в методике М. Куна и Т. Мак Партленда «Кто Я?» [5].

По данной методике было выявлено следующее:

- эмоциональное отношение к себе в разные временные периоды у респондентов из разных городов;
- соотношение субъективных и объективных характеристик в образе Я в разные временные периоды;
- дифференцированность образа Я – на основе подсчета общего количества использованных характеристик.

3. Исследование личностных качеств проводилось с помощью методики Big Five (пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае, П. Коста). Результаты этой методики необходимы были для выявления места личностных качеств в структуре картины мира подростков из разных по масштабам и образу жизни городов.

Почти все использованные методики являются разработкой лаборатории психологии подростка ПИ РАО. Данные методики были отобраны нами в связи с тем что лабораторией психологии подростка на данный момент активно разрабатывается проблематика идентичности подростков, поэтому данные, полученные в нашем исследовании, можно было сравнить с данными, полученными ранее в других городах. Методики частично пересекались для подтверждения полученных результатов.

Для качественной обработки результатов нами использовался контент-анализ. Для количественной обработки использовался критерий Манна–Уитни и коэффициент Спирмена.

Анализ результатов

В результате анализа ответов респондентов по методикам «Территориальная идентичность» и «Социальное пространство» были выделены две категории (признака): удовлетворенность местом проживания и привязанность к месту проживания. У каждой категории (признака) была выделена степень выраженности от 0 до 2 (табл. 1).

Далее мы провели сравнение выделенных признаков в двух городах по критерию Манна–Уитни. Значимые различия были обнаружены по признаку удовлетворенности местом ($p = 0,000$) (табл. 2).

Также мы провели сравнительный анализ между показателями выраженности данных признаков по всем исследуемым нами параметрам (критерии успешности, личностные особенности, образ Я).

Так как нам необходимо было выяснить, существуют ли различия между группами по признаку территориальной идентичности, мы разделили респондентов на группы по выраженности признаков «удовлетворенность местом» и «привязанность к месту» и провели сравнительный анализ по критериям успешности и особенностям временной перспективы (табл. 3).

Таким образом, респонденты, которые чаще выбирали образ жизни как значимый критерий успешности, как правило, демонстрировали более низкий уровень привязанности к месту жительства по сравнению с респондентами, которые не выбирали образ жизни как значимый критерий. Респонденты, которые чаще выбирали адаптивность как критерий успешного человека, демонстрировали более высокий уровень привязанности к месту жительства, чем респонденты, не выбиравшие адаптивность.

Таблица 1

Выраженность признаков
территориальной идентичности

Выраженность признака	0	1	2
Привязанность к месту	Привязанность слабая (респондент выбирает другие города в других странах в качестве приемлемых и любимых, образ себя как жителя своего города не играет для него важной роли)	Средний показатель привязанности (респондент выбирает в качестве любимого или приемлемого город в этой же стране/округе, образ себя как жителя города выделяется как средний по значимости)	Высокая степень привязанности (любимый город – тот, в котором живет респондент, образ себя как жителя города является значимым)
Удовлетворенность местом	Удовлетворенность низкая, респондент выражает отрицательное отношение к месту жительства, любимых мест в городе не указывает или указывает мало	Средняя удовлетворенность, респондент выражает нейтральное отношение к городу, в качестве любимых мест указывает «общие» места (центр, окраина, дом)	Удовлетворенность высокая, выражается положительное отношение к городу, любимые места расписываются подробно

Таблица 2

Различия территориальной идентичности
по городам

Различия по критерию Манна–Уитни	P-value	Средние (Москва)	Средние (Симферополь)
Привязанность к месту	0.902	1.01	1.00
Удовлетворенность местом	0.000	1.41	0.90

Таблица 3

Различия по признаку привязанности к месту

Критерии успешности	0	1	2	0 и 1	0 и 2	1 и 2
КУ образ жизни	0,32	0,21	0,05	0,202	0,003	0,031
КУ адаптивность	0,37	0,22	0,41	0,095	0,713	0,034
Интроверсия– экстраверсия	47,37	53,60	49,62	0,004	0,217	0,077
Обособленность– привязанность	51,71	56,96	57,23	0,014	0,029	0,713
Импульсивность– самоконтроль	48,45	54,42	52,82	0,003	0,078	0,210

Среди этих данных наибольший интерес вызывают различия по характеристике «обособленность–привязанность». Респонденты с высоким уровнем личностной привязанности демонстрировали значимо более высокий уровень привязанности к месту жительства, чем респонденты, показавшие обособленность как личностную характеристику. Таким образом, привязанность к месту у респондентов во многом связана не с объективными особенностями окружения, а с личностными особенностями. Для подтверждения данного

тезиса мы провели корреляционный анализ Спирмена и получили положительную корреляцию привязанности к месту с личностной характеристикой «обособленность–привязанность» (0,190).

По признаку удовлетворенности местом были выявлены значимые различия по следующим параметрам: критерий успешности «профессиональные качества», критерий успешности «адаптивность» и личностная характеристика «обособленность–привязанность» (табл. 4).

Таблица 4

Различия по признаку удовлетворенности местом

Различия по КУ и личностным особенностям	0	1	2	0 и 1	0 и 2	1 и 2
КУ профессиональные качества	0,15	0,38	0,32	0,037	0,128	0,520
КУ адаптивность	0,15	0,29	0,43	0,185	0,019	0,113
обособленность–привязанность	50,65	55,90	58,17	0,136	0,009	0,085

Респонденты, демонстрирующие более высокий уровень личностной привязанности, имеют значимо более высокие показатели по степени удовлетворенности местом жительства. Таким образом, на удовлетворенность местом также во многом влияют личностные особенности (также подтверждено корреляционным анализом с показателем значимости $p = 0,222$).

Также мы проанализировали различия по степени удовлетворенности местом и привязанности к месту в зависимости от степени дифференцированности образа Я (табл. 5).

Были получены значимые различия между группами респондентов с высокой и низкой дифференцированностью образа Я. Респонденты с высоким показателем дифференцированности образа Я продемонстрировали значимо более высокую привязанность к месту и значимо более высокую удовлетворенность местом жительства.

Таблица 5

Различия по степени удовлетворенности местом
и привязанности к месту

Дифференцированность образа Я	p-value	Средние (Москва)	Средние (Симферополь)
Привязанность к месту	0,017	1,14	0,86
Удовлетворенность местом	0,008	1,28	0,99

Таким образом, респонденты, у которых более сформировано представление о себе, демонстрируют большую территориальную привязанность и удовлетворенность. Предположительно такие люди оценивают место жительства с разных сторон, более объективно.

Кроме того, было проведено сравнение ответов респондентов из двух городов по методике «Структура социальной идентичности». В данной методике подростки проводили ранжирование по степени значимости для них различных аспектов социального пространства в их городе. По результатам сравнения были выявлены значимые различия в выборе себя как части семьи ($p = 0,014$). Респонденты из Симферополя значимо чаще выбирали себя как члена семьи, то есть в большей степени определяли себя именно как представителей своей семьи.

По данной методике было также проведено сравнение групп с высокой и низкой дифференцированностью образа Я. По результатам были выявлены значимые различия в определении себя как жителя города ($p = 0,005$). Те, у кого дифференцированность образа высокая, определяли себя как жителя города в среднем чаще, чем те, у кого низкая дифференцированность образа Я.

По результатам анализа методик «Успешный человек» и «Я был, я есть, я буду» были выделены следующие параметры:

- 1) особенности эмоционального отношения подростков из разных городов;
- 2) критерии успешности у подростков из разных городов;
- 3) качественный и количественный анализ представленности объективных и субъективных характеристик образа Я в настоящем и будущем у подростков из разных городов.

В процессе анализа ответов подростков в методике «Я был, я есть, я буду» мы разделили все характеристики на эмоционально

позитивные, эмоционально негативные и нейтральные. Данный анализ не лишен некоторой умозрительности заключения, поэтому эти данные не использовались в статистической обработке, а представлены в процентном соотношении.

45% респондентов из большого города показали нейтральный характер самоописания. 35% респондентов показали неизменно позитивный образ себя и еще 20% показали негативный реальный образ Я и позитивный желаемый образ Я.

В Симферополе нейтральных характеристик замечено меньше – всего 22,5% всей выборки. 37,5% показали позитивный образ себя в настоящем и будущем и 40% негативный образ в настоящем и позитивный в будущем. Данные представлены на диаграмме.

Как уже говорилось выше, по результатам контент-анализа ответов респондентов по методике «Успешный человек» нами было выделено 10 критериев успешности. После этого все ответы респондентов были проанализированы на наличие каждого критерия. После этого мы провели сравнительный анализ между респондентами в двух городах по критерию различий Манна–Уитни.

Были выявлены значимые различия по критериям «привлекательность», «моральные качества», «особенности личности» и «адаптивность».

Таблица 6

Различия по критериям успешности в двух городах

Критерии успешности	p-value	Средние (Москва)	Средние (Симферополь)
КУ привлекательность	0,012	0,39	0,20
КУ моральные качества	0,000	0,20	0,49
КУ особенности личности	0,013	0,56	0,75
КУ адаптивность	0,000	0,53	0,11

Таким образом, привлекательность и адаптивность выделяются подростками из Москвы как критерий успешности в современном мире значимо чаще, чем подростками из Симферополя. В то же время моральные качества и личностные особенности чаще выделяются подростками из Симферополя.

Также мы проанализировали данные на представленность объективных и субъективных самоописаний (по примеру анализа методики «Кто я?»). К объективным самоописаниям относятся физические («мальчик», «привлекательный внешне») и социально-ролевые («ученик», «инженер», «сестра») характеристики. К субъективным относятся личностные характеристики («умный», «ленивый»), а также характеристики, связанные с увлечениями и интересами.

По результатам анализа у подростков из обоих городов преобладающими характеристиками выделены личностные. Однако при этом в Москве личностных характеристик меньше, чем в Симферополе, а объективных характеристик больше.

Представленность в образе Я объективных самоописаний свидетельствует о развернутости социокультурной идентичности подростка.

Для подтверждения полученных данных был проведен сравнительный анализ по критерию различий Манна–Уитни. Были выявлены значимые различия в представленности объективных и субъективных самоописаний в настоящем и будущем между группами подростков из Москвы и Симферополя (табл. 7).

Таблица 7

Различия по представленности объективных и субъективных характеристик у подростков из Москвы и Симферополя

	p-value	Москва	Симферополь
Субъективные хар-ки в настоящем	0,003	0,75	0,80
Объективные хар-ки в настоящем	0,003	0,25	0,20
Субъективные хар-ки в будущем	0,004	0,70	0,76
Объективные хар-ки в будущем	0,000	0,28	0,19

Таким образом, у подростков из Симферополя чаще встречаются субъективные характеристики образа Я в настоящем и будущем, а у подростков из Москвы значимо выше частота встречаемости объективных характеристик.

Важно отметить, что у подростков из Москвы выявлена более четкая дифференцированность образа Я по сравнению с подростками из Симферополя.

Выводы

В ходе качественного и количественного анализа было установлено различие в территориальной идентичности представителей разных городов. В качественном анализе исследовались такие характеристики территориальной идентичности, как любимый город, значимое место в родном городе, идеальное место проживания. Превалирующее число подростков из Москвы в качестве любимого города назвали свой собственный, в то время как мнения подростков из Симферополя сильно разделились. И напротив, на вопрос о значимом месте в родном городе подростки из Москвы в большинстве случаев выдавали множество разноплановых ответов, в то время как подростки из Симферополя чаще всего называли центр города или собственный дом.

Все эти различия предположительно связаны с двумя факторами.

1. Различия в уровне дифференцированности образа Я. По результатам математического анализа было выявлено значимое различие в дифференцированности собственного образа у подростков из разных городов. Москвичи продемонстрировали более высокий уровень дифференцированности наряду с большей представленностью объективных характеристик как в настоящем, так и в будущем. Представляется, что поскольку идентичность развивается в тесном контакте с внешним окружением, недостаточно сформированное представление о себе может сказываться на особенностях восприятия окружающего пространства. Однако в этой структуре сложно определить, что именно является предиктором. Эти данные подкрепляются и обратным расчетом – респонденты с высоким уровнем дифференцированности образа Я демонстрируют значимо более высокие показатели по степени удовлетворенности местом и привязанности к месту.

2. В ходе дальнейшего исследования было проведено сравнение групп подростков из разных городов по степени привязанности к месту и удовлетворенности местом. Были получены значимые различия по удовлетворенности местом (подростки из Симферополя продемонстрировали более низкий уровень удовлетворенности в среднем по группе).

Непосредственно по образу Я между группами подростков из разных городов были получены следующие различия.

3. По особенностям эмоционального отношения к себе в настоящем и будущем. Почти половина респондентов из большого города (45%) показала нейтральный характер самоописания. В нейтральную категорию попадают объективные характеристики, не несущие опре-

деленной эмоциональной нагрузки, а также амбивалентные описания себя в разные периоды. Так, подросток из Москвы может сказать о себе в будущем как о человеке состоятельном, умном, но ленивом или трусливом. Большинство респондентов из Симферополя показали негативный образ себя в настоящем и позитивный в будущем. Чаще всего это выражалось в виде своего рода «линии развития» от прошлого к будущему (например, в прошлом – тупой, в настоящем – чуть менее тупой, в будущем – умный). Представляется, что подростки из малого города смотрят на будущее с большей надеждой и, возможно, даже уверенностью в счастливом исходе.

4. По выбираемым критериям успешности. Так, привлекательность и адаптивность выделяются подростками из Москвы как критерий успешности в современном мире значимо чаще, чем подростками из Симферополя. В то же время моральные качества и личностные особенности чаще выделяются подростками из Симферополя. Возможно, это связано с тем, что в малых городах исследователями отмечается большая склонность к групповой, а не индивидуальной идентичности. Таким образом, в большом городе выделяются критерии, характерные для индивидуалистического стиля жизни, а в малом – критерии, позволяющие успешно реализоваться в социуме.

5. По представленности объективных и субъективных характеристик в образе Я. Подростки из малого города продемонстрировали значимо большее количество личностных характеристик образа Я как в настоящем, так и в будущем. Одновременно с этим московские подростки продемонстрировали большую представленность объективных характеристик во все временные периоды. Широкая представленность объективных характеристик в образе Я свидетельствует о развернутости социокультурной идентичности подростков из большого города.

Далее нами были проанализированы различия групп респондентов с разной выраженностью удовлетворенности местом и привязанности к месту.

Респонденты, для которых образ жизни был значимым критерием успешности, чаще всего демонстрировали низкий уровень привязанности к месту. Возможно, это связано с тем, что взгляд на успешность с точки зрения образа жизни предполагает большую мобильность и готовность к переменам. Респонденты, для которых значимым критерием успешности была адаптивность, напротив, демонстрировали высокий уровень привязанности к месту. Возможно, это связано с тем, что привязанность к месту жительства сама по себе связана с умением адаптироваться.

Среди личностных характеристик наибольший интерес вызывают различия по характеристике «обособленность–привязанность». Респонденты с высоким уровнем личностной привязанности демонстрировали значимо более высокий уровень привязанности к месту жительства, чем респонденты, показавшие обособленность как личностную характеристику. Таким образом, привязанность к месту является не только результатом развития территориальной идентичности, но и следствием личностных особенностей индивида. Для подтверждения полученных данных был проведен корреляционный анализ Спирмена. Была выявлена положительная корреляция с личностной характеристикой «обособленность–привязанность» (0,190).

Также среди личностных характеристик респонденты с высокими показателями интроверсии и импульсивности также демонстрировали низкий уровень привязанности к месту, что представляется достаточно очевидным.

По признаку удовлетворенности местом были выявлены значимые различия по следующим параметрам: критерий успешности «профессиональные качества», критерий успешности «адаптивность» и личностная характеристика «обособленность–привязанность».

Респонденты, для которых значимым критерием успешности выступали профессиональные качества и адаптивность, демонстрировали более высокий уровень удовлетворенности местом жительства. Респонденты, демонстрировавшие более высокий уровень личностной привязанности, имеют значимо более высокие показатели по степени удовлетворенности местом жительства. По результатам корреляционного анализа была выявлена положительная корреляция с критерием успешности «адаптивность» (0,202), положительная корреляция с личностной характеристикой «обособленность–привязанность» (0,222).

Таким образом, уровень личностной привязанности связан и с удовлетворенностью, и с привязанностью к месту.

Также нами были обнаружены некоторые совпадения с выводами по другим исследованиям территориальной идентичности подростков [4]. Так, среди совпадающих выводов можно выделить следующие:

- 1) все подростки вне зависимости от территориальной принадлежности и условий транзитивного общества стремятся к позитивному образу себя в настоящем и будущем;
- 2) подростков из мегаполиса отличает большая представленность амбивалентных характеристик себя и окружающего пространства;

- 3) идентичность подростков из мегаполиса воспринимается ими с позиции индивидуальности, тогда как подростки из малого города демонстрируют тенденцию к групповой идентичности. Предполагается, что чем сложнее структура социального пространства, тем сильнее осознается собственное уникальное Я;
- 4) многие подростки вне зависимости от территориальной идентичности в качестве наиболее референтной группы выбирают семью. Предполагается, что нестабильность современного общества толкает подростков искать защиты в семье, а не среди сверстников, как это было раньше.

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Существуют различия в образе Я в зависимости от объективных особенностей социального окружения. Эти различия проявляются в:

- выбираемых подростками критериях успешного человека;
- особенностях эмоционального отношения к своему будущему;
- особенностях выбираемых характеристик успешности и их соотносённости с образом будущего.

2. Подростки из большого города представляются более включёнными в социокультурный контекст, что проявляется в представленности объективных характеристик образа Я, большей дифференцированности собственного образа, большей вариативности характеристик в разные временные периоды (в частности, наличие амбивалентных характеристик в настоящем и будущем).

3. Подростки из малого города демонстрируют значимо более низкую удовлетворённость местом жительства. Привязанность к месту жительства у подростков из большого и малого города различий не имеет. Возможно, это связано с тем, что привязанность к месту во многом определяется привязанностью к социальному окружению (семье, друзьям, значимым аспектам социального пространства), и в этом отношении различий между подростками нет.

4. В ходе исследования различий между группами по признаку территориальной идентичности были выявлены личностные черты, связанные со степенью привязанности и удовлетворённости местом, а именно:

- «обособленность–привязанность»,
- «импульсивность–самоконтроль»,
- «интроверсия–экстраверсия».

5. Были обнаружены некоторые совпадения с выводами по исследованию территориальной идентичности подростков Г.Р. Хузеевой [4]: стремление подростков к позитивному образу

себя в настоящем и будущем вне зависимости от территориальной принадлежности, большая представленность амбивалентных характеристик себя и окружающего пространства у подростков из мегаполиса, большая индивидуализированность подростков из мегаполиса, выбор семьи как референтной группы подростками вне зависимости от территориальной идентичности.

Представляется, что у данного исследования идентичности современных подростков есть перспективы дальнейшего развития. Данные по исследованию можно использовать для более углубленного и качественного анализа различных аспектов идентичности современного подростка в условиях глобализации и транзитивности общества.

Литература

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15 октября 2018).
3. *Нартова-Бочавер С.К., Терюшкова Ю.Ю.* Образ будущего у людей с разным прошлым (лонгитюдное исследование проживания кризиса юности) // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 439–457.
4. *Хузеева Г.Р.* Особенности восприятия субъективного социального пространства у современных подростков, проживающих в различных условиях // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. № 31. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 14.11.2018).
5. Идентичность и социализация в современном мире: Сб. методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 111 с.
6. *Голубева Н.А., Кончаловская М.М.* Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. № 32. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 11 декабря 2018).
7. *Колда А.А.* Образ желаемого будущего у подростков из больших и малых городов // Психология – наука будущего: Материалы VII Междунар. конф. молодых ученых. Москва, 14–15 ноября 2017 г. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. С. 381–385.
8. *Колда А.А.* Различия в образе будущего у современных подростков из малого города и мегаполиса // Ломоносов-2018: Материалы Междунар. молодежного научного форума / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018. (DVD-ROM)

References

1. Bauman Z. Flowing modernity. Saint-Petersburg: Piter Publ.; 2008. 240 p. (In Russ.)
2. Martsinkovskaya TD. Modern psychology – challenges of transitivity. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2015;8(42):1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrascheniya 15 October 2018). (In Russ.)
3. Nartova-Bochaver SK., Teryushkova YuYu. The image of the future among people with different past (longitudinal study of living through the youth crisis). The development principle in contemporary psychology / Ed. by AL. Juravlev, EA. Sergienko. Moscow: Institut psihologii RAN Publ.; 2015. P. 439-57. (In Russ.)
4. Huzeeva GR. Features of perception of subjective social space in modern adolescents living in different conditions. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2013;6(31):10. URL: <http://psystudy.ru> (data obrascheniya 14 October 2018). (In Russ.)
5. Identity and socialization in the modern world. Collection of techniques / Ed. by TD. Martsinkovskaya. Moscow: MPGU Publ.; 2015. 111 p. (In Russ.)
6. Golubeva NA., Konchalovskaya MM. Territorial Identity and Value Orientations as Factors of Social Space Structuring. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2013;6(32). (data obrascheniya 11 December 2018). (In Russ.)
7. Kolda AA. The image of the desired future among adolescents from cities and towns. Psychology – a Science of the Future. Proceedings of the 8th International Conference of Young Scientists. November 14–15, 2017. Moscow / Ed. by AL. Juravlev, EA. Sergienko. Moscow: Institut psihologii RAN Publ.; 2017. P. 381-85. (In Russ.)
8. Kolda AA. Differences in the image of the future of modern adolescents from a small city and metropolis. *Lomonosov-2018*. Proceedings of the International Young Scientists Forum. [Internet] / Ed. by IA. Aleshkovskiy, AV. Andriyanov, EA. Antipov. Moscow: MAKS Press; 2018. (DVD-ROM) (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия А. Колда, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; педагог-психолог, школа № 843, Москва, Россия; 119602, Россия, Москва, ул. Олимпийская деревня, д. 23, стр. 1; dalokanastasia@gmail.com

Information about the author

Anastasiya A. Kolda, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; psychologist, school № 843, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 23, Olimpiiskaya derevnya Street, Moscow, Russia, 119602; dalokanastasia@gmail.com

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 21.12.2018.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 400

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71129
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
